

Сергей Григорьевич
КОЗЛОВ
КАК ЁЖИК
С МЕДВЕЖОНКОМ...



Свыше двухсот тридцати иллюстраций
Анаит Гардян
к восьмидесяти двум сказкам

БИБЛИОТЕКА МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ





Сергей Григорьевич Козлов
(1939–2010)

Сергей Григорьевич
Козлов

КАК ЁЖИК С МЕДВЕЖОНКОМ...

Сказки

Иллюстрации
Анаит Гардян



творческое объединение
Алькор

*Совместный проект издательства «СЗКЭО»
и переплётной компании
ООО «Творческое объединение „Алькор“»*



Санкт-Петербург
СЗКЭО

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6
К59

Первые 100 пронумерованных экземпляров
от общего тиража данного издания переплетены мастерами
ручного переплета ООО «Творческое объединение «Алькор»

Классический переплет выполнен
из натуральной кожи особой выделки растительного дубления.

Инкрустация кожаной вставкой с полноцветной печатью.

Тиснение блинтовое, золотой и цветной фольгой.

6 бинтов на корешке ручной обработки.

Использовано шелковое ляссе, золоченый каптал из натуральной кожи,
форзац и нахзац выполнены из дизайнерской бумаги
с тиснением орнамента золотой фольгой. Обработка блока
с трех сторон методом механического торшониrowания
с нанесением золотой матовой полиграфической фольги горячим способом.

Оформление обложки пронумерованных экземпляров
разработано в ООО «Творческое объединение «Алькор»

К59 Козлов С. Г. Как Ёжик с Медвежонком... Сказки. — Санкт-Петербург:
СЗКЭО, 2025. — 328 с., ил.

В сборнике представлено более шестидесяти сказок знаменитого советско-го и российского детского писателя Сергея Козлова (1939–2010). Чудесные истории о Ёжике, Медвежонке, Ослике, Поросятке и других друзьях-зверятах давно знакомы отечественным читателям. Эти сказки продолжают покорять детские сердца и сегодня. В прелестной, уникальной манере очаровательных героев изобразила современная художница Анаит Гардян (1967).

© СЗКЭО, 2025

© Малявина Т. А., 2025

© Гардян А. Р, иллюстрации. 2025

ISBN 978-5-9603-1231-8 (7БЦ)

ISBN 978-5-9603-1232-5 (Кожаный переплет)

КАК ЁЖИК С МЕДВЕЖОНКОМ...





Кит



Однажды Заяц показалось, что деревья — водоросли, небо — вода, а сам он — рыба.

И Заяц поплыл.

Заяц плыл, перебирая лапами, подгребая ушами и хвостом.

— Что это ты делаешь, Заяц? — спросила Белка.

— Плыву.

И Белка поплыла рядом.

— Что это вы делаете? — спросил Хомячок.

— Не видишь? Плавём!

И Хомячок бочком, бочком поплыл следом.

Потом стал большой рыбой Медвежонок.

Он сразу догадался, что все — рыбы, и ничего не спросил.

Медвежонок плыл зажмурившись, поэтому всё время натыкался то на Белку, то на Хомячка.

— Не толкайся, — шепнула Белка. — Смотри, сколько воды!

— Ты почему шепчешь? — тоже шёпотом спросил Медвежонок.

— А где ты слышал, чтобы рыбы громко разговаривали?..

Ёжик сидел на крыльце и пил чай.

Ёжик сразу сообразил, что к нему плывут рыбы, и сбежал за удочкой.

Первым поймался на морковку Заяц. Он схватил морковку двумя лапами и выскочил на крыльцо.

Белка поймалась на гриб. Хомячок — на капустный листик.

А для Медвежонка пришлось привязать к леске целый горшочек с мёдом. Медвежонок долго не ловился. Но в конце концов поймался и Медвежонок.

— Здорово! — сказала Белка, когда сели на крыльце пить чай. — Так мы ещё никогда не играли!

— Ещё бы! — сказал Медвежонок. — Ведь никто из вас так и не догадался, что я был стареньким подслеповатым китом.



На всю весну



И деревья, и река, и высохшая прошлогодняя трава — все радовались солнцу.

И Медвежонок радовался. Он топал всеми четырьмя лапами и пел:

Ура! Ура!
Гулять пойду!
За лапу Зайца поведу.
И Поросёнок прибежит,
И Ёжик уж в траве шуршит.

Тут Медвежонок остановился.

— Ёжик уж... — пробормотал он. — Ёжик и Уж или Ёжик уже? Нет, ужей ещё нет, они спят, а надо петь: «А Ёжик уже давно в траве шуршит», то есть бежит к нам, ко мне, Зайцу и Поросёнку, и шуршит в траве.

И Медвежонок снова затопал лапами и запел:

Ура! Ура!
Гулять пойду!
За лапу Зайца поведу.
И Поросёнок прибежит...

Здесь он на секунду остановился и спел:

И Ёжичка в траве шуршит!

— Я шуршу, — сказал Ёжик.

— А ты откуда взялся? Уходи! Я сперва Зайца за лапу поведу, потом прибежит Поросёнок, а уж потом — ты.

— А куда же я денусь? — спросил Ёжик. — Я твою песню ещё откуда слышал.

— Нет, — сказал Медвежонок. — Ты сейчас уйди, а когда поймаю Зайца, и Поросёнок...

— Где ж ты его поймаешь?

— Поймаю, — сказал Медвежонок. — Если в песне поётся, значит, поймаю. Куда он денется?

— Ладно, — сказал Ёжик. И спрятался за куст.

Ура! Ура!
Гулять пойду!
За лапу Зайца поведу!.. —

ещё громче запел Медвежонок.

И тут выскочил Заяц.

— Привет! — сказал он. — А я слышу — кто-то про меня поёт, ну, думаю...

— Вот, — сказал Медвежонок. — Всё как в песне. — Взял Зайца за лапу и повёл к реке.

— Куда мы идём? — спросил Заяц.

— Иди-иди, — сказал Медвежонок. — Сейчас Поросёнок прибежит.



— Ха-ха! Так он тебе и прибежит! Поросяенок в город уехал. Всю зиму шарфик вязал, поехал на базар продавать.

«Не может такого быть, — подумал Медвежонок, — чтобы не как в песне».

И запел:

Вот на прогулку я иду!
За лапу Зайца я веду!
И Поросяенок прибежит,
А Ёжик уж за мной спешит!

— Тьфу! Опять этот Уж! — Медвежонок остановился. — Послушай, — обернулся он к Зайцу. — Ты ужей знаешь?

— А как же!

— А чего они теперь делают?

— Ужи? Эти — спят. А которые заречные — не знаю.

— Понимаешь, — сказал Медвежонок, — один Уж тычется в песню. Я его гоню, а он — лезет.

— Они такие, — сказал Заяц. — Где хошь пролезут.

Ёжик по кустам, по кустам незаметно бежал за Зайцем и Медвежонком и ждал, когда прибежит Поросяенок.

Ему нравилось, что вот не просто пошли гулять, а что сперва Заяц, потом Поросяенок, а уж потом он.

«Эх, скорей бы только прибежал Поросяенок! — думал Ёжик. — Выбежал бы сейчас, и тогда сразу бы выкатился я, и мы бы помчались вдоль реки и завопили на всю весну медвежью песню!..»

— Нет-нет, ты не жди, — говорил Заяц Медвежонку, когда они шли к реке. — Поросяенок не прибежит. Как прибегать, если он на базаре?

И тут на реке показалась точка.

— Видишь? — крикнул Медвежонок. И запел-заплясал:

Ура! Ура!
Гулять идём!
За лапу Зайчика ведём!
И Поросянок прибежит,
И Ёжик песню подхватит!

— Подхвátит! — поправил Заяц.

— Я бегу! — крикнул Поросянок из лодки.

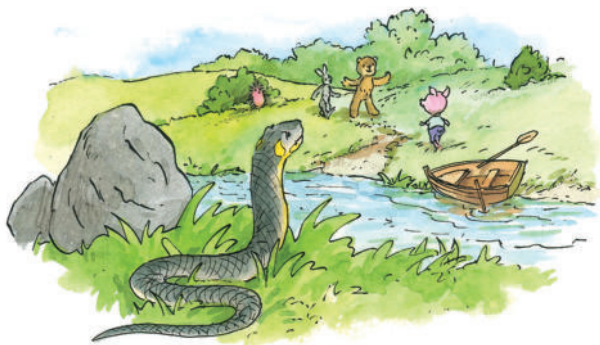
Он грёб изо всех сил, выскочил на берег и побежал к Медвежонку. И Ёжик полетел птицей, и от радости у него перехватило в груди.

Ура! Ура!
Весна пришла.
И снова вместе,
Все втроём,
Мы песню
Солнышку
Поём! —

запели все.

— Видите? — сказал Медвежонок. — Всё, как в песне! Потому что иначе и не может быть!

А Уж во все глаза глядел на друзей с того берега и очень жалел, что не может переплыть реку.



Как Ёжик с Медвежонком спасли Волка

К старости у Волка стали отрастать уши. Каждый вечер он брал ножницы, садился на берегу пруда и потихонечку постригал их.

— А то неудобно, — бормотал Волк, — вырастут, как у Осла.

Была осень, стояли солнечные деньки, летели листья. Всё кругом, казалось, было из золота — столько насыпало этих свежих, шуршащих «кленовых лапок» — так Волк про себя называл листья клёна.

Волк вышел к синему-синему пруду в золотых берегах, достал ножницы и посмотрел в воду.

Из воды на Волка глянул хмурый седой Волк с пучками меха в ушах и странно торчащими, как у лошади, ушами.

«Вот если сегодня не постригу, — подумал Волк, — завтра будут, как у Осла».

Он сел на камень, свесил задние лапы и склонил голову набок.

Очень печальная это была картина — серый Волк на замшелом камне в синем пруду.

— Что ж, — вздохнул Волк, — начнём, пожалуй! — И отхватил кусочек от левого уха. Зажмурился, посидел немного с закрытыми глазами, снова глянул в воду и отстриг кусочек правого.

— Отдохну, — вслух подумал Волк и поглядел на небо.

По синему осеннему небу на белом облаке ехал Медвежонок и пел уже известную песню про облака.



— А-аблака-а... — вопил Медвежонок, — белогривые лошадки!..

«Хорошо ему, — подумал Волк, — уши у него не растут, стыдиться нечего, сейчас приедет на облаке к другу своему, Ежу, сядут, чай из самовара пить будут. Эх!...»

— А-аблака-а, что вы мчитесь без оглядки? — не смолкал Медведь в небе.

— Не глядите вы, пожалуйста, свысока,

А по небу прокатите нас, облака, — аккуратно так, почти про себя, спел Волк, но не успел вымолвить последнего слова, как камень, на котором он сидел, вдруг выдернулся из земли — и поплыл ввысь.

— О-о-о-о-о! — завыл Волк.

Но тут в замшелом боку у камня открылся иллюминатор — и выглянул первый марсианин.

— Сиди тихо, — сказал он. — Всё о'кей! — И иллюминатор захлопнулся, и даже следа от него не осталось, а со стороны это выглядело так: старый Волк на тяжёлом замшелом камне молча ехал по небу.

— Ты куда? — спросил у него Медвежонок. Волк молчал.

— Ты на чём едешь? — крикнул Медвежонок. Волк молча показал лапой на камень и посмотрел на Медвежонка печальными глазами.

— Волченька, — сказал Медвежонок, — мы же друзья. Садись ко мне! Это же нехорошо — ехать по небу на камне.

Но тут в замшелом боку открылся другой иллюминатор, и второй марсианин сказал Медвежонку:

— Отвали!

— Что? — не понял Медвежонок.

— Сгинь! — сказал марсианин.

И Медвежонок — испарился.

А Волк летел в бесконечное синее пространство, строго сидя на камне с каменной мордой и выпученными глазами.

У Ёжика как раз вскипел самовар, когда прямо на поляну перед его домом с неба шмякнулся Медвежонок.

Некоторое время он полежал плашмя, потом повернул голову и сказал:

— Вот слушай: Волк улетел на камне!

— Мишенька! — закричал Ёжик. — Ты живой?

— Живой, живой, — сказал Медвежонок. — Волк улетел на камне, слышишь?

Ёжик подбежал к Медвежонку, ощупал его, потрогал голову.



— А в боках — дверцы! — захлёбываясь, говорил Медвежонок. — А в них — человечки такие, как картошка в мае, — в отросточках!

— Где дверцы? — спросил Ёжик.

— В камне. Волк летел — печальный такой... — Медвежонок всхлипнул. Ёжик погладил его по голове.

— И молчал... — задумчиво сказал Медвежонок. — А этот дверь открыл и говорит...

— Ты подумай, что ты говоришь? — сказал Ёжик. — Какую дверь?

— Да вот такую!!! — завопил Медвежонок и так стукнул лапой по траве, что... земля треснула, и половина всей

Земли стала медленно отъезжать, и между Ёжиком и Медвежонок образовалась... пропасть.

— А-а-а!.. — закричал Ёжик.

Медвежонок прыгнул к Ёжику, они обхватили друг друга и так несколько мгновений стояли, трясясь. А вторая половина Земли, убегая всё дальше и дальше трещиной, отъезжала с тяжким кряхтением, как, лопнув, разваливается перезрелый арбуз.

Ёжик метнулся к дому, выскочил с верёвкой, накиннул петлю на сучок отъезжающего дуба, обежал свой дуб у крыльца и стал изо всех сил тянуть, соединять Землю.

Медвежонок бросился помогать, и они вдвоём еле-еле стянули две половинки Земли и завязали верёвку крепким узлом. Все деревья по сторонам убегавшей трещины были связаны верёвками, когда Ёжик с Медвежонок возвращались к дому и Ёжик говорил:

— Теперь я верю. Если Земля разваливается, он вполне мог улететь на камне.

— Надо спасти Волка, — сказал Медвежонок. И они подошли к дубу возле Ёжикиного крыльца.

Волк летел на камне в вечерющем небе, марсиане открыли иллюминаторы, и камень светился, как звезда.

«Куда я лечу? — тоскливо подумал Волк. — Сперва стали отрастать уши, потом...»

— Эй! Как себя чувствуем? — крикнул первый марсианин. — О'кей?

— Кей, кей, — сказал Волк. — Куда вы меня везёте?

— Не твоя забота, — вылез второй марсианин. — Приедешь — поглядишь.



— Да зачем я вам нужен, старый такой? — спросил Волк.

— Старость не радость, хе-хе-хе! — захихикали марсиане.

Но тут в небесах появился тяжело гудящий дуб. Это был старый Ёжикин дуб у крыльца с мощной кроной, только корни его языками пламени били по синеве.

В дубе, в хорошем крепком дупле, сидел Ёжик с Медвежонком.

— Эй, вы! — закричал Ёжик. — Эй, вы, картофелины, отдавайте зверя!



— Сгинь! — высунувшись, крикнул марсианин, но дуб защитил друзей крепкими ветвями, и злое слово пролетело мимо.

— Волченька, лезь к нам! — крикнул Медвежонок.

Седой Волк на старом камне, как памятник, улетал в небеса.

— Волченька, прыгай! — крикнул Ёжик.

Тогда Волк покосился на нечистую силу, беззвучно пошамкал губами — и сиганул в самые ветви.

— Домой! — крикнул Ёжик, подхватил Волка, и дуб повернул к Земле.



Камень с погашенными огнями понёсся следом.

Уж как он свистел, как хохотали марсиане — передать трудно.

Волк, не шевелясь, с выпученными глазами сидел в дупле, Ёжик гладил его по голове лапой, а Медвежонок швырял в тёмный камень желудями и приговаривал:

— Вот вам, картошки! Вот вам за Волченьку! Запомните нас!

Один жёлудь попал марсианину в ухо, марсианин ойкнул, пропал в своём иллюминаторе, и подбитый камень со свистом пронёсся мимо и упал в пруд на прежнее место.

А Ёжик, Волк и Медвежонок сделали на своём дубе круг над прудом и полетели восвояси.

Дуб пламенными корнями вниз садился на своё место. Он весь дрожал, трясся и гудел, как сто колоколов, пока окончательно не влез в землю.

Друзья спустились по лесенке.

— Спасибо, дуб! — поклонился до земли Ёжик.

— Спасибо за Волченьку, — сказал Медвежонок.

— Не за что, — прохрипел дуб. И уставился в небо.

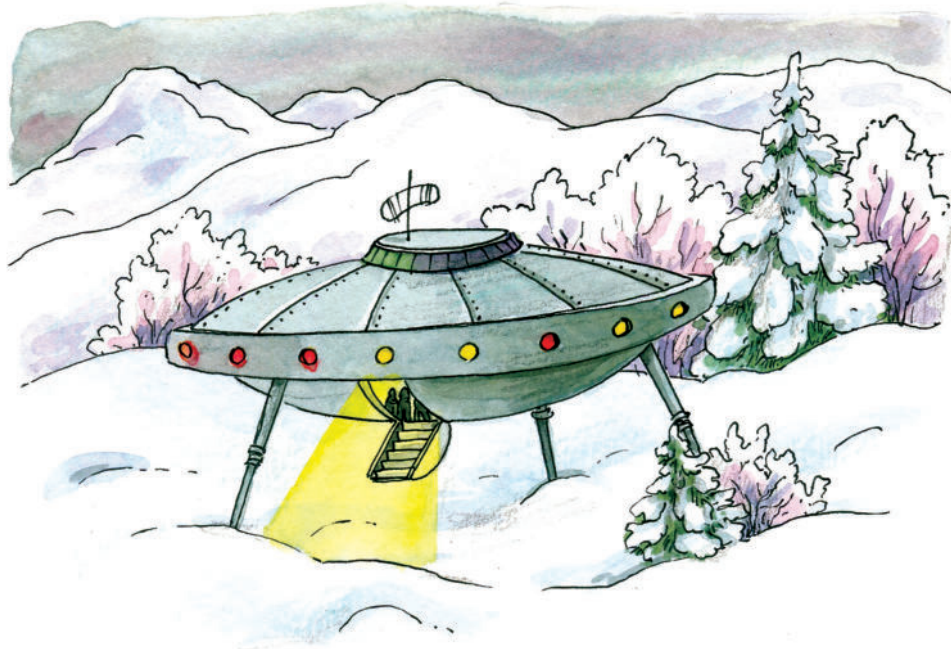
— Где же ты был, Волк? — спросил Ёжик, когда они тут же, под дубом, сели за стол и разлили по кружкам чай из самовара. — Тебя целых три дня не было!

Тут Волк заплакал.

— У меня стали отрастать уши, — всхлипывая, сказал он. — Мне было стыдно приходить к вам с ослиными ушами.

— Эх ты! — сказал Медвежонок. — Мы же твои друзья. Какая разница, какие у тебя уши?

Новогодняя Сказка



Перед Новым годом Ёжика с Медвежонок навестили инопланетяне.

Инопланетяне прилетели в серебряной тарелке с окошками.

Когда тарелка опустилась на поляну, Медвежонок вешал на ёлку последнюю звезду.

— Ой! — вскрикнул Ёжик.

Медвежонок дёрнулся, и звезда разбилась.

— Здравствуйте! — сказал первый инопланетянин, и Ёжик его хорошо слышал, хотя в доме были двойные рамы.

— Привет! — прошептал Ёжик.

— Ты с кем разговариваешь?

— Иди сюда! — шепнул Ёжик.

Пока Медвежонок шёл к окну, по лесенке уже спустился второй инопланетянин. Он помахал Ёжику с Медвежонком.

— Кто это?

— Маши лапой, — сказал Ёжик.

Вылез третий, и все трое пошли к домику Медвежонка.

На поляне было снегу по пояс, но инопланетяне шли, не проваливаясь. Они были в скафандрах, но шлемы оставили в тарелке, поэтому Ёжик с Медвежонком могли видеть, что головы инопланетян похожи на картошку в мае, в отросточках.

— А ведь нас не ждали! — говорил один.

Медвежонок схватил веник, подмёл. Ёжик распахнул дверь. Все трое вошли и поздоровались.

— Здравствуйте! Очень рады вас видеть! С наступающим Новым годом!

— И вас!

— И вас! — закивали Ёжик с Медвежонком.

Медвежонок поставил самовар, а Ёжик переминался с ноги на ногу — не знал, как предложить инопланетянам раздеться.

— Ничего-ничего, нам не жарко, — беззвучно сказал первый. И все сели к столу.

«Снится мне всё это или на самом деле?» — подумал Медвежонок.

— На самом деле, на самом деле, — молча сказал второй.

«Неужто вправду?» — подумал Ёжик.

— Вправду-вправду, — сказал третий.



— Вы что любите? — спросил Медвежонок. — Мёд или клюковку?

— Клюковку-клюковку.

— И мёд, — заметил, не раскрывая рта, первый.

Ёжик быстро всё поставил на стол и налил чай из самовара.

— Очень тут у вас хорошо!

— Очень! — закивал первый.

— Так покойно-покойно!

— Ёлка красивая!

Медвежонок хотел спросить, долго ли они летели и вообще — откуда, но постеснялся.

— Мы издалека, — как бы угадав медвежьи мысли, начал первый.

— Очень издалека, — кивнул второй.

— Наша планета так далеко, — заметил третий, — что её и не видно.

— Где? — спросил Медвежонок.

— А нигде.

— Это... как? — Ёжик впервые поднял голову и прямо поглядел на картошек в отросточках.

— Нигде не видно, — улыбаясь, говорил третий. — Нигде-нигде. Мы из другой галактики.

Ёжик с Медвежонком переглянулись.

— Из другой солнечной системы, — молча пояснил первый.

— У вас... солнце другое? — выдохнул Ёжик.

— Другое-другое, — закивали инопланетяне и тихонечко засмеялись. Отсмеявшись, все трое стали пить чай из блюдца, есть клюкву и мёд.

— Вы ешьте, ешьте, — угощал Ёжик.
— Кушайте, — кивал Медвежонок.
— У нас много, — говорил Ёжик. — На всю зиму хватит!
— Это ничего, что у вас другое солнце, — подбадривал Медвежонок, захватывая ложкой побольше мёда и подкладывая инопланетянам. — А мёд везде вкусный!
— Правда-правда, — беззвучно сказал первый.
— Ага! Кисленько! — третий сморщился.
— А если смешать — будет кисло-сладко, — сказал Ёжик.

Ему хотелось как-то получше, погостеприимнее встретить инопланетян, чтобы здесь, на их с Медвежонком земле, в их лесу, инопланетянам было радостно и хорошо.



— Нам радостно!

— Нам хорошо!

— Мы очень довольны! — заговорили вместе все инопланетяне.

Но Ёжик открыл люк, спустился в погреб, достал и грибков, и брусники, и орехов — всего, что было у них в доме. А Медвежонок снял со стены балалайку и заиграл.

— Эх! Эх! — Ёжик взял платочек и пошёл в пляс.

И инопланетяне, неловко толкаясь, вылезли из-за стола и заплясали вокруг Ёжика. А самый маленький, третий, пошёл вприсядку.

«Ах, вы сени, мои сени!» — играл Медвежонок.

И отросточки на головах инопланетян шевелились.

А Ёжик всё плясал, Медвежонок играл, и они даже не заметили, что, кроме них, в доме никого нет.

— Ох! — охнул Ёжик и кинулся к окну.

На том месте, где сидела тарелка, лежал ровный, нетронутый снег. Они выбежали на крыльцо — молодой месяц, как попугай, сидел на ветке. И — ни следа, ни пятнышка!

Только на столе стояло пять чашек вместо двух, а ведь если бы Ёжик с Мед-





вежонком были вдвоём, зачем бы им понадобилось ещё три чашки? Ёжик пощупал себя, потом — Медвежонка.

— Мы есть, — сказал Медвежонок.

— Есть, — прошептал Ёжик.

И тут они увидели, как в открытую дверь влетела большая звезда и села на ёлку. Звезда вспыхнула — и стало так красиво, что Ёжик с Медвежонком зажмурились. И

тут же в раскрытую дверь вошёл важный Пингвин — в чёрном фраке с галстуком-бабочкой.

— Танец маленьких лебедей! — объявил Пингвин.

Взвилась музыка, впорхнули лебеди.

Белоснежные лебеди танцевали, изогнув гибкие шеи, и танец их был так прекрасен, что Ёжик с Медвежонком заплакали.

Потом всё исчезло, и только большая бабочка Махаон кружилась, кружилась, кружилась под потолком, пока Ёжик с Медвежонком, обнявшись, не уснули на лавке.

А утром они увидели такую нарядную ёлку и столько подарков под ней — что их хватило бы на весь лес.

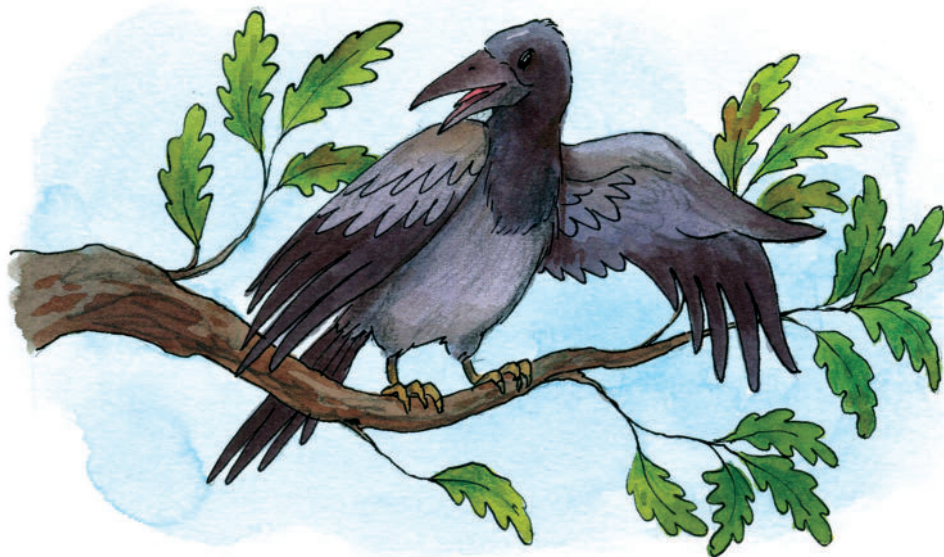
Тут был и барабан для Зайца, и свистулька для Хомячка, и скрипка для Комарика, и сапожки для Поросёнка — всего и не счесть.

И ещё было письмо:

ВЫ ОЧЕНЬ ДОБРЫЕ, ЁЖИК И МЕДВЕЖОНОК.
ПУСТЬ У ВАС БУДЕТ ВСЁ ХОРОШО В НОВОМ
ГОДУ!



Берегите погоду!



Шумели дожди, летели листья, птицы собирались в стаи и улетали на юг, но когда появлялось солнце, было так просторно и хорошо, что казалось, нет ничего на свете лучше этих последних золотых деньков.

— Бер-р-р-регите погоду! — каркнула Ворона.

И Ёжик с Медвежонком задумались.

«Эх, если б это было возможно!» — думал Ёжик.

— Мы бы с неё пушинки сдували, — незаметно для себя вслух сказал Медвежонок.

И вдруг закричал: «Придумал! Придумал!»

— Говори.

— Надо сделать большой-пребольшой зонт! Чтобы — над всем лесом! Чтобы...

— Так-так-так... — забормотал Ёжик. — У зонта должна быть нога...

— Верно!

— Нога должна быть...

— Высокая!

— Сосна на горе!

— Согласен!

— А крыша?

— Знаю! — завопил Медвежонок. — Бежим к паучкам!

И они помчались.

— Паучки! — издали ещё крикнул Ёжик. — Берегите погоду!

— Согласны! — закивали паучки.

А Самый Маленький Паучок вышел вперёд и сказал:

— Мы очень согласны! А как?

— Подробности объяснит мой друг Медвежонок.

Медвежонок встал на пенёк и поведал план.

— Вот это да! — сказал Главный Паучок. И прослезился.

А Медвежонок посадил паучков в корзину и побежал с ними к сосне, потому что сами бы они очень долго двигались.

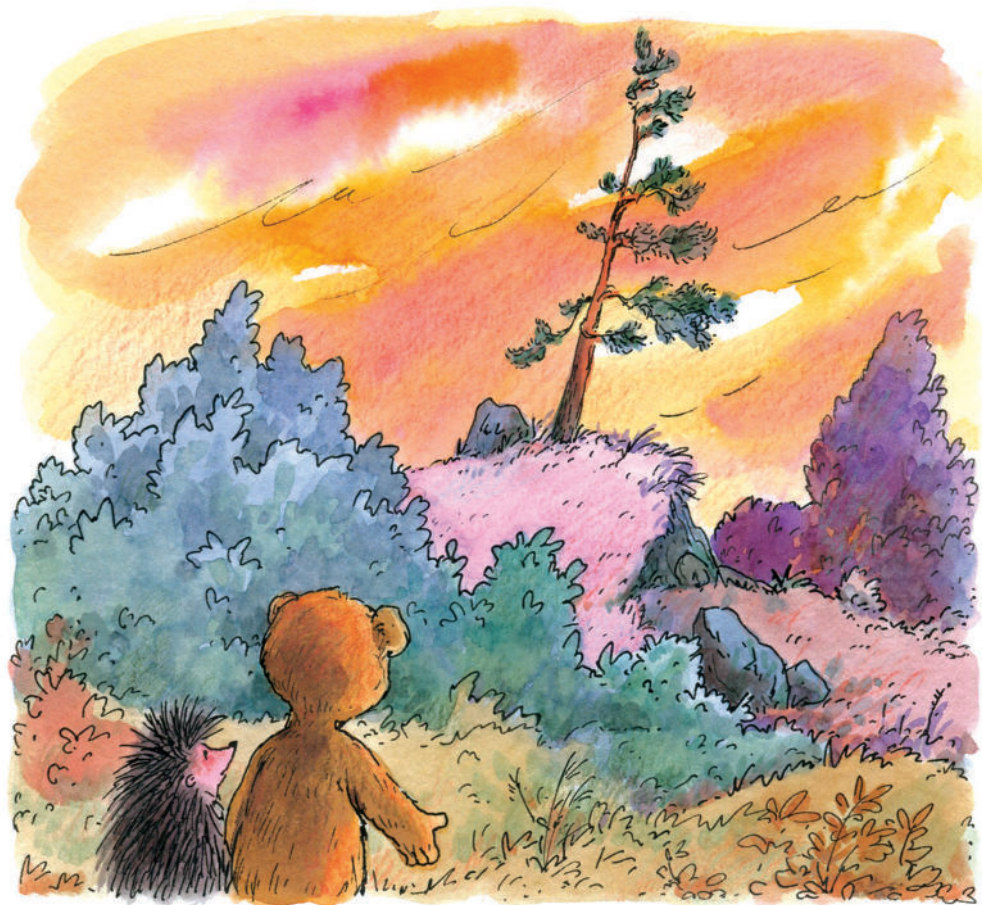
— Тките! — попросил Медвежонок.

И паучки забрались на верхушку и потянули сорок паутинок к разным концам леса, а Ёжик с Медвежонком стали собирать лёгкие золотые листья и набрали их целых две корзины.

— Паутинки готовы! — доложил Самый Главный Паучок.

— Начали! — сказал Медвежонок.

И паучки поползли с разных концов к верхушке сосны, волоча за собой кленовые листья.



Вот это была картина!

Будто сами собой к вершине ползли лёгкие кленовые листья, и к вечеру всё небо над лесом засияло, словно вылепленное из золота.

Кто-то потом говорил, что это закат...

«Да-да-да! — стрекотала Сорока. — Это заходящее солнце! Заходящее солнце!..»

И только Ёжик с Медвежонком знали, что это паучки подняли в небо золотые листья осени, чтобы сберечь погоду.

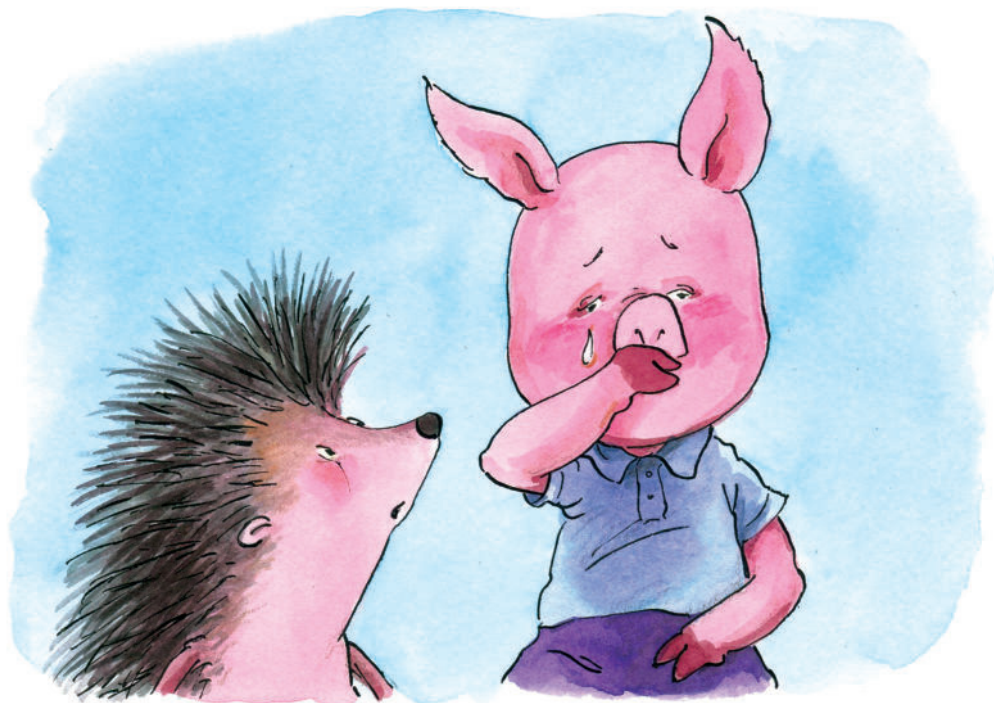
Голубые «Ку-Ку»

— Давайте никогда-никогда не расставаться!
— С кем?
— С рекой, с лесом, друг с другом.
— Согласен, — сказал Медвежонок.
— И я, — сказал Поросёнок.
— Давайте все-все всегда будем вместе! — почти крикнул Ёжик.

И тут выскочил Заяц.

— А я? — спросил он. — Я с вами!
— Конечно, — сказал Медвежонок. — Мы все — вместе.
— Как здорово! — прошептал Поросёнок. И заплакал.





— Что же ты плачешь?

— Мне никогда ещё не было так хорошо.

— Потому что весна! — сказал Заяц.

— Потому что река синяя, — сказал Ёжик.

— И лес — в зелёном дыму, — сказал Медвежонок.

— Ах, как я люблю зелёный дым! — всхлипывая, сказал Поросёнок. — Горьковатый, лёгкий, как дымок от костра.

— От костра синий, — сказал Заяц.

— И белый, — сказал Ёжик.

— А если ёлку бросишь — чёрный повалит, — сказал Медвежонок. — Нет, весенний зелёный дым на деревьях — совсем другое.

— Всё равно горчит, — сказал Поросёнок. — И синева, в сумерках.

— В сумерках — да, — сказал Ёжик. — Согласен.

— И кукушка. Кукует и, кажется, круглое, голубое...

— Как-как?

— Голубые такие «ку-ку», — сказал Поросёнок, — плывут над лесом.

— Голубые «ку-ку». Здорово! — сказал Медвежонок.

— Голубые «ку-ку», как облачки, — сказал Ёжик, — плывут, плывут...

— А мы считаем, — сказал Заяц. — Иногда и подушечек на лапах не хватит...

— Когтей, — поправил Медвежонок.

— Копытцев, — сказал Поросёнок.

— А иногда — «ку-ку», и всё.

— И ждёшь, — сказал Ёжик. — Сидишь и ждёшь.

— Вдруг закукует! Вдруг! — пискнул Заяц. — «Ну, что же ты? — шепчешь. — Ну, что же ты?» И вдруг — «Ку-ку! Ку-ку! Ку-ку!..» — плывут!

— Как облака, — сказал Медвежонок.



Грабители



К полудню Заяц с Медвежонком скосили весь луг.

«Вот она лежит неживая», — подумал о траве Ёжик.

Уселись под кустом и стали глядеть, как летают стрекозы. Река — синяя-синяя — бежала мимо холма.

— Догоняй! — крикнул Заяц и понёсся к реке. Вспыхнули брызги, Ёжик прищурился и увидел радугу.

— Отдохнём! — сказал Заяц, и они с Медвежонком шлёпнулись на песок.

Ёжик подошёл и сел рядом:

— Грабли есть?

— Сделаем, — сказал Медвежонок.

Потом ворошили сено, и оно так сладко пахло, что у Ёжика кружилась голова.

Потом — солнце садилось за лес, и прямо наискосок через него летали стрекозы.

Ёжик стоял, опершись на грабли, и — глядел.

— Эй! Ёжик! Грабь! — крикнул Заяц.

— Я граблю! — сказал Ёжик. И подумал: «Ворошить граблями сено — грабить, и у кого-нибудь что-нибудь отнимать — тоже. Почему?»

— Ты грабишь? — кричал Медвежонку Заяц.

— Граблю!

— И я!

В сумерках сидели на крыльце и, причмокивая, тянули из блюдца чай.

— Завтра копним, — важно говорил Медвежонок.

— И скирдем, — кивал Заяц.

— Скирдует, — поправил Медвежонок.

«Неужто мы грабители? — почти их не слушая, думал Ёжик. — Нет. Не может быть. Ведь если б мы были грабители — разве могло бы так сладко пахнуть сено?»



Заячьи уши



После дождичка, в пятницу, из травы показались заячьи уши.

«Зачем они здесь? — подумал Медвежонок и расколол полешко. — Обычно Заяц приходит по субботам».

Подул ветер. Заячьи уши затрепетали, а потом снова встали торчком.

— Удивительные уши! — пробормотал Медвежонок, замахиваясь топориком. — И ветер им нипочём...

«Кррык!» — раскололось последнее полешко.

Медвежонок огляделся и увидел, что рубить ему больше нечего.

Заячьи уши выросли на полвершка и не шевелились.

Медвежонок сел на колоду и стал смотреть.

Уши подросли ещё немного.

«Ничего удивительного, — думал Медвежонок. — В любую пятницу такое могло случиться!»



А уши между тем росли не останавливаясь. Вот они выросли с бузиновый куст, покачнулись и стали расти дальше.

«Прекрасные уши, — подумал Медвежонок. — С такими ушами можно слушать весь лес». И устроился поудобнее.

На левое ухо села птичка.

— Чирик! — крикнула она.

Ухо поморщилось.

— Чирик! Чирик! — закричала птичка и перепорхнула на правое. Правое ухо дёрнулось, и птичка улетела.

А уши продолжали расти.

Вот они поравнялись с сосной, потом подросли ещё чуть-чуть, строго вытянулись и упёрлись самыми кончиками в мохнатое небо.

— Уши, — сказал Медвежонок, — где ваш Заяц?



Уши насторожились.

— Где ваш Заяц, я спрашиваю? — повторил Медвежонок.

Уши потёрлись друг о друга, пошуршали что-то и снова вытянулись — от земли до неба.

— Чего только не бывает в пятницу! — пробормотал Медвежонок и встал с колоды...

Пошёл дождь.

Уши потемнели, набухли и теперь уже не казались такими стройными.

«Вот. Теперь вымокнут мои дрова! Если б не эти странные уши, я бы успел их сложить под навес...»

Уши тяжелели с каждой минутой, и по ним ручейками стекала вода.

Одно ухо покачнулось и с шумом повалилось на бузиновый куст, другое всё ещё глядело в небо.



Потом, обломив верхушку сосны, упало и оно.

— Заяц! — сказал Медвежонок. — И тебе не стыдно меня дурачить?

Заяц молчал.

— Нехорошо! — сказал Медвежонок. — Теперь из-за тебя у меня вымокли дрова.

Заяц ничего не ответил.

Шумел дождь, и заячьи уши, как поваленные бурей деревья, выглядывали из травы...

Волшебная травка зверобой

Был летний солнечный день.

— Хочешь, я тебе что-то покажу, — сказал Ёжик, когда они с Медвежонок выбежали на поляну.

— А что? — спросил Медвежонок.

— Вот смотри: это — Ромашка.

— Знаю, — сказал Медвежонок. — Любит — не любит! — И стал обрывать лепестки.

— А это — Василёк! — сказал Ёжик.

— Знаю! «В голубых рубашках васильки целый день гуляли у реки».

— Правильно! — сказал Ёжик. — Я эти стихи тоже знаю. А вот это — цветок Кашка.

— Из него что, кашу варят, да?

— Нет, его так зовут.

— А это?

— Это — Колокольчик! Вот послушай! — И Ёжик лёг рядом с Колокольчиком на траву и позвонил. — Слышишь?

— Давай я попробую! — сказал Медвежонок. — Я его сорву и побегу по поляне, а ты слушай!

— Нет, — сказал Ёжик, — если Колокольчик сорвать, он не звенит. Попробуй!

— Тогда я так позвоню, — сказал Медвежонок.

Лёг рядом с Ёжиком и позвонил в Колокольчик.

— Как хорошо он звенит!.. — сказал Медвежонок. — А это кто?



— Не знаю... — сказал Ёжик.

— Травка, — обратился к неизвестному цветку Медвежонок, — ты кто?

— Я — Зверобой, — важно сказал Зверобой.

— Кто-кто?

— Зверобой обыкновенный.

— Слушай, — шепнул Ёжику Медвежонок, — он зверей бьёт. Бежим отсюда!

— И никого я не бью, — сказал Зверобой. — Я — полезный. Я травка от девяноста девяти болезней. Заболит живот или сердце или кашлять начнёте, а я — тут как тут.

— Мы здоровые, — сказал Медвежонок.

— А как со мной хорошо чай пить!.. — И Зверобой от удовольствия даже закрыл глаза.

— А мы только что позавтракали, — сказал Ёжик.

— Со мной хорошо зимой чай пить, — сказал Зверобой. — Вот наметёт снегу, тогда...

— А как же мы с тобой будем чай пить, если тебя заметёт снегом?

— А вы возьмите меня с собой, посадите на печку, стану я к зиме сухонький... Тогда с мёдом...

— Мёд я люблю, — сказал Медвежонок. — Давай его возьмём с собой, а? — обратился он к Ёжику. — А зимой, когда ты придёшь ко мне в гости, я тебе скажу: «А помнишь, Ёжик, мы с тобой летом бегали по поляне, по-омнишь, встретили Зверобоя, а он — вот он, на печке!» И нам сразу станет тепло и весело, как будто вернулось лето.



Как Ёжик с Медвежонок ловили осень

Весь день шёл дождь, ночью перестал, к утру похолодало. Ёжик с Медвежонок вышли на крыльцо, постояли немного, вдыхая холодный воздух.

Всё вокруг было непонятно: деревья стояли зелёные, жёлтых листьев было ещё совсем мало, и всё равно — за каждым стволом сидела осень.

— Видишь? — сказал Ёжик.

— Ага, — сказал Медвежонок. — Так и глядит.

— Вот бы её поймать!

— А давай, — Медвежонок чуть не поперхнулся. — Давай поймаем и запрём в чулан. Представляешь? Запрём её в чулан, и сразу — лето!

— Она невидимая, — сказал Ёжик.

— Это если лапами. Лапами, конечно, не возьмёшь. Нужен загон и сеть, понял? Вот так — сеть, а оттуда — гнать.

— Надо звать Зайца, — сказал Ёжик.

— И Белку.

— А сеть какую?

— Окуньковую.

— Да ты что? Так тебе осень в окуньковую и полезет!

— А что, карась красный, и она...

— При чём здесь карась? Сеть-то окуньковая!

— Окуньковая, карасиная, — поймаем!

— Неси, — сказал Ёжик. — Я позову Зайца.

— Белку не забудь! — и Медвежонок убежал.



— Заяц! Заяц! — закричал Ёжик, колотя палкой по чёрным стволам. — Белка!

— Чего? — прибежал Заяц.

— Где Белка?

— А зачем?

— Будем осень ловить, — шёпотом сказал Ёжик. — Только — тсс!

— Здорово! Белка! — закричал Заяц. — А чем ловить?

— Сетью, — сказал Ёжик. — Сюда — сеть, а оттуда — гнать.

— Нужен барабан, — сказал Заяц. — И свистулька. Я буду барабанить, а Белка — свистеть. Белка! Белка! — снова закричал он. Прибежала Белка.

— Иди поближе, я что-то скажу! — И — зашептал.

— Осень? — удивилась Белка. — А что мы с ней сделаем?

— Запрём в чулан, — сказал Ёжик.

— И сразу — лето! — крикнул Заяц.

— Тсс!.. Тише! — сказала Белка. — Услышит и убежит.

С сетью на плече прибежал Медвежонок.

— Уфф!.. — сказал он. — Помогайте!

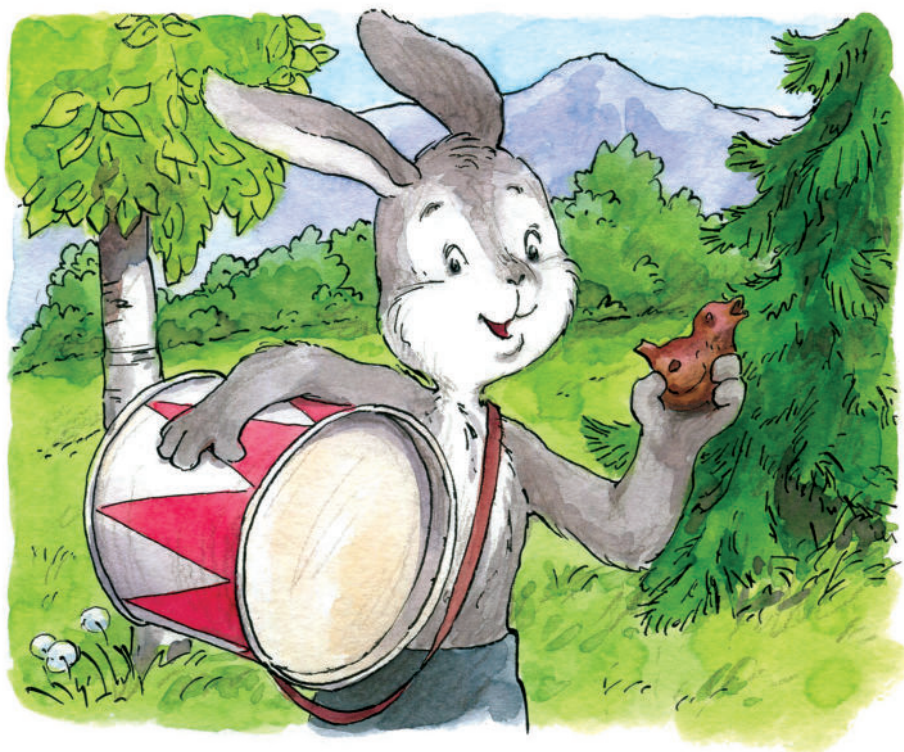
И все вместе растянули сеть от берёзы к ёлочке.

— Камушки! Камушки! — верещал Заяц. — Камушками прижми!

— А теперь, — сказал Медвежонок, — ты с Зайцем и Белкой иди оттуда, а я...

— А барабан? — вспомнил Заяц. Прыгнул, пропал и тут же явился с барабаном и свистулькой в лапах.

— Мы все пойдём оттуда, — сказал Ёжик. — А ты, Медвежонок, прячься и, как только она попадётся, — сворачивай.



— Я крикну, — пообещал Медвежонок.

И все убежали, а Медвежонок залез под ёлочку.

Было тихо-тихо, только маленький золотой лист, трепеща, всё никак не мог сесть в траву.

И вот где-то вдали ударил барабан, залилась свистулька, и ёжикиным срывающимся голосом закричало: «а-а-а»!..

«Гонят!» — Медвежонок во все глаза стал глядеть на окуньковую сеть.

«Гонят, гонят, гонят!» — застучало у него в висках, и сердце забилося.

«Бум-бум-бум! Фью-ю! А-а-а!..» — несло по лесу.

Медвежонок так смотрел, что у него заболели глаза, и когда «бум-бум!» и «фью!» приблизились, ему вдруг показалось: из-за старой ёлки что-то выскочило и запуталось в окуньковой сети.

— На помощь! — закричал Медвежонок и упал животом на невидимое что-то, и это «что-то», казалось Медвежонку, шевелилось и попискивало.

— Что? Что? Где? — вылетели на поляну Заяц, Белка и Ёжик.

— Здесь, — хрипя, дышал Медвежонок. — Посвистывает.

— Это осень, — сказал Заяц. — Осень всегда свистит.

— Закатывай! — крикнула Белка.

И они закатали осень вместе с Медвежонком и поволокли в дом.

— В чулан! В чулан их! — командовал Ёжик.

— Выпустите меня! — попросил Медвежонок.

— Потерпи, — сказала Белка.

— Терпи, Медвежонок, — сказал Заяц.

И Медвежонок вместе с осенью заперли в чулан.

— Выпустите меня! — просил Медвежонок.

— Если мы тебя выпустим, вместе с тобой убежит осень, — сказал Заяц.

— Ага. И опять пойдёт дождь, — сказала Белка.

— Терпи, Медвежонок! Вот увидишь, сейчас появится солнце, — пообещал Ёжик.

Ждали до вечера, а потом устали и легли спать. А когда утром проснулись, за окном было белым-бело, а снег всё летел и летел большими лёгкими хлопьями.

— Глупые мы! — сказала Белка. — Заперли в чулан осень, а ведь после осени-то — зима!

И они выпутали Медвежонка, выбежали под летящий снег и долго-долго трясли окуньковую сеть, чтобы выпустить обратно в сентябрьский лес золотую осень.



Ни слова

— Давай с тобой договоримся вот как, — сказал Ёжик. — Давай говорить только дело, а просто так — не говорить.

— Как это? — спросил Медвежонок.

— Ну, мы говорим и говорим, — сказал Ёжик. — Болтаем. А ты лучше молчи, а уж если сказал — то в самую точку.

Была зима. Ёжик с Медвежонком шли по глубокому снегу на лыжах, и Медвежонок теперь думал, как бы так изловчиться, что бы такое сказать, чтобы не просто так, а в самую точку.

«Скажу: смотри, как красиво! — думал Медвежонок. — Скажет: сам вижу. Скажу: а здорово, Ёжик, что мы с тобой идём через лес! Скажет: угу. Нет, это не в самую точку. Но что же такое сказать?..»

И Медвежонок сжал зубы и нахмурился.

— Смотри, как красиво! — сказал Ёжик.

Медвежонок молчал.

— А здорово, Медвежонок, что мы с тобой идём через лес!

Медвежонок не ответил.

— Да что ж ты молчишь?

Медвежонок даже не посмотрел на Ёжика: он дал себе слово не болтать, и теперь молчал.

А Ёжик уже всё забыл и болтал без умолку. Пришли к Поросёнку.

Поросёнок был очень гостеприимный: он сразу пригласил всех к столу.



— Я очень рад видеть вас у себя в гостях, — сказал Поросёнок.

— Мы тоже очень рады, — сказал Ёжик.

Медвежонок молчал.

— Мне так приятно, что вы пришли, — сказал Поросёнок.

— Мы давно хотели, — сказал Ёжик, — но никак не могли собраться.

Медвежонок молчал.

— Очень вкусно, — сказал Ёжик.

— А вам, Медвежонок?

Медвежонок молчал.

— Медвежонок плохо слышит? — тихо спросил Поросёнок у Ёжика.

Ёжик толкнул Медвежонка под столом лапой.

Медвежонок ел, сжав зубы. Поросёнку стало как-то не по себе, что вот гость сидит, ест и не говорит ни слова, и он погромче, в самое ухо, сказал Медвежонку:

— Вам нравится мёд? Это — липовый! Прямо от пчёл!

Медвежонку очень хотелось сказать, что — да, мёд замечательный, что он давно уже не ел такого мёда, что, если сказать по правде, такого мёда не бывает, но он не был уверен, что это — в самую точку, и поэтому не сказал ни слова.



Солнце



Каждый листик, каждая веточка стали видны резко и отчётливо.

Небо опустилось низко-низко, и теперь стояло в обнимку с деревьями. Когда появлялось солнце, становилось так радостно и печально, как никогда не бывает летом.

— Отчего так печально? — спрашивал Ёжика Медвежонок. — Солнышко, а печально?

— Глупый, — говорил Ёжик. — Это последнее солнышко, поэтому и печально.

— Хорошо бы, чтобы оно никогда не уходило. Чтобы всегда-всегда светило, и было тепло.

— Так не бывает, — сказал Ёжик. — Дни станут тёмные, короткие, а ночи — длинные, большие.

— А что мы будем делать?

— Топить печь, глядеть на огонь и вспоминать лето.

— Хорошо бы, если б у нас дома было своё солнышко, — сказал Медвежонок. — Мы бы просыпались, а солнышко — в углу. Я бы его чистил и поливал.

— Что же оно — цветок?

— Я бы за ним ухаживал лучше, чем за цветком. Я бы с ним разговаривал, — сказал Медвежонок.

— А что б ты ему сказал?

— Я бы сказал: «Доброе утро, солнышко!»

— Это утром. А потом?

— Не перебивай, — сказал Медвежонок. — Я бы ему сказал:

«Доброе утро, солнышко! Я — Медвежонок». «Знаю», — сказала бы оно. «У меня есть друг. Он скоро придёт. Его зовут Ёжик». «Знаю», — сказала бы оно. «Вот он придёт, и мы сядем завтракать. Ты что больше любишь — мёд или грибки?» «Мёд», — сказала бы солнышко.

— Это почему? — спросил Ёжик.

— Мне так кажется. Оно — золотое, и мёд золотой. А что такое грибы?

— Что?

— Плесень, — сказал Медвежонок.

— Это грибы-то плесень?!

— А что же ещё? Самая настоящая плесень.

— Значит, я больше всего на свете люблю плесень?

— Нет, почему? Ты яблоки тоже любишь.

— Но грибы-то я люблю больше!

— Я не знал, — сказал Медвежонок. — Я думал, ты яблоки любишь больше.

— Нет уж, предложи ему грибков — вот увидишь, оно не откажется.

— Солнышко, хочешь грибков? — спросил Медвежонок.



— А какие грибы? — вдруг выглянуло Солнце.

— Постой, кто это говорит? — спросил Ёжик.

— Солнышко, — еле слышно сказал Медвежонок. — Оно с нами заговорило. — И ещё тише, Ёжику: «Какие у нас грибы?»

— Опята, — прошептал Ёжик.

— Опята, — громко сказал Медвежонок.

— Очень люблю опята, — сказала Солнце. — Я на них подолгу смотрю, когда они греются у пенька. Соберутся кучей и — молчат.

— А почему молчат? — спросил Медвежонок.

— А о чём говорить, если я на них гляжу и глажу шершавой ладонью?

— А она у вас шершавая? — спросил Медвежонок. — Мне казалось, она у вас мягкая, ласковая.

— И чуть-чуть шершавенькая, — сказал Ёжик. — Это очень приятно.

— Это мой друг Ёжик, — сказал Медвежонок.

— Знаю, — сказала Солнце.

— Как неожиданно вы появились, — сказал Ёжик. — Мы только заговорили, что скоро вы будете приходить всё реже и реже...

— А вы тут как тут! — сказал Медвежонок. — Если бы только можно было, я бы очень хотел, чтобы вы пожили у меня дома.

— Приглашаешь?

— Приглашаю, — сказал Медвежонок. — Только я не знаю... У меня очень маленький дом...

— На всю зиму?

— На всю, на всю, — закивал Медвежонок. — Только вот поместитесь ли?

Они все трое стояли на поляне перед медвежачьим домиком — Ёжик, Солнце и Медвежонок. Ёжик с Медвежоном стояли друг против друга, а Солнце как раз посередке.

— Идём, — сказала Солнце. — Показывай свой дом.

— Пожалуйста!

Медвежонок пошёл первым, рядом с ним — Солнце, а Ёжик чуть позади.

— Вот он, — сказал Медвежонок.

И Солнце вошло в медвежий дом, заглянуло в каждый уголок и снова появилось на крыльце.

— Очень хороший дом, — сказала Солнце. — Здесь и перезимую.

— Согласно! — прошептал Ёжик.

— Ур-ра! — закричал Медвежонок. И сразу подумал: «Теперь только бы его не обидеть, только бы ничем не огорчить».

— Ты уж теперь это... Ты постарайся, — шепнул Ёжик.

— Угу, — сказал Медвежонок.



Ты лети! Я машу крыльями

Взошло солнце, и река, и лес, и холм были так прекрасны, что от них нельзя было отвести глаз.

Поэтому с утра Ёжик выбежал на берег, глядел и глядел, дышал и дышал, и никак не мог надышаться.

— Дышишь? — спросил Заяц.

— Дышу, — сказал Ёжик.

— Дыши, — сказал Заяц. — А я побегу, потому что на ходу лучше дышится.

И убежал.

Потом пришла Мышь. Это была важная лесная Мышь с зонтом.

— Зачем тебе зонтик? — спросил Ёжик.

— Я — дама, — сказала Мышь. — А где ты видел, чтобы дама выходила из дома без зонта?

— Но ведь дождя-то нет!

— А если пойдёт? — и Мышь, повертев зонтиком, удалилась.

Потом пришёл Медвежонок. Он ничего не сказал, сел рядом с Ёжиком и зажмурился.

Ёжик тоже зажмурился, и так они посидели молча.

— Хорошо, да? — сказал Ёжик.

— Ага, — сказал Медвежонок.

— А всё-таки смотреть лучше, — и Ёжик открыл глаза.





Бледно-голубая река уходила за поворот и в дымке таяла.

Ёжику было так хорошо, что хотелось лететь. Расправить крылья, взлететь высоко-высоко и долго-долго парить, не шевеля крыльями.

«Если бы я был птицей, — думал Ёжик, — у меня обязательно были бы очень большие крылья. Один раз взмахнул, и — летишь...»

— Всё равно надо махать, — вдруг сказал Медвежонок. — Взмахивать.

— Что?

— Я говорю, даже если, как у орла, всё равно надо разика два, а взмахнуть.

— Ты о чём? — спросил Ёжик.

— О том, — сказал Медвежонок. — О чём ты думаешь.

— Откуда ты знаешь, о чём я думаю?

— А чего тут знать-то? — не открывая глаз, сказал Медвежонок. — Ты всегда думаешь об одном и том же.

— О чём же?

— «О чём же?» — передразнил Медвежонок. — О том, что надо махать. А ты — ленивый. Тебе бы только лететь. Лети и лети, а машет пусть Медвежонок.

— Ты чего ворчишь? — изумился Ёжик. — Я тебе что-нибудь сказал?

— А тебе и говорить не надо! Ему бы только лететь, видишь ли, лететь и лететь, а машет пусть Медвежонок.

— Да где ты за меня махал?

— Я всегда за тебя машу, — сказал Медвежонок. — Ты только не знаешь.

— Где? Когда?

— Везде. Всегда!
— Ты что — за меня дом убираешь?
— Причём здесь дом, когда мы говорим о крыльях?
— Ты что, за меня махал крыльями?
— Махал, — сказал Медвежонок.
— Когда?
— Всегда, — сказал Медвежонок. — Всегда, когда ты летишь, я машу крыльями.

Ёжик вдруг зажмурился и когда открыл глаза, увидел вокруг такую красоту, что в душе взлетел высоко в небо и оттуда, сверху, вдруг увидел маленького себя и Медвежонка, и Мышь с зонтиком, и реку, и холм, и лес, и совсем крошечный Медвежонок вдруг вскочил, замахал лапами и закричал: «Ты не бойся! Ты лети! Я машу крыльями!»



Чудо



Медвежонок проснулся, увидел нежных солнечных зайцев на утреннем снегу и понял, что сегодня должно произойти чудо.

Он умылся и сел завтракать. Но это было ещё не чудо.

Пробежался по лесу — что ж тут чудесного?

Встретил Белку.

— Как хорошо! — сказала Белка. — Весна!

Помог Поросёнку довести от проруби воду.

«Нет-нет, — бормотал Медвежонок. — Это ещё не чудо!»

Перед обедом колот дрова.

Щепки разлетались, как птицы, но успевали спеть Медвежонку картавую песенку.

А одна села на крышу и прямо защebetала. Слетелись синицы.

— Подумаешь! — сказал Медвежонок. — Тоже мне чудо!

Обедали с Ёжиком.

Обед был вкусный, а на сладкое — клюковка.

«Может это, — думал Медвежонок, — и есть — чудо?»

После обеда долго ходили, заложив лапы за спину, и Ёжик что-то говорил, а Медвежонок слушал и ждал чуда.

А когда стало заходить солнце, и тени от ёлок подплыли к крыльцу, они с Ёжиком уселись в креслица и долго глядели в заходящий лес.

«Где же чудо?» — бормотал Медвежонок.

И только, когда совсем стемнело, вдруг понял, что весь этот солнечный день и был самым настоящим мгновенным чудом вспыхнувшего и погасшего весеннего дня.



Сны

— Если бы ты только знал, Медвежонок, как я по тебе скучаю!

— И я.

— Я так по тебе скучаю, что стал даже с тобой говорить во сне.

— И я.

— Однажды я тебе говорю: «Эй, ты где?»

— А я?

— А ты: «Здесь я, Ёжик, здесь! Просто меня не видно».

— Как же меня может быть не видно? Вон я какой!

— Я знаю. Но так ты сказал во сне.

— А дальше?

— Я говорил: «Ты покажись! Покажись, где ты?»

«Сейчас», — говоришь и...



— Что?

— Так... Что-то промелькнуло... «Это ты?» — говорю.
«Ага».

— Что — ага?

— Во сне ты сказал: «Ага».

— А меня не видно?

— Не-а. Что-то промелькнуло и всё.

— Та-ак.

— А в другой раз — будто мы с тобой идём по большому лугу. Жарко, жаворонок поёт. И я говорю: «Медвежонок, правда это как давным-давно?.. Вот так же мы шли, и ты пел, и птицы...» А ты...

— Что?

— Молчишь.

— Нет, — сказал Медвежонок. — Ты мне лучше снился. Ты мне снился так хорошо, что просто замечательно!

— А как?



— Знаешь, я даже сказать не могу. Я проснулся и целый день ходил радостный.

— А что я говорил?

— Много. Ты и говорил, и пел. Я даже смеялся во сне. И проснулся — весь радостный!

— Откуда ты знаешь?

— Лягушка сказала. Пришла утром и говорит: «Ква-а-а, говорит, ну, Медвежонок, ты и хохотал во сне!»

— Нет, мне так не снилось... А я однажды проснулся и — весь в слезах.

— Ты... не расстраивайся, знаешь? Если я потом ещё тебе приснюсь, ты мне скажи: «Медвежонок, а Медвежонок, хочешь мёду?» И я обязательно скажу: «Хочу!»

— Хорошо бы, — сказал Ёжик.

— Что ж ты думаешь — я мёда не захочу?

— Не знаю. Только ты в следующий раз не молчи, ладно?

Они, разговаривая, перешли поле, прошли лесом и вышли к реке. Было тихо-тихо.

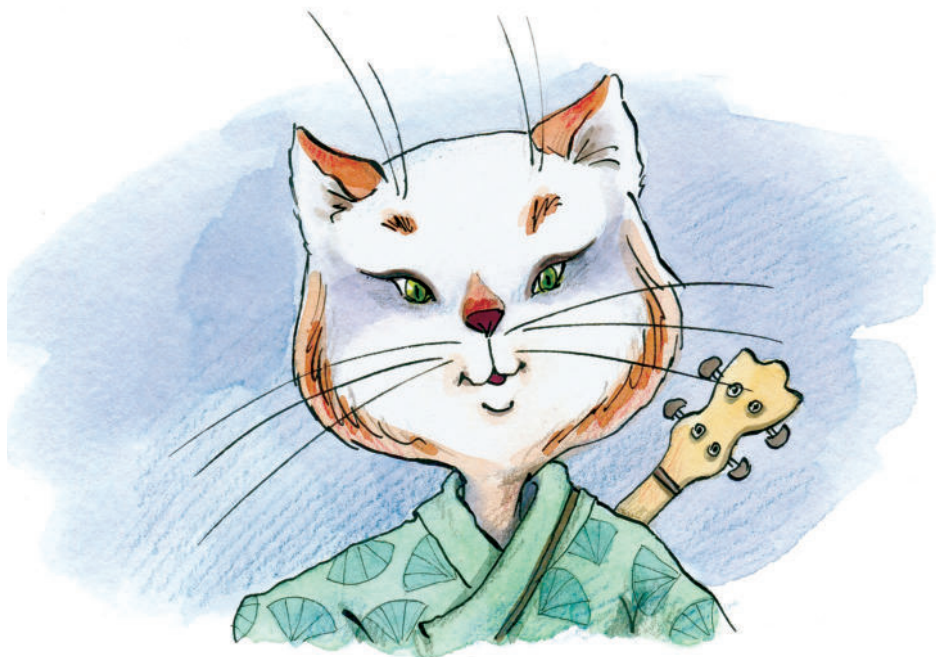
— В следующий раз ты ни за что не молчи, Медвежонок, — сказал Ёжик.

— Нет-нет, что ты! Я обязательно что-нибудь скажу. Уж теперь ты не бойся: я — скажу.

Плеснула рыба. Кругами, на цыпочках побежала по воде тишина.



Великое имя Басё



В начале декабря, когда в лес никак не могла прийти настоящая зима и снег то падал, то таял, в гости к Ёжику с Медвежонком пришёл Кот. Через плечо у него на верёвке висела деревянная сковородка со струнами.

— Балалайка? — спросил Медвежонок.

— Банджо, — сказал Кот.

— Ты из деревни? — спросил Ёжик.

— Из города.

— Как тебя зовут?

— Басё.

— Какое странное имя!

— Это — великое имя, — важно сказал Кот.

И его пригласили к столу пить чай со сливками.

— Давно не едал таких сливок, — жмурясь, сказал Кот.

Ёжик с медвежонком глядели на него во все глаза.

— Расскажи, — попросил Медвежонок. — Расскажи про своё великое имя.

Кот доел сливки, взял в руки банджо.

Сливы аромат, —

запел Кот. —

От лачужки нищего

Глаз не отвести!

— Красиво, — сказал Ёжик.

Не бейте муху, —

пел Кот, —

Руки у неё дрожат,

Ноги у неё дрожат.

— А мы не бьём, — сказал Медвежонок.

За ночь вьюнок обвился

Вкруг бады моего колодца, —

тянул Кот, —

У соседа воды возьму

— Правильно, — сказал Ёжик, — если бы у нас так было, мы бы обязательно сходили за водой к Хомячку.

А Кот играл и пел, и Ёжик с Медвежонком стали потихоньку ему подтягивать.

Сливы аромат, —

пели они уже вместе, —

От лачужки нищего, —

затянул Кот, —

Глаз не отвести! —

подхватили Ёжик с Медвежонком.

— Чудно! — сказал Заяц, и все увидели в форточке его уши. — Я давно уже вас слушаю.



Не бейте муху, —
завели Ёжик с Медвежонком, —
Не бейте муху, —
второй пошёл Заяц...

Руки у неё дрожат
Ноги у неё дрожат...

— Ах, — сказал Заяц, входя в дом, — Как чудесно! В лесу
ни то, ни сё, а мы сидим и поём. Представьте меня.

— Это Заяц, — сказал Ёжик, — наш друг.

— Басё, — слегка привстав сказал Кот.

— Чудесное имя, очень приятно познакомиться.

И они запели про вьюн и бадью.

— Но почему тебя всё же так странно зовут? — спросил Медвежонок, когда поспел самовар и все снова сели пить чай со сливками.

— Это необъяснимо, — сказал Кот, — я толком и сам не знаю. Но это — великое имя.



Горький дым



Всю ночь Ёжику снился странный сон. Будто он вошёл в лес и стал говорить с листьями. Нет, не с одним каким-то листом — ну что тут особенного, поговорить с берёзовым листиком? — но с листьями, со всей вместе листвой, Ёжик ещё никогда не говорил. Он шёл по тропинке, шумел лес.

— Я хочу поговорить с вами, листья, — сказал Ёжик во сне.

— Говори, — прошелестела листва.

— Вот вы шумите, а потом?

Всё стихло.

— Знаю, — сказал Ёжик во сне. — Мне вас так жалко!..

— Не жалея нас, Ёжик!

— Сперва мы маленькие, глядим...

— Потом побольше — лепечем...

- Потом — шумим..
- А потом — свободны!
- И летим, летим!..
- Ты знаешь, какое это счастье — свобода?
- А в дождь? Знаешь, как это сладко, прищурившись, слушать дождь?
- Ведь ты не знаешь, что у нас есть глаза, Ёжик!
- Мы видим!
- И нас с Медвежонком?
- Конечно!
- И Зайца?
- Ещё бы! Он так боится, когда мы шуршим.
- Осенью мне бывает так грустно, — сказал во сне Ёжик. — Мне кажется, ветер вас уносит с земли.
- Не грусти!
- Ты слышишь, как мы шуршим?



- Это мы смеёмся!
- Нам смешно, что какой-то ветер хочет нас сдуть с земли.
- А вас... нельзя?
- Что ты, Ёжик!
- Кто же может листву сдуть с земли?
- Но вас... жгут! — сказал во сне Ёжик.
- Зато как сладок... Как горек наш дым!..
- Но вам же больно!
- Нет!
- Мы сгораем все вместе...
- Тесно прижавшись друг к другу.
- Страшно, — сказал Ёжик во сне.
- Страшно остаться последним листом.
- Все улетели...
- Все свободны...



— А ты один...

— И видишь, как дружно раскрываются весной новые почки...

— И появляется молодая листва...

— С ними...

— С новыми...

— Не поговорить: о чём?

— Что они видели?

— Что знают?

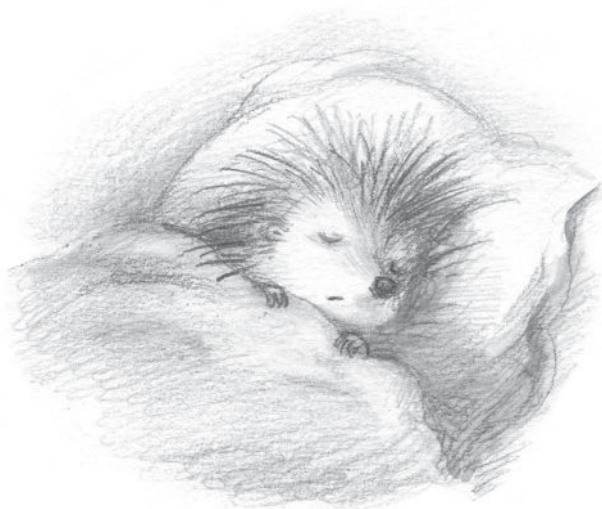
— А ты, ты помнишь всех своих братьев...

— И думаешь: вот на этой ветке сидел весёлый хохотун, грустный ворчун, молчаливый друг...

— И — никого!..

«Какие они удивительные, листья! — подумал во сне Ёжик. — Надо рассказать Медвежонку».

И, не просыпаясь, стал думать о том, как это можно радоваться, что после тебя останется горький дым.



Ёжикина радость

— Помоги, Медведи́нька, помоги!

— Что с тобой, Ёжик?

— Не знаю. Плохо мне.

Медвежонок обошёл Ёжика со всех сторон, пощупал голову:

— Здесь не болит?

— Нет.

— А тут?

— Не-а.

Было раннее утро. Пели птицы. Всё цвело.

— Посмотри, какое солнышко! — сказал Медвежонок.

— Вижу.

— Послушай! Слышишь, как птицы поют?

Ёжик кивнул.

— Ты мне расскажи по-подробней, — сказал Медвежонок. — Вдвоём мы с тобой что-нибудь придумаем.

— Понимаешь, — сказал Ёжик. — Страшно мне.

— Да почему?

— Радости нет, — сказал Ёжик. — Бывало, проснусь, увижу солнце и радуюсь. А теперь — нет.



— Радости нет... Радости нет... — забормотал Медвежонок. — Да почему же это у тебя нет радости?

— Не знаю, — Ёжик закрыл глаза.

«Что же это может быть? — думал Медвежонок. — Что же это могло случиться, чтобы от Ёжика убежала радость?»

Он сказал:

— Не может такого быть! Это тебе показалось, и всё. От кого, от кого, а уж от тебя ни за что не может убежать радость. Она где-то спряталась, понял?

— Где?

— В животе.

Они вдвоём внимательно осмотрели ёжикин живот.

— Или вот под мышкой!

Ёжик поднял лапу.

— Или... знаю! — закричал Медвежонок. — Мы оставили её на реке! Помнишь, когда солнце садилось, что-то радостное-радостное перебежало на тот берег?

— Солнечный заяц, — сказал Ёжик.

— Как же! Заяц! Это была твоя радость. Бежим!

И они помчались к реке, увидели её всю-всю, сияющую в восходящем солнце, и огромная, горячая ёжикина радость, вся в остреньких иголочках, как сам Ёжик, выскочила из кустов, перебежала по воде и вернулась к Ёжику.



Падал снежок. Была оттепель



— Медвежонок, если всё плохо, плохо, плохо, то потом ведь должно стать хорошо?

— Потом — да, — сказал Медвежонок.

У Ёжика в июле утонуло ведро, в сентябре ветер сломал любимый Ёжикин вяз, в октябре шли такие дожди, что река разлилась и затопила Ёжикин домик, а в ноябре Ёжика чуть не убил сорвавшийся с горы камень.

И вот теперь какой-то грабитель забрался в дом Медвежонка и утащил все припасы.

По мягкому снегу прибежал Заяц:

— А я знаю, как поймать грабителя!

Падал мелкий снежок. И даже не падал, а всё как бы норовил пойти с левой лапы.

— Видишь? — сказал Медвежонок Зайцу. — Припадает?
— Пропадает, — поправил Заяц. — Снег в снег, и —
никого.

Медвежонок поглядел на Ёжика.

Ёжик отвернулся.

— Это Рысь, — говорил Заяц. — Больше некому. У неё
уши такие — с кисточками. Айда!

И зашагал по мокрому снегу.

Перешли ручей, взобрались на гору.

— Вот он! Дом Рыси! — Заяц вытянул лапу.

Рысь сидела на крыльце и ела вареники. Кисточки на
ушах действительно были рыжие.

— Я же говорил! — сказал Заяц.

— Ничего ты не говорил.

— Тогда — подразумевал...

Рысь ела вареники и причмокивала.

— Эй ты! — крикнул Медвежонок. — Ты зачем ограби-
ла мой дом?

— Унесла наши припасы... — сказал Ёжик.

Рысь пошевелила ушами, и рыжие кисточки на ушах по-
шевелились.

Затем ушла в дом и вернулась с лорнетом.

— Что это у неё? — спросил Заяц.

— Бинокль, — сказал Ёжик.

Рысь навела на друзей лорнет.

— Ну что? — сказала Рысь. — Будете есть вареники
или — война?

— Ты зачем ограбила мой дом? — очень тихо сказал
Медвежонок.



— Слушайте: грабят — это когда гребут сено. А я пришла, вошла, сварила вареники и хочу ими вас угостить.

— Дрянь! — беззвучно сказал Ёжик.

Заяц кивнул.

— Ну и дрянь! — прошептал Медвежонок. — Или ты, Рысь, сейчас же перевезёшь все мои припасы назад... — сказал он громко.

— В его кладовку, — показал на Медвежонка лапой Заяц.

— Или Заяц, — Медвежонок показал на Зайца, — сейчас же привезёт пушку...

— Большую пушку, — сказал Ёжик.

Рысь повесила лорнет на специальный гвоздик, задумалась.





«Отдавать или не отдавать?» — думала Рысь.
— А у вас пушки нет, — сказала она.
— А мы тебе сейчас и без пушки кисточки оторвём! —
крикнул Ёжик.
— И хвост! — сказал Медвежонок.
— И хвост! — спрятался за Медвежонка Заяц.
— Хе-хе! — сказала Рысь и принялась за вареники.
Заяц привёз пушку.
Ёжик прочистил банником ствол.
Медвежонок засыпал пороха и навёл.
Заяц запалил фитиль.
— Ну!.. — крикнул Медвежонок.
— Сдаюсь, — Рысь утёрлась салфеточкой и пошла за
припасами.

Целый день Рысь таскала в дом Медвежонка покражу, а Заяц, Ёжик, Медвежонок с пушкой стояли на холме, и фитиль в лапе Медвежонка дымился.

К вечеру снежинки стали спускаться, припадая на правую лапу.

— Видишь? Припадают, — снова показал Зайцу на снежинки Медвежонок.

— Снег в снег и — никого. Пропадают, — снова поправил Заяц.

И Ёжик с Медвежонком переглянулись.

А вечером, когда пили чай, Медвежонок сказал:

— Не знаю когда, но когда-нибудь обязательно будет лучше.

— Ещё бы! — подхватил Заяц.

А Ёжик думал:

«Не может же быть, чтобы всё плохо и плохо — ведь когда-нибудь должно стать хорошо!...»



Сиреневый лес



Заяц бегал и прыгал, прыгал и пел, и был счастлив, потому что светило солнце.

— Ну что ты прыгаешь? — зудел Комар.

— Как же мне не прыгать? — ликовал Заяц. — Солнце!

Солнце, солнце, только оно давало Зайцу эту необъятную радость. Ни капуста, ни морковка, ни кора с яблоньки — ничто так не радовало Зайца, и поэтому он прыгал и скакал с утра до вечера, забывая поесть.

— Внучек! Беги чай пить! — кричал дед.

— После.

— Помрёт с голоду, — ворчала бабка.

А Заяц только хохотал, приплясывая:

Не помру,
Не помру,
Вы не верьте Комару!

«Я-то при чём?» — подумал Комар. Но вылезать из-под лопуха не стал.

А Заяц прыгал, пел, кувыркался, даже влез на берёзу — так ему было хорошо и привольно.

Но настал вечер, смерклось, и Заяц пошёл домой.

— Давай чаю, — сказал он бабке.

— А где — «пожалуйста»?

— Пожалуйста!

— Набегался? — спросил дед. — Напелся?

Заяц кивнул, хрумтя морковкой.

— Когда остепенишься? — спросила бабка. — Когда опомнишься?

— Скворечник сделал? — спросил дед.

— А обещал, — сказала бабка. — Капустки дать?

— Угу.

— «Угу!» — передразнила бабка и положила перед Зайцем кочерыжку. — Обещал ведь.

— Я маленький, — сказал Заяц. — Вырасту — построю.

— А я — старенький! — сказал дед.

— Я молоденька, да? — начала бабка.

«Ну, поехали!» — подумал Заяц и стал глядеть в сиреневый лес...

«Как это было давно!» — думал много лет спустя Заяц, сидя в сумерках на том же крыльце, глядя в тот же сиреневый лес, с грустью вспоминая деда, бабу, и как всё хорошо, как радостно тогда было.

Званный обед



Иностранный Слон приплыл из-за моря на большом пароходе.

Он сидел в высоком шатре за круглым столом в огромном кресле.

Два креслица поменьше ждали Ёжика и Медвежонка.

— Вилку надо держать в левой лапе, а ложку — в правой.

— Да почему же вилку — в левой?

— Потому что вилке ты будешь помогать ножом. Вилку воткнул, ножичком отрезал — и всё.

— А что резать?

— А это чем Слон угостит.

Они были приглашены на званый обед, и теперь Ёжик учил Медвежонка пользоваться ложкой, вилкой и ножом.

— Давай попробуем. На первое — суп!

И они съели воображаемый суп.

— Теперь — жареные грибы!

— А чего тут резать?

— Ничего не резать: ножичком накладывай на вилку и в рот.

— Теперь — компот! — крикнул Медвежонок.

— Выпьешь жижу, потом маленькой ложечкой — гущу.

— Она и так съедет.

— Нет, — сказал Ёжик. И показал Медвежонку, как надо есть компот.

Они шли через лес, и по дороге Ёжик учил:

— Салфетку заткни за воротник.

— У меня нет воротника.

— Повяжи вокруг шеи.

— А если маленькая?..

— Здравствуйте! Здравствуйте! — вышел навстречу гостям Слон. — Очень рад вас видеть!

— Мы тоже очень рады! — сказал Ёжик.

— Садитесь, садитесь, сейчас подадут первое. — И Слон повязал салфетку.

Ёжик помог Медвежонку повязать салфетку, и они сели в креслица.

— Расскажите что-нибудь о себе, — попросил Слон.

— Мы очень рады вас видеть, — улыбнулся Ёжик.

Большая добрая Кенгуру разлила серебряным половником суп.

— И вот пришли к вам на обед, — сказал Медвежонок и стал хлебать прямо из тарелки.

— Возьми ложку! — шикнул Ёжик. — Не хлюпай!



Высокий красавец Жираф сменил приборы. Зебры несли второе.

На второе было что-то невообразимо вкусное, и Медвежонок стал есть лапой.

— Ф-фу! — фыркнул Ёжик.

И Медвежонок взял вилку и нож.

Слон ел молча и добрыми серыми глазками глядел на Ёжика с Медвежонком.

Вошёл элегантный Крокодил, проглотил грязные тарелки и, ласково улыбнувшись, удалился.

Мартышки внесли сладкое.

— А компот? — спросил Медвежонок.

Но Ёжик толкнул его под столом лапой, и все стали есть бананы, апельсины, ананасы, финики и запивать сладким молочком из кокосовых орехов.

У Медвежонка так разбежались глаза, что первый банан он съел со шкуркой.

— Смотри! — еле слышно выдохнул Ёжик. И, улыбнувшись Слону, показал, как надо чистить банан.

Медвежонок, стараясь не чавкать, ел бананы, во все глаза глядел на Слона, на зебр и мартышек, выстроившихся у него за спиной, и думал, что, если бы у них с Ёжиком был такой пароход и свои крокодилы, жирафы, кенгуру и мартышки, они бы ни за что не сели обедать, не повязав шеи салфетками.



Австралийская пегая



Всю ночь выл ветер, и домик Зайца скрипел и трясся.

Стонали сосны, падали шишки и дребезжало окно.

К утру ветер стих и пошёл маленький дождь, и не верилось, что было так тепло, и идёт дождь в феврале.

Лес стоял чёрный, сырой, и Заяц подумал: «Вот было бы весело, если б лес вдруг взял и встряхнулся, как собака!»

И Заяц представил себе, как лес присел на задние лапы и затряс хвоей: фрр!.. Во все стороны полетели брызги, и тут же стало сухо и светло.

Эта картина так развеселила Зайца, что он закричал на весь лес:

— Э-гей!

И тут же из-под крыльца выпрыгнул Лягушонок.

- Ты кто? — спросил Заяц.
- Я — твоя собака.
- Таких собак не бывает!
- Я — ранняя собака. Остальные все спят.
- А почему такой маленький?
- Я — щенок. Мне ещё расти и расти.
- А что умеешь делать?
- На задних лапах могу.
- А ещё?
- Много всего, — сказал Лягушонок.
- Палку принесёшь?
- Кидай!

И Заяц бросил щепочку, и Лягушонок принёс её в передних лапах.

— Не по правилам, — сказал Заяц. — Собаки носят в зубах.

— Так ты же какую дубину бросил!..

Заяц задумался.



— Лаять умеешь? — спросил он.

— Ква! Ква!

— Хорошо, — Заяц о чём-то думал, но ещё сам не знал, о чём. — Мне кажется, ты — лягушка, — наконец сказал он. — Собаки лают не так.

— Хороших собак не видел, — обиделся Лягушонок. — Хорошие ещё не так лают.



«А что, если он и впрямь собака? — вдруг подумал Заяц. — Такой необыкновенный сорт собаки, похожий на лягушку?»

И спросил:

— А ты какой породы?

— Австралийская пегая.

— Австралийская пегая?..

— Ты не сомневайся, — сказал Лягушонок.

— Я — хорошая собака. У меня и медаль есть. В Веллингтоне дали, — и он достал из-под крыльца ошейник с поводком, и показал крохотную золотую медаль на ошейнике.

«Что же мне с ним делать? — размышлял Заяц. — Пойти, что ли, погулять?»

И он взял из лап Лягушонка поводок и пошёл по лесу.

— Ты давно из Австралии?

— Вчера, — сказал Лягушонок.

— Морем?

— На дирижабле, — сказал Лягушонок.

— А где дирижабль?

— Уплыл.

— Ну, как у вас там, в Австралии?

— Просторно, — сказал Лягушонок. — Свету много.

— А страусы?

— Этих дополна.

Они шли рядышком и дышали сырým лесом.

— А почему ты выбрал меня? — Заяц остановился.

— У собаки должен быть хозяин.

— А почему — я?

— Ты весёлый, — сказал Лягушонок. — С тобой и попрыгать, и поиграть.

— Давай я тебя отстегну.

И они запрыгали по поляне.

Ёжик проснулся в это хмурое утро, посмотрел на небо и раздул самовар.

Пришёл Медвежонок.

— Ну что за зима? — сказал он. — Льёт и льёт.

— И снег уже не помню, когда был, — сказал Ёжик.

Попив чаю, они вышли на крыльцо и задышали сырým лесом.

И тут, прыгая и хохоча, выкатился Заяц.

— А так умеешь? — кому-то кричал он.

— А так? — тоненько кричал кто-то.

— А так? — завопил Заяц и пошёл на ушах.

— Так не могу, — сказал кто-то. — У меня ушей нет.

— Ушей? У собаки? Так не бывает!

— Смотря какая собака, — говорил невидимый кто-то. — А мы — безухие.

— Австралийские пегие?

— И Новозеландские — тоже.

— А ты и в Новой Зеландии был?



— А как же! — сказал кто-то. — Мы туда купаться летаем.

— На дирижабле?

И тут Ёжик разглядел у ног Зайца маленького Лягушонка.

— Эй! — крикнул он. — Заяц! Ты с кем это говоришь?

— С моей собакой, — важно сказал Заяц.

— Иди к нам! — позвал Медвежонок.

— Сами идите, — Заяц пристегнул поводок.

Ёжик с Медвежоном подбежали, и Медвежонок тоже увидел Лягушонка.

— Привет, Лягушонок! Разве ты — собака?

— Австралийская пегая, — важно сказал Заяц.

И Лягушонок с крохотной медалькой на шее кивнул.

— Где ты его взял? — изумился Ёжик.

— Зимой! — Медвежонок не сводил глаз с Лягушонка.

— А он на дирижабле, — небрежно сказал Заяц. — Из Австралии.

Ёжик с Медвежоном переглянулись.

— На каком дирижабле? — упавшим голосом спросил Медвежонок.

— На каком дирижабле? — будто поправляя поводок, склонился к Лягушонку Заяц.



— На трансатлантическом, — сказал Лягушонок. — Мы из Австралии летаем на континент на трансатлантическом.

Ёжик не знал, как быть. Ему вдруг почему-то стало грустно-грустно. И он сказал:

— А-а-а...

— Вот так, — сказал Заяц. И повёл Лягушонка на водке.

— Может, чайку попьём? — вдруг догадался Медвежонок.

— Ага! У нас и варенье, и... А что любит твоя собака? — обрадовался Ёжик.

— Ты что любишь?

— Манго, — шепнул Лягушонок.

— Чего?



— Манго, — вслух сказал Лягушонок. — Дерево такое, а у него — плоды.

— А-а... — сказал Медвежонок. — А я бы тебе медку дал...

— Ладно. Идёмте чай пить, — сказал Заяц. Ему вдруг отчего-то стало обидно за Ёжика с Медвежонком, и он сердито спросил у своей собаки:

— Чай будешь?

— Ага, — кивнул Лягушонок.

«Вот это по-нашему», — подумал Ёжик. И они пошли в дом.

Запахтел самовар. Опустились густые сумерки. Ёжик, Медвежонок и Заяц с собакой, причмокивая, пили чай, и весь вечер собака Зайца рассказывала друзьям про Австралию — далёкую страну, про Новую Зеландию, куда они летают купаться на дирижабле, и никто не догадался, что маленький Лягушонок никогда нигде не был, а просто проснулся в эту тёплую зиму раньше всех и так захотел подружиться с Ёжиком, Зайцем и Медвежонком, что стал Австралийской пегой собакой Зайца.



Большое спасибо



— Когдаходишь в дом, надо здороваться, — сказал Ёжик.

— А когда уходишь — прощаться, — сказал Медвежонок.

— Если ты сидишь, а мимо идёт кто-нибудь старенький — уступи место.

— Где? — спросил Заяц.

— Где сидишь, там и уступи.

— Если кто-нибудь чихнёт, скажи: «Будьте здоровы!»

— А если будет дуть, — Ёжик строго посмотрел на Зайца, — закрой окно.

— Ну, беги! — сказал Медвежонок. И Заяц помчался.

— Стой! Если тебе что-нибудь подарят, или поблагодарят — поклонись, — Ёжик показал, как надо кланяться, — и скажи: «Спасибо».



— Большое спасибо! — крикнул Медвежонок.

— Ага! — и Заяц пропал в кустах.

Первой, кого он увидел, была Белка.

Белка сидела на пеньке и грызла орехи.

— Привет! — сказал Заяц. — Тебе не дует?

— Нет, — сказала Белка. — А что?

— А то бы я закрыл окно.

— А где? — Белка вытаращилась на Зайца. — Где ты видишь окно?

— Нет, это я так... вообще. Пока, Белка! — и Заяц исчез.

«Теперь надо кому-то сказать: будьте здоровы!» — думал, прыгая, Заяц.

Возле норки, угревшись на солнышке, спал Хомячок. Он так сладко посапывал, что Заяц сразу понял, что ему надо делать: сорвал травинку, подкрался к Хомячку и пощекотал в ноздре.



— Ап-чхи! — сказал Хомячок.

— Будьте здоровы! — крикнул Заяц. И был таков.

«Что-то осталось ещё, — вылетев к реке, соображал Заяц. — Поздоровался — попрощался, дует — не дует, будьте здоровы, ага!» — подпрыгнул и пошёл, как канатоходец, по упавшей головой в воду сосне.

Теперь он был почти посередине реки.

Заяц сел.

Лениво шевеля хвостом, подошла старая Щука.

— Здравствуйте, бабушка! — обрадовался Заяц. — Пожалуйста! Садитесь! — Заяц вскочил и похлопал лапой по бревну.

— Дур-р-рак! — закашлялась Щука.

— Спасибо! — поклонился Заяц. — Большое спасибо!

И помчался к Ёжику с Медвежонком рассказать, как у него всё хорошо вышло.

Лунная дорожка



Дни стояли солнечные, лёгкие, а ночи звёздные, лунные.

Вечером Ёжик с Медвежонком пригласили Зайца погулять по лунной дорожке.

— А не провалимся? — спросил Заяц.

— Луноходы, — сказал Медвежонок и протянул Зайцу две дощечки. — В таких можно и здесь, и по луне.

Заяц поднял голову, поглядел на луну, она была большая, круглая, потом — на Ёжика с Медвежонком.

— А верёвки зачем?

— Чтобы к лапам, — сказал Ёжик.

И Заяц стал смотреть, как Ёжик с Медвежонком привязывают к лапам дощечки. Потом привязал сам.

Сова сидела на обгорелой сосне и глядела на них круглыми глазами.

— Видишь? — неслышно сказал Заяц Сове. И подпрыгнул, чтобы попробовать, как у него получится в дощечках.

— Вижу, — неслышно сказала Сова. — Сейчас утонете.

— Не должны, — неслышно сказал Медвежонок. — Я рассчитал.

— Он рассчитал, — уверенно, но тоже неслышно сказал Ёжик.

— Увидите, — сказала Сова.

А Заяц неслышно заплакал и отвернулся.

— Ну, пошли! — сказал Ёжик.

Шелестя дощечками, они подошли к реке.

— Кто первый? — спросил Ёжик.

— Чур, я третий! — попросил Заяц.

Медвежонок сошёл к воде и захлопал дощечками.

Медвежонок шёл прямо к середине реки, не проваливаясь, и Ёжик спрыгнул с берега, побежал следом и тоже не провалился, а Заяц не знал, как ему быть, но всё же спрыгнул, и тоже побежал, и догнал Ёжика с Медвежонком.

Они шли по лунной дорожке к середине реки, и Заяц боялся смотреть на свои дощечки; он чувствовал, что не может так быть, что ещё шаг, и он обязательно провалится, и потому Заяц шёл, задрал голову, и глядя на луну.



— Боишься? — спросил Ёжик.

— Бойтся, — сказал Медвежонок.

А Заяц думал, что стоит ему сказать слово, и он обязательно провалится, и поэтому молчал.

— Язык проглотил, — сказал Медвежонок.

— От страха, — сказал Ёжик.

— Да не бойся ты! — крикнул Медвежонок и провалился по колено.

Заяц вздрогнул и ещё выше задрал голову.

— Не бойся, — сказал Ёжик, подхватив Медвежонка.

Но Заяц всё равно не верил, что такое может быть, и дошёл до другого берега, ни разу не взглянув вниз, молча.

— Пошли назад, — сказал Медвежонок.

— Нет, — сказал Заяц. И вылез на берег.

— Чего ты боишься? — сказал Ёжик.



— Идём! — позвал Медвежонок.

Заяц помотал головой, а Ёжик с Медвежоном пошли на тот берег.

«Вот они идут на тот берег, — думал Заяц. — И не проваливаются. Но ведь такого не может быть». «Не может такого быть!» — неслышно крикнул Заяц.

— Ну, — сказал Медвежонок, когда они возвратились. — Прыгай!

Лунная дорожка золотой рыбой лежала поперёк реки. Голова её упиралась в тот берег, а хвост шевелился у самых заячьих лап.

— Не бойся! — сказал Ёжик.

— Прыгай! — крикнул Медвежонок.

Заяц смотрел на своих друзей и неслышно плакал. Он знал, что во второй раз ему уже ни за что не перейти реку.



Меленький тёплый дождь

Тёплый меленький летний дождь.

Деревья стоят большие, сочные; трава поднялась по пояс.

Заяц шёл по тропинке в густой траве и прядал ушами.

«Эх, зонтик бы...» — думал Заяц.

Лягушонок под лопухом угощал чаем Кузнечика. Им было хорошо-хорошо: слушать, как дождь постукивает по лопуху нежными ножками.

Лягушонок с Кузнечиком поглядели на Зайца.

— Зонтик забыл, — сказал Заяц.

— Садись с нами чай пить.

— Не вмещусь.

И Заяц пошёл дальше.

В овраге у ёлки стоял важный Подберёзовик:

— Ты куда, Заяц?

— Да вот, зонтик забыл, — сказал Заяц. — Иду — гуляю.

В берёзовой роще Зайцу встретился Ёжик.

Ёжик сидел, подперев лапой голову, и о чём-то думал.

— Что, зонтик забыл? — спросил Ёжик.

— Ага. Ты как догадался?

— Я тебя давно приметил. Вижу — Заяц идёт, ушами прядает. Ну, думаю, зонтик забыл.

— Верно!

— Хочешь, садись рядом — здесь сухо.

— Не-е, — Заяц помотал головой. — Пойду.



И пошёл через поле по густой траве под маленьким тёплым летним дождём.

«Вот, — думал Заяц. — Ведь ничего не случилось. Подумаешь — зонтик забыл! А как хорошо! Иду себе и иду...»

Зайцу хотелось как-то иначе, по-другому, получше сказать свою мысль. Что вот он, Заяц, идёт; Лягушка с Кузнечиком чай пьют; Подберёзовик под ёлкой стоит, подбоchenился; Ёжик на пне сидит — думу думает; а он, Заяц, идёт и идёт, ушами мокрыми прядает, и всего этого ему так хорошо, что и не знает теперь, как сказать.

Пяточка

Ёжик с Медвежонок ещё никогда не косили. И вот смастерили по лёгкой косе и вышли на луг. Луг — сверкал.

— Начали! — сказал Медвежонок. Они взмахнули косами и — застыли.

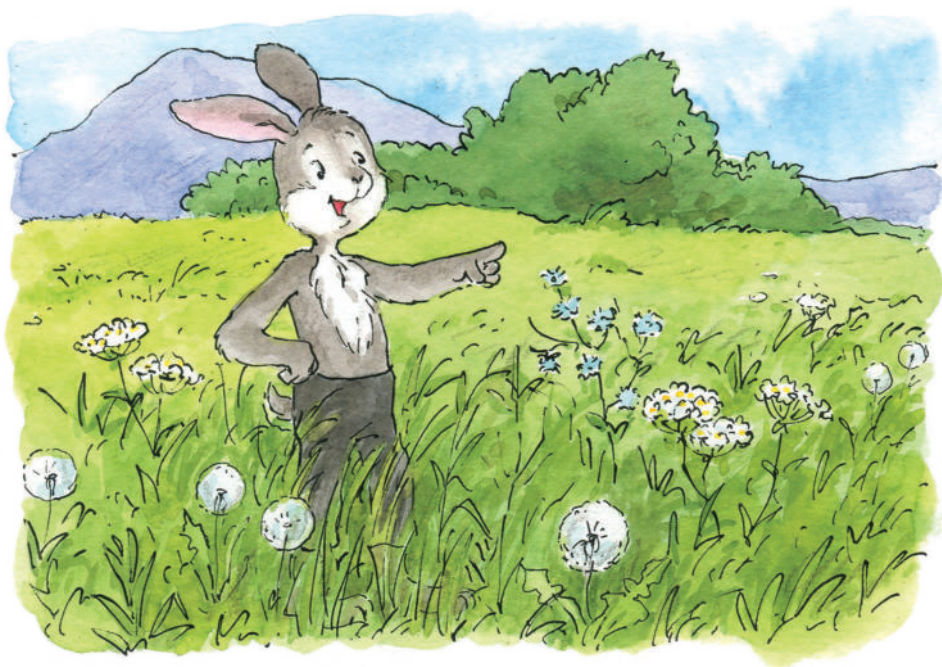
— А как дальше?

— Лапу не отрежь! — сказал Медвежонок. «Вжжжик!» — и обе косы воткнулись в землю.

Явился Заяц.

— Косите? Ха-ха-ха! А не умеете! Ха-ха-ха! Дай покажу! Он взял у Ёжика косу — вжжжик! Коса воткнулась в землю.

— Ха-ха-ха! — сказали Ёжик с Медвежонок.



— Я умел, да забыл. Меня бабка учила. Пяточку, говорила, Зайчик, прижимай, пяточку!

— А где пяточка?

— Да вот она! — Заяц показал.

— Пяточка! — захохотали Ёжик с Медвежонком.

— Ага. Где коса прилажена к косовищу. Пяточку прижимать и тянуть. Чтобы резала. Дайте брусоч!

Ёжик с Медвежонком переглянулись.

— А вы что ж, не точите? Хе-хе-хе! Что ж это за коса, если не точить?

Ёжик поискал в траве, принёс камушек.

— Ну, хоть так, — сказал Заяц.

И зазвенела, зажужжала коса под камушком.

— И — обтереть, — Заяц обтёр косу травой. — Давай другую!



Когда обе косы были готовы, Заяц сказал:

— Главное — пяточку тянуть! Вот так! И чаще подтачивать! Я сейчас вспомню: я же косил!

И правда — полегоньку-потихоньку у Зайца стало получаться, и он пошёл широким прокосом через сверкающий луг.

— Здорово! — и Медвежонок пошёл следом.

Было так радостно, что Ёжик даже не обиделся, что у него отняли косу.

— Ты маленький, — сказал Заяц.

— Ещё лапу отрежешь, — сказал Медвежонок.

Зато Ёжик бежал следом и нёс камушек. И когда косы тупились, Заяц с Медвежонком звали его и точили косы: вжик-вжик!



Шотландская баллада



— Давай повеселимся! — сказал Медвежонок. — Давай будем веселиться и петь!

— А что? — спросил Ёжик.

— Что хочешь. Ты пой, а я буду играть.

И Медвежонок достал из чулана балалайку, сдул пыль и сел, важный, у печки, закинув лапу на лапу.

— Струны, — сказал Ёжик. — Струн нет.

— Подумаешь! Со струнами кто хочешь сыграет, а ты попробуй без струн.

И заиграл:

— Ла-ла-ла! Ла-ла-ла! Ла-ла-ла — ла-ла — ла-ла!

— Что это?

— Песня.

— А как же я буду петь, если ты — ла-ла-ла?

— А я могу беззвучно, — сказал Медвежонок. — Я буду играть беззвучно, как оркестр, а ты пой.

— Попробуй, — попросил Ёжик.

И Медвежонок заиграл беззвучно.

— Хорошо, — сказал Ёжик и беззвучно запел.

— Ты что делаешь? — спросил Медвежонок, когда Ёжик спел первый куплет.

— Пою.

— А почему не слышно?

— А я беззвучно пою, — сказал Ёжик. — Ты беззвучно играешь, я беззвучно пою, а вместе мы — веселимся!

— Здорово! — крикнул Медвежонок. — Так ещё никто не веселился!

И неслышно заиграл, а Ёжик стал петь ещё беззвучнее.

И тут пришёл Заяц.

Он сперва постучал, но ему никто не ответил.

Потом Заяц всунул уши в щёлочку, но ничего не услышал.

Потом — открыл дверь, и увидел беззвучно поющего Ёжика и беззвучно играющего Медвежонка.

Глаза у Зайца стали большие и круглые. С большими и круглыми глазами Заяц простоял в дверях целую минуту, а потом крикнул: «Эй!»

Ему никто не ответил: Ёжик пел, Медвежонок играл.

— Эй! — закричал Заяц. — Это я! Я пришёл к вам в гости! Вы же меня звали!

Ёжик допевал третью песню, от Медвежонка валил пар.

— И-и-и-и!.. — будто его прищемили, заверещал Заяц. — Что вы делаете?



— Веселимся, — тихо сказал Медвежонок, беззвучно играя на балалайке.

— Пой с нами, — сказал Ёжик и приступил к балладе.

— А что вы поёте? — спросил Заяц.

— Шотландскую балладу, — сказал Ёжик. — Не сбивай.

— Я могу на барабане, — сказал Заяц. — Я мигом.

И тут же вернулся с барабаном.

— Палочек нет, — извиняясь, сказал Заяц. — Но я могу лапами.

— Только неслышно, — сказал Медвежонок, играя.

— Ты хоть про что поёшь? — шёпотом спросил Заяц у Ёжика, неслышно стуча в барабан.

— Про Шотландию, — одними губами сказал Ёжик. — Это такая страна.

— В Шотландии — балалаек нет, — шёпотом сказал Заяц.

— И барабанов — тоже, — негромко заметил Медвежонок.

— А вот барабаны — есть, — вслух сказал Заяц. — Барабаны есть всюду!

— Там бубны, — сказал Медвежонок. — Как у цыган.

— Вы меня сбиваете, — сказал Ёжик.

И неслышно запел про Шотландию, горную страну, в которой нет балалаек, есть бубны, как у цыган, но по краям всё же стоят несколько барабанов.

И Медвежонок с Зайцем, глядя на Ёжика, ничего не слышали, но почти всё понимали, и были очень благодарны Ёжику за то, что он унёс их в песне в эту чудесную страну.



— И всё-таки барабаны там есть, — прощаясь и благодаря за вечер, сказал Заяц. — Несколько штук, а есть.

— И балалайка, — сказал Медвежонок. — Одна и без струн.

— Чудесная страна! — сказал Ёжик. — Удивительная страна, про которую можно почти и не петь, а песня льётся.

Давно бы так, Заяц!

— Заяц! Заяц! Заяц! Скорее беги сюда!

— Что случилось? — спросил Заяц.

— Ты только погляди! — Белка сидела высоко на сосне и куда-то показывала, вытянув лапу.

Заяц подпрыгнул:

— Ничего не вижу.

— Лезь сюда! Погляди, как красиво!

— Ты что, Белка? Я же не умею... по деревьям.

— Я спущу корзинку, — крикнула Белка. — Ты садись, я тебя втяну!

И опустила корзину, с которой ходила по грибы.

— Ты что, Белка? — снова сказал Заяц. — Разве я вмещусь?

— Ты зацепись, зацепись!

Заяц ухватился, как мог, и Белка втянула его на сосну.

Заходило солнце, и было так красиво, что у Зайца перехватило дыхание.

— Весна! Весна! — кричала Белка. — Слышишь, как пахнет?

Заяц принялся.

— Да ты вот сюда погляди, сюда!

Заяц глядел во все глаза, было очень красиво, но он всё же не мог забыть, что ему надо спускаться.

— А как я спущусь? — спросил Заяц.

— Потом, потом, — щебетала Белка. — Ты — гляди! Солнце сядет!



Заяц дрожащими лапами держался за сучок, глядел на заходящее солнце, понимал, что действительно красиво, но не мог не думать о том, что ему надо будет спускаться.

«И зачем я влез в эту корзину? — думал Заяц. — Ну, выбежал бы на берег — оттуда тоже хорошо видно».

— Гляди! Гляди! — не умолкала Белка.

И Заяц вдруг подумал: ну что я всё дрожу? ну, что я всё — «да как?», «да что?», «да почему?»

«Плюнь! — сказал сам себе Заяц. — Плюнь и гляди! И радуйся! А уж потом подумаем, как спуститься».

И Заяц перестал дрожать.

И встал на ветке, как птица. Большая гордая птица с откинутыми ушами.

И ему вдруг показалось, что весь лес, вся поляна, вся река, которую теперь было хорошо видно, — всё это — принадлежит ему, Заяцу, и не надо ни о чём думать.

— Ну вот, — сказала Белка. — Давно бы так! Смотри, как ты похорошел, Заяц!

Сказка на отъезд слона

Три дня у Ёжика с Медвежонком гостил Слон.

Дни стояли лёгкие, солнечные, с тяжёлыми деревьями и свежей молодой травой — прежнюю Ёжик с Медвежонком давно скосили.

Заяц тогда ворошил сено и хохотал.

— Ты чего, Заяц?

— А так! Ха-ха! Шуршит!

Сено сперва копнили, а потом сметали в стога. И стога, как большие слоны, пошли по поляне.

Тут-то Медвежонок и сказал:

— А давайте пригласим Слона.

Написали письмо и отправили с попутной птицей в город.

Слон приехал через неделю.

Сперва всех покатал по поляне: это было очень весело!

Потом сели удить рыбу.

Слон никого не поймал.

И Ёжик.

И Медвежонок.

А Заяц поговорил с рыбой, и рыба пообещала вечером прийти пить чай.

...Вскипел самовар.

Все сидели на крыльце и глядели, как заходило солнце.

Слон был задумчивый-задумчивый.

— Думаешь, не придёт? — спросил Ёжик.

— А кого ты пригласил? — поинтересовался у Зайца Медвежонок. — Если Ерша — трепло, и ждать нечего.



— Вот если б Гололавль, — сказал Ёжик. — Гололавль — серьёзный.

Слон ничего не сказал. Он глядел на заходящее солнце.

— Приду, сказала, — оправдывался Заяц. — Вильнула и всё.

— Рыбу легче всего узнать по хвосту, — говорил Медвежонок. — Если усы — Сом. А вообще, когда разговариваешь, надо глядеть в глаза.

— Так она же в воде! — рассердился Заяц.

Подождали ещё.

Солнце опускалось медленно-медленно, и глядеть на него было хорошо и печально.

— Это удивительно, что вы догадались меня позвать, — тихо сказал Слон. — Если б не вы, я бы ни за что не выбрался.

— Ты не думай, она придёт, — сказал Медвежонок. — Усы — значит Сом. А Сомы обязательные.

— Представляешь, вернёшься в город и расскажешь, как мы пили чай с Гололавлем, — сказал Ёжик. — Вот увидишь, это — Гололавль. Заяц не приметил, а я чувствую.

Большой серый Слон смотрел на заходящее солнце, слушал, что ему говорят Ёжик, Заяц и Медвежонок, и думал, что вот он прожил целую жизнь и за всю жизнь ему не было так хорошо и печально, как в этот вечер, когда они вчетвером ждали рыбу.



В гостях у Собаки



Однажды Ёжику приснилось, что они с Медвежонком попали в Китай, и китайский Ёжик с китайским Медвежонком пригласили их в гости к китайской Собаке.

Дом у китайской Собаки был просторный, светлый, и топчан, то есть кровать, на которой спала китайская Собака, можно было топить, как печку.

— У нас на печах тоже спят, — сказал Ёжик.

— Нео-нео, — сказала китайская Собака. — Я знаю русский печь. Он высок, он большой, а у меня — постелька.

Китайский Ёжик с Медвежонком кивали, а китайская Мышка выскочила из угла и несколько раз низко поклонилась.

Потом пошли осматривать сад.

— Это — огорода, — сказал китайский Ёжик. — Здесь огурец, тыква, кабачка. А там, — он показал лапой, — фрукта.

— Сад по-нашему, — кивнул Медвежонок. — А что растёт?

— Слива есть, персик есть, много есть.

— А яблоки? — спросил Ёжик.

— Яблока нет, яблока — там, — и китайская Собака показала на китайского Медвежонка.

— Много есть, много есть, — закивал китайский Медвежонок.

— А пчёлы? — спросил наш Медведь.

— Псёла — мёд. Ха-ха-ха! Какзе-какзе!

«Что бы ещё у них спросить?» — думал во сне Ёжик. Бабка читала ему в детстве про Китай, но это было давно, и он всё позабыл.

— А как с волками? — тем временем спрашивал Медвежонок.

— Волка есть, волка есть! — кивала китайская Собака, и китайская Мышка снова появилась с поклоном.

— А что, — спросил Ёжик, — мышки у вас всегда кланяются?

— Всегда-всегда, всегда-всегда, — закивал китайский Ёжик.

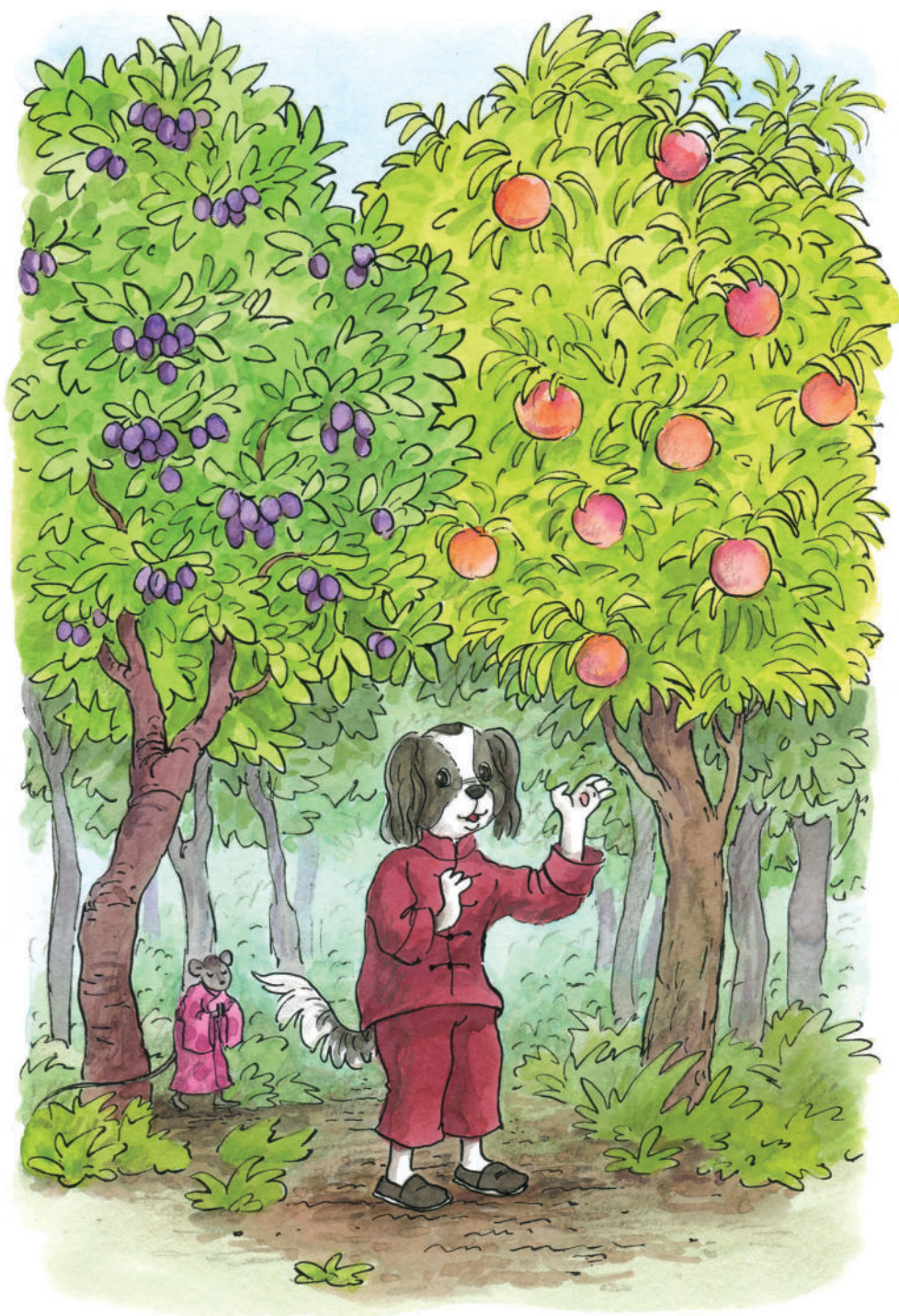
— А если ты встретился с Лисой?

— Улыбаюся, улыбаюся!

— А кланяться надо?

— Какзе-какзе! — сказал китайский Ёжик.

Китайский Медвежонок с китайским Ёжиком и Собакой всё время улыбались и кланялись. И когда все, стоя на коленках за низеньким столиком, попили чаю, Ёжик с Медвежонком уже тоже, не переставая улыбаться, кланялись.



— Большое спасибо! — улыбнулся, кланяясь, Ёжик.

— Спасибо большой! — пятась с поклоном к двери, улыбался Медвежонок.

— Не за сто! Не за сто! — провожая Ёжика с Медвежоном до дверей, улыбались и кланялись китайский Ёжик с китайским Медвежонком.

И китайская Собака с Мышкой в углу сияли улыбкой.

— Ну что? — спросил Медвежонок, когда они рядом ехали на верблюдах по китайской пустыне. — Как тебе Китай?

— Осень хоросо! Осень хоросо! — заулыбался Ёжик и, улыбаясь, кланялся, пока не проснулся.



Сыроежка



Чем дальше уходила осень, чем дольше Ёжик смотрел вокруг, тем удивительнее ему становилось.

Лес похудел — стал тоненьким и прозрачным. И небо будто поредело — стало не таким синим, не таким густым.

— Это потому, что осень, — вздохнул Медвежонок.

Но Ёжик и без Медвежонка знал, что это всё оттого, что пришла осень.

Ёжик любил осень. Любил медленно бродить по шуршащей листве и удивляться, и радоваться каждому грибу.

— Здравствуйте, гриб! — говорил Ёжик. — Как Выживаете?

Дальше всё зависело от того, какой попадался гриб.

Здоровяк-Боровик отвечал:

— Замечательно! Крепок духом, здоров телом!

Поганка что-то мямлила и вся изгибалась:

— Да знаете, да понимаете, да я...

Хитрые лисички прятали глаза и хихикали:

— Погляди на него! Это — Ёжик!

Задумчивый Груздь басил:

— Ничего, всё в порядке, живём.

Лукавая Волнушка искоса глядела из-под шляпы и поводила плечом.

А Мухомор, весь красный, только ещё сильнее краснел.

— Рады стараться! — неожиданно писклявым голосом отвечал Мухомор.

В сумерках Ёжик любил беседовать с опятами.

Сядет у пня, вокруг соберётся много-много опят, сдвинут шапки на затылок и — слушают.

Но приятнее всего, конечно, Ёжику было беседовать с Сыроежкой.

— Как Вы себя чувствуете? — улыбаясь, спрашивал Ёжик.

— Вы даже не представляете, как я рада Вас видеть, — отвечала Сыроежка.

И Ёжик, уже дома, засыпая, всегда вспоминал эту милую улыбку, с которой с ним говорила Сыроежка.



Ромашка

Это было в июне. Ёжик влюбился.

Необыкновенно пахла трава, а Ёжик ходил большими кругами вокруг Ромашки и боялся к ней подойти.

— Ты чего ходишь? — спросил Кузнечик. — Может, что надо? Скажи.

— Ничего мне не надо, — пробурчал Ёжик. И ушёл за ёлку.

Отсюда, из-за ёлки, Ромашка была ещё прекраснее.

Она стояла, слегка изогнувшись, на тоненькой ножке и до того была свежа, легка и воздушна, что Ёжик зажмурился.

«Подойду, — решил он. — Подойду и прямо так и скажу: „Вы мне нравитесь, Ромашка! Я очарован!“ Очарован, очарован, — забормотал Ёжик. — Может, я вами очарован? Попробую сначала».



Он встал, вскинул мордочку, взмахнул лапой и про себя сказал: «Вы мне нравитесь, Ромашка! Я вами очарован» Нет, не годится. Я... Вами... Плохо! «Вы мне нравитесь, Ромашка. Я очарован». Так лучше. А что она скажет? Она скажет: «Ты мне тоже нравишься, Ёжик». Вот было бы здорово! Но она так ни за что не скажет. Что ей до меня, Ёжика?»

И Ёжик стал опять большими кругами ходить вокруг Ромашкиной поляны и вспоминать, как на рассвете встретил Лося. То есть они даже и не встретились, потому что Лось Ёжика не видел, но Ёжик не только видел Лося, но и слышал, что тот говорит.

— Фф-у!.. — Вздыхал, ломаясь сквозь кусты, Лось. — Фф-у!.. До чего ж хороша!.. — Лось фыркал и крутил головой.

Ёжик сразу догадался, что это он о Ромашке, но спросить не решился.

«Пойти, что ли, посоветоваться с Белкой, — думал Ёжик. — Всё-таки она — Белка, и думает так же, как Ромашка».

И Ёжик было побежал к Белке, но наткнулся на Медвежонок.

— Ты чего здесь делаешь? — спросил Медвежонок.

— А ты?

— Я вообще, — сказал Медвежонок. — Гуляю.

— И я.

— А хочешь, я скажу тебе тайну? — спросил Медвежонок.

— Говори.



— Здесь появилась необыкновенная Ромашка, — шёпотом сказал Медвежонок. — Я иду с ней знакомиться. Только — шшш! — Медвежонок прижал лапу к носу. — Никому!

Ёжик обмер. Он сразу понял, о какой Ромашке говорит Медвежонок.

— Так это моя Ромашка, — сказал Ёжик. — Возле ёлки, да?

— Возле ёлки. А ты откуда знаешь? Она только вчера появилась в нашем лесу.

— Вот вчера я её и увидел, — сказал Ёжик. — Только ты никому, понял?

— погоди, — сказал Медвежонок. — А почему она — твоя?

— Потому что я её первый увидел.

— А почему ты знаешь, что она захочет дружить с тобой, а не со мной, Медвежонком?

— Потому что она так стоит, — сказал Ёжик, — и так смотрит, что сразу видно, с кем она хочет дружить.

— С кем же?

— Со мной, — сказал Ёжик.

— Ну знаешь... — Медвежонок сел. — Я от тебя такого не ожидал. Говори, как она стоит и как смотрит.

— Разве словами скажешь?

— Покажи.

Ёжик встал на одну ножку и томно поглядел на Медвежонка.

— Так. И почему ты думаешь, что сразу видно, что она хочет дружить с тобой?

— Потому что она так смотрит.

Ёжик снова встал на одну ножку и поглядел на Медвежонка.

— Знаешь что, — сказал Медвежонок. — Пойдём к ней вместе, познакомимся. Пусть она выберет сама.

— Нет, — сказал Ёжик. — Давай сначала пойду я, а потом — ты.

— А почему не наоборот? Я познакомлюсь и представлю тебя.

— Ты её напугаешь, — сказал Ёжик.

— Я? Да я всё утро плавал в реке, чтобы быть пушистым. Ты потрогай, какой я шёлковый. Разве такой Медвежонок может кого-нибудь напугать?

— Всё равно, — сказал Ёжик. — Напугаешь. Ты вон какой страшный.



— Я? Страшный?

— Ты же — медведь, — сказал Ёжик. А она — Ромашка.

— Ну и что? Медведь медведю рознь. А я вон какой шёлковый.

— Ты погоди, — сказал Ёжик. — А я сейчас сбегаю погляжу, там ли она.

И побежал.

— Стой! — крикнул Медвежонок. — Давай ползком.

— Зачем? Я сбегаю и вернусь.

— Тогда давай вместе.

— Да я вернусь. Ты не бойся. Я только гляну, и всё.

И Ёжик побежал.

Ромашка стояла на том же месте и была ещё легче, ещё воздушнее. Ах, как она была хороша!

«Пускай Медвежонок идёт первый, — решил Ёжик. — Я не могу». И вернулся к Медвежонку.

— Иди, — сказал Ёжик. — Стоит. Познакомишься, а потом сразу зови меня.

И Медвежонок пошёл. Даже не так. Они пошли вместе: Медвежонок впереди, а Ёжик сзади.

Медвежонок подошёл к Ромашке. Ёжик, не мигая, глядел на них из-за ёлки.

— Здравствуйте! — сказал Медвежонок. — Вы — Ромашка!

— Да, — сказала Ромашка и поглядела на Медвежонка искоса.

— А я — Медвежонок.

— Вижу, — сказала Ромашка.

— Как вам нравится в нашем лесу? — Медвежонок переминался с ноги на ногу и думал, что бы ещё сказать.

— Мне здесь очень нравится. Здесь очень красиво.

— И погода прекрасная, правда? Вы любите дождь?

— Дождь? Я ещё ни разу не видела дождя. Какой он?

— Дожди бывают разные, — сказал Медвежонок. — Бывает грибной — это когда дождь, а сквозь дождь — солнце.

— Это, наверное, очень красиво, — сказала Ромашка. — Как вы хорошо говорите. Расскажите ещё что-нибудь.

— А бывает проливной дождь, — сказал Медвежонок. — Это одна вода.

— Я очень люблю воду, — сказала Ромашка.

Ёжик прыгал за ёлкой и делал Медвежонку разные знаки. «Знакомь! Знакомь меня!» — кричал про себя Ёжик. Но Медвежонок будто забыл про Ёжика. Он ходил вокруг Ромашки, размахивая лапами, и говорил без умолку.

— Это ещё что, — говорил Медвежонок. — А бывает — снег.



— Что это?

— О! Это очень холодное вещество. Это такой дождь зимой. Представляете? С неба падают белые пушистые хлопья. Ну с чем сравнить? Ну, вот, например, со мной, с Медвежонок.

— Такие огромные?

— Нет, такие же пушистые, мягкие, ласковые.

— А вы — ласковый?

— Очень, — сказал Медвежонок.

Ёжик готов был плакать от обиды, но боялся вылезти из-под ёлки. «Как тебе не стыдно, Медведь! Ты же обещал!» — кричал про себя Ёжик.

И тут Медвежонок обернулся к нему и сказал:

— А хотите, я вас познакомлю со своим другом?

— Очень, — сказала Ромашка.

— Позвольте вам представить моего друга Ёжика. — И Медвежонок сделал широкий жест лапой. — Выходи! — шепнул он Ёжику.

Но Ёжик стоял за ёлкой и чувствовал, что лапы у него примёрзли к земле. Он хотел весело рассмеяться и крикнуть: «Иду, Медвежонок!» — но почувствовал, что лапы у него не шевелятся и он не может раскрыть рта.

— Позвольте вам представить моего самого лучшего друга, Ёжика, — громче сказал Медвежонок и ещё шире повёл лапой. — Да выходи же! — зашипел он.

Но Ёжика будто окостенил мороз. Он вдруг с ужасом понял, что никогда ни за что не найдёт в себе сил подойти к Ромашке.

Он повернулся и что было мочи, ломая кусты, спотыкаясь, падая, побежал вглубь леса.

Не улетай, пой, птица!

— Повеселимся, Поросёнок!

— А как?

— Давай попрыгаем!

И они запрыгали: Заяц — через пенёк, Поросёнок — через поваленную осину.

— Так не развеселишься, — сказал Заяц. — Иди сюда!

И подвёл Поросёнка к упавшей сосне.

Весенний лес, набитый солнцем и птицами, стоял в зелёном дыму.



— Прыгай! — сказал Заяц.

— Боюсь, — сказал Поросёнок.

— Смотри! — сказал Заяц. И прыгнул.

— У тебя ноги длинные, — и Поросёнок лёг животом на сосну.

— Да не так, — сказал Заяц. — Смотри!

Птица пела далеко и тревожно, потом подлетела ближе, запела радостно и светло.

— Ты не смотришь, — обиделся Заяц. — Так я тебя не научу.

— Я смотрю, — сказал Поросёнок.

«Где же она сидит?» — разглядывая ветку за веткой, думал Поросёнок.

— Смотри в третий раз! Больше не покажу.

Заяц прыгнул, и тут Поросёнок её увидел.

Она была совсем крошечная, серый такой комочек, а пела так, что у Поросёнка защемило в груди.

— Будешь прыгать или нет? — спросил Заяц.

— Ты прыгай, — сказал Поросёнок. Он, не отрываясь глядел на птицу.

Вот она наклонила голову и...

Такого Поросёнок ещё никогда не слышал.

— Главное не бойся, — говорил Заяц. — И отталкивайся двумя ногами сразу. Понял?

— Ага, — сказал Поросёнок. «Если бы я умел так петь, если бы я только чуть-чуть мог, как она. Я бы...»

— Ну прыгай! — сказал Заяц.

Поросёнок подпрыгнул, лёг животом на поваленную сосну и закрыл глаза.



— Эх ты! — сказал Заяц. — Учи тебя! — И убежал.

— Птица, — шептал Поросёнок. — Не улетай, пой, птица! Я не умею прыгать, не умею петь, но, когда ты поёшь, мне кажется, мне кажется... я могу всё.

Птица пела, а поросёнок лежал ничком на упавшей сосне, и ему казалось, что он сам — вольная птица, летит высоко над землёй и машет лёгкими крыльями. Прибежал Заяц.

— Ну, будешь прыгать? — спросил он. — Да чего же ты плачешь? Вот глупый! Да я тебя научу, научу! Надо только отталкиваться двумя ногами сразу.

Кукуня

— Капает и капает, и — туман, — разве это погода?

— Нет, — сказал Кукуня, новый знакомец Ёжика и Медвежонка.

— А ты сам откуда? — спросил Ёжик.

— Я — здешний. Мама у меня куница, от неё — хитрость.

— А папа? — спросил Медвежонок.

— Папа — бобр. Всё плотины строил.

— Значит, ты — хитрый? — спросил Ёжик.

— Смышлёный, — сказал Кукуня. — Я — смышлёный, трудолюбивый, люблю поспать, поесть, поплотничать, повеселиться...

— И плавать любишь? — спросил Ёжик.

— И плавать.

— А кувыркаться?

— Нет, — сказал Кукуня. — Кувыркаться не люблю. У меня от этого голова болит.

Они сидели посреди туманного леса в беседке, которую построил Кукуня.

Накрапывал дождь, пахло землёй и листьями.

— А что ты ещё любить? — спросил Медвежонок.

— Черёмуху.

— А ещё?

Кукуня задумался. Он был небольшой зверёк с маленькой головой и мохнатыми лапами. Больше всего он походил на собаку таксу, если бы она надела пушистые валенки.



— А ты откуда пришёл? — спросил Ёжик.

— Из-за реки.

— А зачем построил вот эту?.. — Медвежонок не знал, как назвать беседку.

— Не знаю. Где-то видал, — сказал Кукуня. — Дождь не мочит, а стен нет.

— А если ветер?

— В дом уйду.

— А где дом?

— Построю.

— Ты к нам надолго? — Медвежонок обошёл Кукуню и даже потрогал его лапой.

— А что?

— Интересно, — сказал Ёжик.

— Посмотрю, — сказал Кукуня. — Понравится — останусь, не понравится — уйду.

— А куда? — спросил Медвежонок.

— Мало ли! Захочу — вернусь к себе за реку, захочу — пойду дальше.

— А куда? — спросил Ёжик.

— Пойду к белым медведям, к песцам. Меня северные олени любят.

— А ты и на севере был?

— Был.

— И на юге?

— Везде. Я даже на Ките плавал.

— Врёшь! — сказал Медвежонок.

— Я старый, — сказал Кукуня. — Годы мои большие. Чего мне врать?

— А сколько же ты живёшь? — спросил Ёжик.

— Лет 300, — сказал Кукуня. — А может, 500. Не помню.

— Мою бабушку помнишь?

— А как же! Славная была Ежиха.

— А моего дедушку?

— Печальный был Медведь, — сказал Кукуня. — Всё на скрипке играл.

— Правильно! — воскликнул Медвежонок. — У меня и скрипка в шкафу осталась.

— Бери, говорит, Кукуня, свою скрипку. Сыграем!

— Это кто говорит?

— Это твой дед. Мне.

— А ты и на скрипке можешь?

— А мне — что топором, что на скрипке.



И Медвежонок уточкой полетел домой и вернулся со скрипкой. Пока он бегал, Ёжик ни о чём не спрашивал, а только глядел на Кукуню во все глаза.

— Ну-ка, давай скрипку!

Кукуня потрогал струны, взмахнул смычком — скрипка запела. Кукуня играл по-деревенски — просто и от души. Скрипка то плакала, то хохотала. И Медвежонок с Ёжиком то сидели, накупившись, то пускались в пляс.

— Нет, лапа не та, — вздохнул Кукуня, опуская смычок. — Эх, бывало, сядем с дедом твоим на два пенька, да как грянем, как потащит, потащит он вверх, а я — кругами хожу. Волки плакали.

— Куда потащит? — спросил Ёжик.

— Кого?

— Ну, туда... Душу.

И Кукуня снова взял скрипку и заиграл так, что Ёжик с Медвежонком заплакали.

— Хороший у тебя дед был, — сказал Кукуня. — Редкий Медведь, жаль только, моя скрипка сторела.

— Бери, — сказал Медвежонок. — Бери дедушкину!

— И никуда не уезжай, — сказал Ёжик.

Кукуня зажмурился, посидел так с закрытыми глазами, взял скрипку — и накрапывающий дождь, и лес, и туман — всё смешалось с запахом земли и листьев, и беседка, построенная Кукуней, вместе с друзьями уточкой поплыла над землёй.

Урюк



— А можно сказать — бушует весна? — спросил Ёжик.

— Конечно!

И Заяц понёсся через лес, и Ёжик с Медвежонок следом.

Заяц прискакал к дикой вишне.

— Глядите! — сказал Заяц. — Как снег!

— Цветёт, — сказал Ёжик.

— Пахнет...

— Нюхайте! — сказал Заяц.

И все стали подпрыгивать и нюхать.

— Снегом, — сказал Медвежонок.

— Свежестью!

— А почему — бушует? — Ёжик остановился. — Ведь когда бушует — всё свищет, летит?

— А дожди? — сказал Заяц. — А птицы?
— Верно! Дожди — летят, птицы — свищут!
— И облака, — сказал Медвежонок. — Облака тоже летят.

— И бабочки!
— При чём здесь бабочки?
— Как? А цветы? — и Заяц показал на вишню.
— Персики, — сказал Медвежонок. — Знаешь, как персики цветут? Урюк!

— Нет у нас персиков!
— Сирень, — сказал Ёжик. — Вот уж цветёт!
— Сирень — сиреневая, при чём здесь вьюга?
— А белая?
— И липы, — сказал Заяц. — Отцветут, и лепестки так и летят.

— Вместе с яблоневыми...
— И урюк! — сказал Медвежонок.
— Отстань ты со своим урюком!
— Как метель! — Медвежонок хотел, чтоб не забыли урюк.

— И дожди! — крикнул Ёжик.
— И облака!
— И черёмуха!
— И слива!
— И черешня!
— И вишня!
— Вот потому-то — бушует!
— Не-а, — сказал Медвежонок. — Уж если кто по-настоящему бушует, так это — урюк!

Сова-сова



В эти самые лучшие часы, когда солнце уже садится, но ещё не наступили сумерки и от деревьев на снегу — длинные глубокие тени, — в эти часы Ёжик сидел у окна и мечтал.

То же самое делал Медвежонок.

А у Зайца не было сил мечтать, потому что Заяц просто не мог сидеть на месте.

Вот и сегодня он сперва сбегал к Ёжику, потом — к Медвежонку, и обоих застал сидящими у окна, глядящими в затухающий лес.

— И птицы не поют! — огорчился заяц. — Поговорить не с кем.

Белка сидела у печки с вязанием.

Хомячок съел кашу и теперь пил компот.

Филин ещё не проснулся.

И Волк видел последний сон.

«Взойдёт луна, вылезет на поляну и — завоюет», — подумал Заяц.

Он знал, что Ёжика с Медвежонком сейчас трогать нельзя; с Белкой и Хомячком — скучно; и поэтому Заяц один прыгал по остывающему насту и просто не знал, куда себя деть.

С Лисой у Зайца сложились особые отношения, и поэтому он решил сбегать к Лисе.

— Лиса-Лиса, бон суа! — сказал Заяц.

— Бон суа! Добрый вечер, Заяц!

У Лисы была французская бабушка, и она учила Зайца по-французски.

— Коман са ва? Как дела? — спросил Заяц.

— Са ва комси комса. Так себе, — сказала Лиса.

— Сова-сова, — обрадовался Заяц. — Так себе.

— Учи, — сказала Лиса.

И Заяц полетел по лесу, повторяя:

— Сова-сова! Сова-сова! Сова-сова!

— Тебе чего? — спросил Филин. — Чего надо?

— Ничего, — сказал Заяц.

— А чего зовёшь?

— Я тебя не звал.

— Как же не звал? — рассердился Филин. — Прыгаешь, кричишь: «Сова! Сова!» Это я же!

— Это по-французски — так себе! — сказал Заяц.

— Это я — так себе?

— Нет, это по-французски «так себе», а ты — очень и очень хороший!



— То-то, — сказал Филин. — А что будет по-французски Волк-волк?

— Ещё не знаю.

— А Лиса-лиса?

— Надо спросить. Сбегаю и спрошу.

«Сова-Сова!» — пел по дороге к Лисе Заяц и с порога спросил:

— Сова-сова — так себе, а Лиса-лиса?

— Не сова-сова, а са ва комси комса, — сказала Лиса. — А Лиса-лиса — это я, и больше никто.

— А Волк-волк?

— Волк-волк — по-французски ничего не значит.

«И всё-таки что-то здесь не так, — зубря „сову-сову“ и в третий раз огибая лес, на бегу думал Заяц. — Сова-сова — так себе, значит, а Волк-волк — ещё хуже».

Он до того задумался, к тому же, не переставая вопил «сову-сову», что не заметил Волка.

— Ты кого славишь? — схватил Зайца Волк.

— Сова-сова — так себе! — выпалил Заяц.

— Вот именно! Кому она нужна, твоя Сова? Бегай и кричи: Волк! Волк!

— Что ж мне тебя кричать, когда ты ничего не знаешь?

— Я?

— Ну да. Для французов ты — тьфу!

«Неужто Волк для них — ничто?» — опечалился Волк.

Он так расстроился, что даже отпустил Зайца.

— Совсем, — горько вздохнул Заяц. — Представляешь, Волченька, ты — Волк, а тебя как будто и нет.

— Ничего, Заяц, — сказал Волк. — Это, может, меня у французов нет, у них и леса-то нет. Зато здесь мы с тобой — у-ух!

— Ух! — кивнул Заяц.

— Ну, беги, — потрепал по ушам Зайца Волк. — Тянись к знанию.

И, по-волчьи ослабившись, показал страшные зубы:

— Беги-беги! Учись! Пусть знают наших!

И Заяц, ликуя, помчался по лунному лесу, зовя Сову-сову — хищную птицу, которая, может, там, у французов, и означает ни то ни сё, ни так ни сям, так себе, а у нас — тихую жуть.



Солёные ножки

- Почему ты всё знаешь, Заяц?
- От бабушки. Если б вы знали, какая у меня была бабушка!
- И считать тебя научила?
- И считать.
- И писать?
- И писать.
- А мой дед, — сказал Медвежонок, — всё на печке сидел. А бабка ему ножки солила.
- Как это?
- Нагреет воды, выльет в ушат, туда — соли и золы из печки.



— Зачем? — спросил Ёжик.

— Для здоровья. Бывало, скажет: «Ну, Медведюшка, давай ножки солить!» Дед обрадуется — очень он это любил.

— А моя бабка, — сказал Ёжик, — была неграмотной. Зато дедушка в свистульку свистел.

— Мой на скрипке играл, — сказал Медвежонок. — Сунет лапы в ушат, а сам за скрипку. Бабка сядет, голову набок — пригорюнится.

— Он что, только грустную играл? — спросил Заяц.

— Что ты! Бывало, и плясовую. Я пляшу, бабка плачет.

— Отчего? — спросил Ёжик.

— Очень деда любила.

— А мой сгинул, — сказал Заяц. — Дед сгинул, отец сгинул, мать пропала. Одна бабушка у меня была. Зато какая бабушка! Посадит к окну, даст уголёк — рисуй, Зайчик!

— А мои вместе свистели, — сказал Ёжик. — Дед бабку тоже научил. Проснутся — и свистят.

— Вот никогда не слышал, чтобы ежи свистели, — сказал Заяц.

— А они — тихонько. Свистят себе и свистят. Когда я чуть побольше стал, мне тоже свистульку сделали.

— Бузинную?

— Не, из липы. Дед липовые любил. У них звук... с шершавинкой.

— А сейчас можешь? — спросил Заяц.

— Забыл. И потом — я свистульки делать не умею.

Помолчали.

Тихо и хорошо было в осеннем лесу.



— Я бы вас извлекать корень научил, — сказал Заяц. — Да, боюсь, не смогу: бабка со мной две зимы билась.

— Что мы — кроты?

— Ты нас и так вон сколькому научил! — сказал Ёжик.

— А давайте ножки солить!

И тут все обрадовались, согрели воды, насыпали золы, соли, и Ёжик неслышно, про себя, засвистел в свистульку, Заяц сквозь слёзы увидел свою любимую бабушку, а Медвежонок радовался, что вот все сидят, солят ножки, а вспомнил, как надо солить, он, Медвежонок.

Как Ослик, Ёжик и Медвежонок встретились после долгой зимы

— Дорогой Ёжик, я так рад тебя видеть! — сказал Медвежонок Ёжику, когда они встретились после долгой зимы.

— И я! — сказал Ёжик.

— Как тебе зимовалось?

— Я чуть было не замёрз... — сказал Ёжик.

— И я...

Они стояли посреди еловой опушки обнявшись и не знали, что говорить и делать от радости.

— Я очень рад, — сказал Медвежонок и погладил Ёжика по плечу.

— И я очень рад! Осторожно, не уколись, — сказал Ёжик и погладил Медвежонка.

— Ничего! Ты — самая добрая колючка в нашем лесу!

— Всё равно ты можешь уколоться, — сказал Ёжик.

Они стояли молча, глядя друг на друга, а потом Медвежонок сказал:

— А где наш друг Ослик?

— Не знаю...

— Может, он замёрз в эту долгую зиму?

— Нет, не может быть! Побежим к нему!

И они по талому снегу побежали через лес к домику Ослика.

— Ослик! — ещё издали закричал Медвежонок.



— Осли-ик! — подхватил Ёжик.

— Осли-и-и-ик!! — крикнули они вместе, выбежав на полянку перед домиком Ослика.

Ослик только что пообедал и теперь доедал кисель из сушёных лопушков.

Он выглянул в окошко, увидел Ёжика с Медвежонком на опушке перед домом и, как был в халате до земли, выбежал на крыльцо.

— Эй! — крикнул он.

— Эй!! — крикнули Ёжик с Медвежонком.

И Ослик, разбрызгав всеми четырьмя копытцами лужу, подбежал к друзьям.

— Весна! Весна! — закричали все. И закружились по ноздреватому снегу, приговаривая: — Вот мы и встре-

тились! Не могло быть, чтобы мы не встретились! Вот и весна!..

А старый чёрный Ворон смотрел на них жёлтыми глазами и тихо картавил:

— Кар-р-р! Повстр-р-речались!..

Ему было очень грустно одному сидеть на дереве, и наконец он не выдержал и крикнул:

— Карrrrr! Обrrrr-р-р-радовались!!

И, уже не унимаясь, кричал до тех пор, пока его не услышали другие вороны и не подняли такой грай, от которого после долгой зимы пробудился весь лес.



Бетховенская тропа



Ранним утром по Бетховенской тропе, заложив лапы за спину, медленно шёл Заяц. Солнце только что поднялось, воздух ещё не прогрелся, и вокруг было прохладно и сумрачно.

«Хорошо вот так идти и дышать, — думал Заяц. — Хорошо вот так идти, дышать полной грудью и смотреть по сторонам».

Зайцу было так хорошо в это утро, солнце так нежно освещало верхушки деревьев, что Заяц тихонько запел:

В Карловых Варах все ещё спят,
Заяц не спит, он идёт по дорожке.
Заяц не старый,
Очень усталый —
Дедушка всех карловарских зайчат.

«А хорошая получится песня, — подумал Заяц. — Такую песню не стыдно и Ёжику спеть, и Медвежонку, и Муравью. Только надо придумать дальше».

И он пошёл, мурлыкая мелодию и подбирая слова.

Вот я иду, и кругом — никого, —
спел Заяц. —

Вот я иду и гляжу на деревья.
Полон участия,
Полон доверья,
Самого лучшего полон всего.

«А ведь правда, — подумал Заяц, — так хочется кому-нибудь что-нибудь такое сделать, чтобы сказали: „Спасибо! Спасибо, Заяц!“ — „Не за что, — сказал бы я. — Не стоит благодарности!“ А вот что бы такое сделать и — кому?»

И он пошёл, напевая, дальше:

Всё, что имею, готов я отдать.
Всё, что имею, отдам без остатка...

«А что у меня есть? — подумал Заяц. — Ведь ничего нету».

И незаметно стану украдкой
Со стороны из кустов наблюдать.

«Вот! — Заяц остановился. — Надо сделать что-нибудь хорошее-хорошее, а потом залезть в куст, чтобы никто не видел, и оттуда глядеть».

Солнце поднялось высоко, а Заяц всё шёл по Бетховенской тропе и пел:

Небо, спасибо! Спасибо, трава!
Солнце, спасибо! Спасибо, деревья!
Вы оказали
Зайцу доверье,
Кругом у Зайца идёт голова!

И так вышло, что в это чудесное утро Заяц ничего такого не сделал — никому ничем не помог, никого не спас, ни с кем ничем не поделился, но, когда он допел песню до конца, у него было такое чувство, будто он спас тысячу зайчат, помог старому Муравью, выручил Ёжика, поделился последним с Белкой, и отчего это так получилось, Заяц так и не смог понять, — просто он пел песню и был счастлив.



Великий китайский поэт



Ёжик с Медвежонок с утра рисовали Китай, а потом стали разглядывать рисунки друг друга.

— Это у тебя что? — спросил Медвежонок.

— Птица.

— А это?

— Пальма.

— А это?

— Другое дерево. Китайское.

— А вот здесь?

— Обезьяна.

— Не вижу, — сказал Медвежонок.

— Так она же спит! Укрылась банановым листом, и всё.

— Храпит?

— Угу, — кивнул Ёжик.

— Очень красиво! Только почему ты думаешь, что это — Китай?

— Так всё же китайское, — сказал Ёжик. — А у тебя что? — Он взял Медвежий рисунок.

— Это — луна, а это — джонка, — начал объяснять Медвежонок.

— Кто?

— Джонка. Лодка китайская, с домиком. На них китайцы плавают по великой реке Янцзы.

— Так это — река?

— А как же!

— А почему луны нет?

— Так вот же она!

— Нет, это в небе, — сказал Ёжик. — А луна должна ещё быть в реке.

— Пожалуйста! — Медвежонок пририсовал луну.

— А это кто?

— Китаец.

— А что он делает?

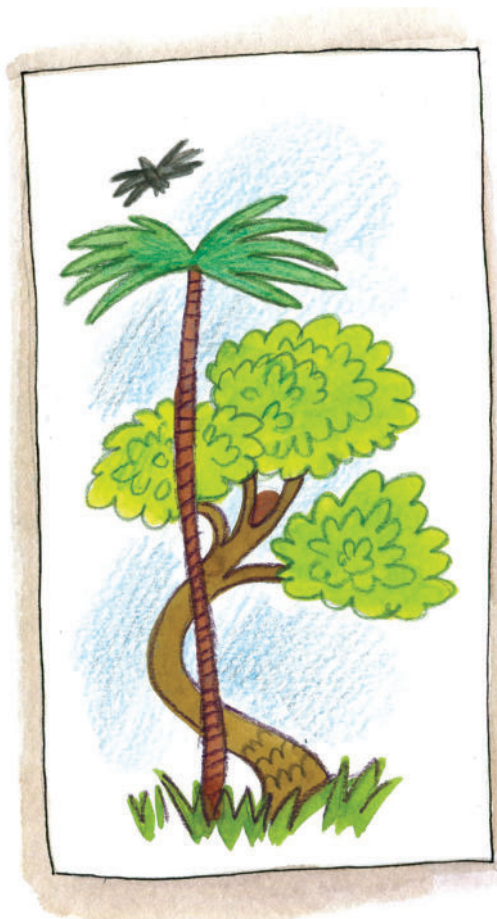
— Не видишь? Сидит у костра, варит суп.

— Китайцы суп не едят.

— Откуда ты знаешь?

— Знаю, раз говорю.

— Как ты можешь знать, едят китайцы суп или нет,





если не слышал о великой китайской реке Янцзы?

— Почему не слышал? Знал, да забыл.

— А про суп помнишь?

— Все помнят. Кто же не знает, что китайцы суп не едят?

— А что же они едят?

— Рис, — сказал Ёжик.

— Утром рис, днём рис и вечером?

— А не знал? Утром — утренний, днём — дневной, а вечером — вечерний. Кушанье так и называется — «Вечерний рис».

— Что же, у них для каждого блюда особый рис?

— Ещё бы! И все разные. В понедельник — один, а в субботу — уже совсем другой. А в праздники...

— Да что ты мне: рис, рис! Ты же о джонках не слышал.

— Слышал, да забыл, — сказал Ёжик. — А рис всегда помню.

— Ладно, — сказал Медвежонок. — Нравится тебе мой рисунок или нет?

— Очень нравится, — сказал Ёжик. — Особенно костёр! Он потух, да? Китаец сварил рис, а костёр потух.

— Не рис, а суп, — сказал Медвежонок. — И не потух, а еле тлеет. Китаец сейчас будет картошку печь.

— Ха-ха-ха! — расхохотался Ёжик. — Да где же ты слышал, чтобы китайцы ели картошку?

— Эх ты! — покачал головой Медвежонок. — Великого китайского поэта не знаешь. А он жил знаешь когда? Когда ещё наших бабушек и дедушек не было! Так вот, он писал: «Сейчас напеку картошек и поем».

— Ага! Вспомнил! — закричал Ёжик. — И дождь, говорит, как цапля, ходит по тростниковой крыше!

— Верно! У кого есть великие поэты — всё помнят, — важно сказал Медвежонок. — И про картошку тоже.

Прибежал Заяц.

— Эй, вы! Вы чего сидите? Идём гулять!

— Гулять! — проворчал Ёжик.

— Иди стихи пиши, — строго сказал Медвежонок. — Садись и пиши. И чтобы всё по правде!

— Ты способный, — сказал Ёжик. — У тебя получится.

Заяц пожал плечами и, оглядевшись, пошёл от дома Ёжика.

«Что я, Филин, что ли? — думал Заяц. — Стихи писать! У меня и очков нету...»

А Ёжику с Медвежонком вдруг стало грустно-грустно, оттого что у них в лесу нет ни одного великого поэта, который бы всё как есть написал и про дождь, который, как цапля, ходит по тростниковой крыше, и про печёную картошку с хрустящей корочкой, от которой, когда её разломишь, идёт золотой дымок.

Вместе с Землёй



Три дня лил дождь и смыл весь снег.

Ёжик с Медвежонком раньше думали: такого не может быть, — но такое было.

Потом ударил мороз.

Деревья лопались и кричали, но Ёжик с Медвежонком ничем не могли им помочь.

Птицы замерзали на лету.

Земля была каменная.

А ночью высоко в небе зло блестили звёзды.

Потом опять пошёл дождь, и лес стоял полный тумана, и пахло землёй и палой листвой, как ранней осенью.

Ёжик с Медвежонок шли по лесу и не верили своим глазам: много деревьев переломились пополам и теперь в разные стороны торчали их белые кости.

— Как страшно! — шептал Ёжик.

Медвежонок молча шёл рядом. Медвежонок молчал и только вертел головой.



— А правда, что мы летим и крутимся? — вдруг спросил он.

— Не знаю, — сказал Ёжик.

— Дед говорил: «Земля круглая, она крутится, — Медвежонок показал лапой, — и летит в темноте».

— Как же в темноте? — сказал Ёжик. — А солнце?

— Не знаю, — сказал Медвежонок.

— И крутится?

— Ага. Волчком.

— А куда летит?

— Этого и дедушка не знал. Нет, погоди, он говорил: «Она крутится вокруг Солнца! Один раз обкрутится, и пройдёт год».

— А кто же её крутит?

— Не знаю, — сказал Медвежонок. — Только когда она крутится вокруг себя, она поворачивается к солнцу то одним боком, то другим.

— Что ж ты мне раньше не сказал? — обиделся Ёжик.

— А что было бы, если б я тебе сказал раньше?

— Я бы знал, — сказал Ёжик.

— Ну и знал, ну и что?

— Как что? Я бы смотрел, примечал.

— Земля большая, — сказал Медвежонок. — Этого сразу и не заметишь, но дедушка — знал.

Они вышли на свой любимый холм.

Река лежала под сизым льдом, и это было ни на что не похоже: река подо льдом, а вокруг — ни клочка снега.

— Вот встань сюда, — сказал Медвежонок. И свёл Ёжика с вершины холма. — Стой здесь. Я сейчас.

И перебежал на другой склон.

— Ты меня видишь?

— Нет, — сказал Ёжик.

— А теперь я буду подниматься.

И Медвежонок стал подниматься к вершине.

— Вижу! — закричал Ёжик. — Уши!

— Что я, заяц? — крикнул Медвежонок. — У меня же уши по бокам!

— И голову! Самую макушку! — крикнул Ёжик.

— Ну вот: так появляется солнце, — важно сказал Медвежонок. — Так оно восходит.

— Это мы с тобой сто раз видели, — сказал Ёжик. И тоже поднялся на вершину холма.

— Я сейчас был солнцем, — сказал Медвежонок. — Я в о с х о д и л. А на самом деле это не солнце восходит, а мы вместе с Землёй нагибаемся, понимаешь?

— Нет, — сказал Ёжик.

— Если б мы могли наклонить немного к реке холм, я бы встал, где стоял, а ты — у реки, и я бы тебя увидел, как мы по утрам видим солнце.

— погоди, — сказал Ёжик. — Давай сначала. Значит, я стою у реки, я — солнце.

— Ага, — сказал Медвежонок.

— А ты стоишь там, где стоял, на том склоне.

— Правильно, — сказал Медвежонок.

— Ты — Медвежонок, я — солнце, и, если бы холм наклонился, ты бы меня увидел, как мы по утрам видим солнце.

— Верно! — обрадовался Медвежонок. — Меня дед всё лето учил, а ты сразу понял...



Весь лес вокруг, и река, и лес за рекой были тихи и туманны.

— Как тихо, — сказал Ёжик. — Неужели мы крутимся и летим?

Они тихонько спустились с холма.

— Летим, — сказал Медвежонок. — И никто там, во тьме, о нас не знает.

— И мы ни о ком не знаем, — сказал Ёжик.

— Потому что Земля большая, а дедушка говорил: тьма — ещё больше.

— Как грустно! — вздохнул Ёжик.

— Ещё бы! — сказал Медвежонок.

Они шли, и вокруг пахло осенью.

— Вот придём домой, — сказал Медвежонок, — затопим печь, сядем, будем глядеть на огонь.

— Заварим чайку, — сказал Ёжик.

— Ага! С мятой и брусничным листочком, — подхватил Медвежонок. — Знаешь, какой брусничный листик...

— Погоди! — сказал Ёжик.

И тут они увидели птицу.

Она, как живая, лежала, раскинув крылья, и будто всё ещё летела, летела и не знала, что лежит на земле.

— Замёрзла, — сказал Медвежонок.

Ёжик ничего не сказал.

— Надо её похоронить, — сказал Медвежонок.

Сбежал за лопатой, и они вырыли ямку на самой верхушке холма, и Медвежонок осторожно принёс птицу.

— Здесь ей будет хорошо, — сказал Медвежонок.

И засыпал птицу землёй.

— Нужен камень, — сказал Ёжик.
Прикатили от реки большой голый валун.
Ёжик сбегал за угольком и нацарапал:

ЗДЕСЬ ЛЕЖИТ ПТИЦА
ОНА ВМЕСТЕ С ЗЕМЛЁЙ
ЛЕТИТ ВО ТЬМЕ

А ночью пошёл дождь, и к утру от надписи ничего не осталось.



В холодном небе

Облетели с деревьев листья, небо стало большим и бездонным — так пришла осень.

Пошли дожди, потом перестали, и на землю опустилась туманная тишина.

— В такую тишь, — сказал Медвежонок, — хорошо спать на чердаке.

— Угу, — сказал Ёжик.

— Заберёшься с тулупом — и храпишь!..

— Угу, — сказал Ёжик.

— Что ты всё «угу» да «угу»? Скажи что-нибудь.

— А что?

— Ты любишь спать в сене?

— Не-а.

— Почему?

— Мышей боюсь, — сказал Ёжик.

— Ты? Ты же лучший охотник на мышей!

— Терпеть их не могу. Бр-р-р!

— Это я мышей терпеть не могу. Слон их не любит.

А ты...

— А почему я должен любить мышей?

— Я не говорю «должен». Я говорю...

— А ты не говори, — сказал Ёжик. — Не знаешь, и не говори.

Некоторое время они сидели молча.

— Знаешь, что плохо осенью, Ёжик?

— Что?



— Думать не хочется.

— А ты и не думай. Сиди и сиди, чем плохо?

Они опять помолчали.

— А тучи летят и летят. И птицы. И листья. Куда?

— Не знаю, — сказал Ёжик.

— А я знаю. К теплу.

— Листья не долетят. Вон их сколько валяется.

— А может, это не наши.

— А чьи?

— Далёкие. Дальние, понимаешь? Летели-летели, устали, упали, здесь лежат.

— Я чувствую, — сказал Ёжик, — ты что-то знаешь. Говори!

— Давай улетим, Ёжик!
— Что мы — гуси?
— А чем мы хуже? Разбежимся, замашем лапами и...
— Здорово!
— Я давно хотел тебе сказать, да... стеснялся.
— Здорово! — закричал Ёжик. — Я бы ни за что не догадался. Бежим!

И понёсся к реке.

— Кто первый? — Ёжик еле переводил дух.

— Я! Это же я придумал!

— Сильней маши лапами! — крикнул Ёжик.

Медвежонок разбежался, замахал лапами и... взлетел.

— Подожди меня! — кричал Ёжик, взлетев следом.

Они догнали курлыкающих журавлей, полетели дальше.

Внизу ворочались тяжёлые облака, а прямо над ними сверкало солнце.

— Видишь? — сказал Медвежонок, подлетев к Ёжику совсем близко. — А ты говоришь «сиди»!

— Вижу, — сказал Ёжик. — Ты это замечательно придумал!

В просвете между облаками поплыли горы, потом — море, потом — поля, а Ёжик с Медвежонком всё летели и летели, и полёту их не было конца.

Всё на земле теперь казалось им маленьким-маленьким, таким маленьким, что даже смешно было смотреть. А для тех, кто глядел на них с земли, они были просто светлым облачком, светлым облачком, летящим в холодном небе.

Гроза



Тяжёлые тучи заволокли небо. Налетел ветер, закачались верхушки деревьев. Лес зашумел, затрещали ветки, и где-то вверху глухо заворочалось что-то.

— Гроза! — крикнул Ёжик.

— Разве осенью бывают грозы?

«Ах-х!...» — ахнуло небо.

— Что это? — испугался Медвежонок.

— Жахнуло, вот что!

— Что ж делать? — Медвежонок прыгал вокруг Ёжика и не знал, то ли ему лезть под ёлку, то ли оставаться здесь, на тропинке.

— Ну! — крикнул Ёжик сквозь шум леса. — Со мной или остаёшься?

«Ах-х!...» — снова ахнуло небо.

— Бежим! — крикнул Медвежонок и побежал по тропинке впереди Ёжика.

— Куда бежим-то?

— Ко мне! Ко мне ближе!

«Ах-х!...» — в третий раз раскололось небо, и что-то так блеснуло, что на секунду Ёжик ослеп.

— Ой! — вскрикнул он, налетев на что-то.

— Ой! — вскрикнул кто-то под ногами у Ёжика.

— Кто здесь? — спросил Ёжик.

— Это я, Медвежонок. Я упал.

— Вставай. — Ёжик подхватил Медвежонка, и они по-неслись дальше.

Ох как выл ветер, как качались деревья, как полыхало небо. Но дождя не было.

— Капает? — на бегу спросил Медвежонок.

— Вроде нет.

И они помчались ещё быстрее, а за ними большими прыжками скакал, уйкая, ветер.

— Кто это уйкает? — спросил Ёжик.

— Я думал, это ты, — сказал Медвежонок.

Они выскочили на поляну, на другом конце которой стоял дом Медвежонка.





Вот где было по-настоящему страшно. Небо — чёрное-чёрное — висело низко-низко. Деревья мотали верхушками, будто скребли небо, и из чёрной страшной небесной туши вылетали молнии.

«Ах-х!..» — чуть позже ахал гром, и Ёжику с Медвежонком казалось, что это огромный чёрный дракон навалился на их лес и жжёт его пламенем.

— Стой! — крикнул Медвежонок и прыгнул под ёлку.

— Что?

— Видишь? — И Медвежонок ткнул лапой вверх.

— Вижу, — сказал Ёжик.

Они дрожали, прижавшись друг к другу, и тут хлынул дождь.

Такого дождя Ёжик с Медвежонком ещё не видели. Струи толщиной в орешину били землю и толкали лес. Прямо у них на глазах он стал совсем голый, но тут посыпалось что-то такое, чего Ёжик с Медвежонком сперва не могли разобрать.

— Ай! — вскрикнул Медвежонок.

И только тут они поняли, что это — град.

Градины с Ёжикин кулачок, да что там с Ёжикин — с Медвежий кулачище! — запрыгали по земле.

— А ты говоришь — бежим! — сказал Медвежонок.

— Я г-говорю, — сказал Ёжик.

— Вот и не говори, — сказал Медвежонок. — Если б не я, убило бы нас на этой поляне.

— А вот и не убило б!

— Откуда ты знаешь?



— Я чувствую, — сказал Ёжик. И вдруг выскочил из-под ёлки и помчался по сплошь белой от града поляне к Медвежьему дому.

— Стой! Стой! Что ты делаешь?! Куда? — завопил Медвежонок и кинулся следом.

Град бил в землю слева, справа, спереди, сзади, а Ёжик с Медвежонком мчались что было сил и наконец влетели на Медвежье крыльцо.

— Ха-а... — сказал Ёжик.

— Ха-а... — сказал Медвежонок.

— Ха-ха-ха! — сказал Ёжик.

— Ха-ха-ха! — сказал Медвежонок.

И тут они так расхохотались, что сразу не стало слышно, как воет ветер, барабанит в Медвежью крышу град и высоко вверху глухо ухает гром.

Гусь в сапогах

Жил-был Гусь. Зимой он ходил в красных сапожках, а летом — так, босиком.

Вот проснулся он однажды зимой, надел красные сапоги, пошёл гулять.

Встретилась Гусю Утка — вся в мехах, в валенках.

— Куда идёшь, Гусь?

— Да вот, вышел сапожками поскрипеть.

Пошёл дальше.

Встретилась Гусю Лягушка. Да такая модница — прямо принцесса. Ехала Лягушка в карете, волокли карету шесть воробьёв, все цугом.

— Ты куда, Гусь? — кричит Лягушка.

— Снегом скриплю, сапожки пробую.

Уехала...

А навстречу Гусю — Таракан. Рыжий, с усами.

Идёт Таракан, шпоры звенят.

— Куда, Гусь?

— Сапожки обнашиваю.

Подкрутил Таракан усищи, пошёл...

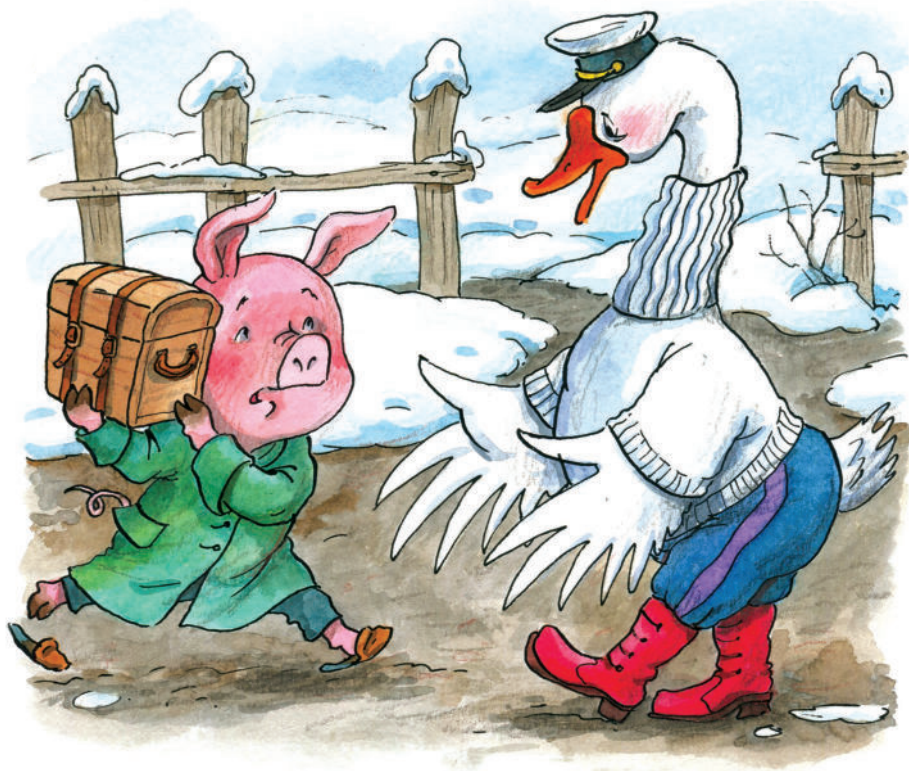
Идёт Гусь, а тут, откуда ни возьмись, — Комар. Тоже в сапогах и при сабельке. Сапожки на нём бархатные, с ворсом.

— А мои лучше! — говорит.

И ножку-то на каблук поставил.

Но Гусь даже не заметил, мимо прошёл.

Бежал с сундучком на плече Поросёнок. Кафтанчик розовый и тапки на босу ногу.



— На поезд опаздываю! — кричит. — А ты куда, Гусь?

— Никуда. Сапожки разношиваю.

Паровоз загудел, мыши в вагоны попрыгали. Поросёнок опоздал, сел на сундучок, плачет.

А Гусь идёт, не торопится.

Вылез из-под снега Глухарь — важная птица. Сам чёрный — глазищи красные.

— Ты куда, Гусь? Лес кругом, пропадёшь!

— Сапожки у меня, видишь? Обнашиваю.

Поглядел Глухарь, и верно — сапоги знатные. Бежал по лесу Медвежонок, волок в санках Ёжика.

— Здравствуй, Гусь!

— Здравствуй-здравствуй!

— Айда к нам чай пить!

— А что к чаю?

— Клюковка.

Стоит Гусь в красных сапогах, язык высунул, — думает.

— Да не сомневайся! Мы тебе и червячков дадим.

Поехали.

Ёжик с Медвежонком санки волокут, Гусь в санях сидит, красные сапожки выставил.

Всему лесу потом Ёжик с Медвежонком рассказывали, как к ним в гости Гусь в сапогах приходил. Да никто не поверил.

— Придумываете!

— Кот в сапогах — дело известное.

— А чтобы Гусь — ни за что не поверим!



Как Медвежонок перехитрил время



В восемь часов утра собрались на лесной опушке Ослик, Ёжик, Медвежонок, Белка, Заяц и Лиса, чтобы пойти в восемь часов вечера в гости к Слону.

— Но восемь часов вечера ещё далеко! — сказал Заяц. — Что же мы будем делать двенадцать часов?

— А очень просто! — сказал Медвежонок. — Нас — шестеро. Значит всем сейчас надо разойтись и каждому по отдельности просидеть два часа. А когда мы снова соберёмся, получится, как будто мы вместе просидели двенадцать!

И все разошлись в разные стороны.

Ёжик пришёл к себе домой, сел за стол и стал смотреть на часы-ходики. «Тик-так, тик-так», — роняли часы. А Ёжик подбирал минутки и, считая, складывал их перед собой на столе.

Ослик отправился к реке. Он вошёл в воду по колено и стал ловить губами солнечных зайцев. «В двух часах — сто двадцать минуток, — думал Ослик. — Когда я поймаю сто двадцать солнечных зайцев, как раз надо будет возвращаться на опушку!»

Белка вскарабкалась на верхушку сосны и спросила у Щегла:

— Ты знаешь, когда будет «через два часа»?

— Конечно!

— Тогда постучи ко мне в это время. — И Белка юркнула в дупло.

Заяц принялся бегать вокруг леса. Обегит круг и заглянет на опушку: не собрались ли?..



Лиса вышла на пригорок и села так, как будто она сидит по отдельности и одновременно — чтобы ей была видна опушка.

А Медвежонок никуда не пошёл. Он просто лёг спать у пенька, подумав: «Соберутся — разбудят!»

Первым на опушку пришёл Ослик со ста двадцатью солнечными зайцами в корзине. За ним — Ёжик с мешочком минуток через плечо. Щегол разбудил Белку — и она спустилась с сосны. Прибежал Заяц. Важно подошла Лиса.

И все стали будить Медвежонка.

— Пора! Вставай! Уже прошло двенадцать часов! Надо идти в гости к Слону! — кричали все разом, со всех сторон тормоша Медвежонка.

— А!.. Уже собрались? — сказал он, просыпаясь. — Ну, тогда идёте к Слону! Только пусть никто не отстаёт, а то он скажет, что мы пришли раньше времени...



Не грязните мою Землю

— Нет-нет, Ёжик, ты не думай!

— Я и не думаю.

— О чём это вы? — спросила Белка.

— А, Белка, — сказал Медвежонок. — Я говорю Ёжику, что Земля всё равно не загрязнится.

Белка прыгнула с ёлки и села на пенёк.

Лес вокруг стоял большой, светлый, но никто не пел, не шуршал — всё молчало.

— А почему она должна загрязниться? — спросила Белка.

— Грязнят, — сказал Медвежонок. — Чем могут, тем и грязнят.

— Чем же?

— Дымом, — сказал Ёжик.

— Дым сладкий. Вон Бурундучок вчера жёг листья — так сладко пахло!

— Разве это дым? Это — осень, — сказал Медвежонок. — Осенью всегда жгут листья.

— Она — маленькая-маленькая, — сказал Ёжик, — голубая и белая, Земля. Астронавт, что был на Луне, сказал: такая маленькая-маленькая, голубая и белая.

— И грязная. Вся в грязи, — сказал Медвежонок. — С Луны видно.

— А кто это... астронавт?

— Это такой... Садится в трубу и летит.

Белка подняла голову и стала смотреть на небо.



— Я вот о чём думаю, — сказала Белка. — В одном овраге есть старая бочка. Дно выбили, а если выбить второе — будет труба. Понятно?

— Нет, — сказал Ёжик.

— Мы выкатим бочку на холм, выбьем дно, а когда взойдёт Луна...

— Станем астронавтами! Здорово! — закричал Медвежонок. — Пошли за бочкой!

Они нашли бочку, выкатили на холм, нацелили на то место, где должна была появиться Луна, и выбили второе дно.

— Садитесь! — сказала Белка.

И все залезли в бочку и стали ждать.

Стемнело. Было тихо-тихо. И река под холмом уходила за поворот не дыша.

- Вы чего здесь сидите? — заглянул в бочку Заяц.
- Тсс! — сказала Белка. — Садись и молчи.
- А зачем? — И Заяц влез в бочку.
- Мы ждём Луну, — прошептал Ёжик. — Полетишь с нами?
- Куда?
- На Луну.
- Я боюсь, — сказал Заяц.
- Не бойся, — сказал Медвежонок. — Все свои.
- А что мы там будем делать?
- Поглядим на Землю, и всё.
- А можно я останусь?
- Струсил?
- У меня морковка варится, — сказал Заяц. — Я же не знал.
- Морковка варится! — проворчал Медвежонок. — Иди и в следующий раз не лезь, куда не зовут.



Заяц задом вылез и бочки:

— Потом расскажете?

И пропал.

Без Зайца стало как-то не так, а Луны всё не было.

— Может, её сегодня не будет?

— Будет, — сказала Белка.

И Медвежонок замолчал.

А Ёжик сидел, закрыв глаза, и вдруг увидел себя на жёлтой-жёлтой Луне. Она была как пустыня — вся жёлтая-жёлтая. С Луны он глянул на Землю, но сперва ничего не увидел. Потом посмотрел левее и вдруг увидел её всю-всю! Земля была маленькая-маленькая, голубая и белая. «Где голубое — океаны, — догадался Ёжик. — А белое — облака». И вдруг какая-то тень, как мышь, скользнула по голубому. «Вот она — грязь!» — понял Ёжик. И закричал:

— Не грязните мою Землю!

Но тут кто-то толкнул его в бок. И ещё раз.

— Ты что? Ты что? — испуганно шептала Белка.

Ёжик открыл глаза — было темно, холодно и тихо, лишь Медвежонок сладко посапывал у Ёжика за спиной.

— Медвежонок уснул, — сказала Белка. — А Луны нет. Видишь?

— Я уже там был, — сказал Ёжик. — Она — маленькая-маленькая.

— Земля?

— И грязная.

— Расскажи!

— Завтра, — пообещал Ёжик. И повёл сонного Медвежонка домой.

Кто это всё придумал?



И опять ушёл золотой солнечный день. И опять Медвежонок пришёл к Ёжику, потому что последнее время собирались у Ёжика. И опять Медвежонок ждало плетёное кресло рядом с плетёным креслицем, в котором уже сидел Ёжик.

Медвежонок поднялся по ступенькам, поглядел на Ёжика и молча кивнул.

— Садись, — сказал Ёжик. — А я уж думаю — когда ты придёшь?

Медвежонок сел.

Наступали самые замечательные осенние сумерки.

За маленькой сосной, за худенькой берёзой, на которой вдруг оказалось вдвое меньше ветвей, синела гора.

Медвежонок поудобнее устроился в кресле и стал глядеть на гору, на небо, на слабо шевелящиеся под ветерком хрупкие ветки берёзы.

Было так хорошо, так спокойно, и небо было такое далёкое, что казалось, навсегда уже на нём застыли облака.

— Кажется, они уже никуда не уплывут, да, Ёжик?

Ёжик кивнул.

— Кажется, и завтра, и послезавтра вот так же будут стоять и стоять на том же месте.

Ёжик снова кивнул.

— А хорошо бы, чтоб один раз всё было, а потом уже ничего не менялось, — сказал Медвежонок.

— Так не бывает.

— А почему?

— Ты бы соскучился.

— Я? Да никогда! — сказал Медвежонок.

«Ой-ёй-ёй, как же красиво! — не отрывая взгляда от горы, думал Ёжик. — Кто же придумал эту всю красоту?»

— Как ты думаешь? — спросил он у Медвежонка.

— О чём?

— Кто всё это придумал?

— Вот это? — Медвежонок повёл лапой. — А правда, с моего крыльца красивее, чем с твоего?

— Ага. — Ёжик, не отрываясь, глядел на гору.

— С твоего крыльца и гора меньше, и деревья не те. А хочешь, перетащим твой дом ко мне?

— Как? — думая о своём, сказал Ёжик.

«Кто же это всё придумал? — доискивался он. — Кто? Как? Когда? Почему я гляжу и всё не могу наглядеться?»

— Как? Да очень просто! — сказал Медвежонок. — Разберём твой дом по брёвнышку и на санках перевезём ко мне. Там сложим и будем жить рядом.

— На санках? — сказал Ёжик, про себя думая: «Кто же этот невидимый, необыкновенный, кто так постарался, что вышла такая красота?»

— Почему обязательно на санках? Можно и сейчас, — сказал Медвежонок. — Правда, на тележке возить будет тяжело, но...

— А ты как думаешь? — спросил Ёжик.

— Я думаю, что зимой всё-таки лучше, — сказал Медвежонок. — Во-первых, санки просторнее, а во-вторых, сейчас листьев много, скользко.

— Я не о том. Как ты думаешь, кто это всё придумал?

— А-а... Ты вон о чём... А я — по брёвнышку, на тележке!.. — передразнил самого себя Медвежонок. — Не знаю, — сказал он. — Я сколько ни думал, так и не смог понять.

Сумерки сгустились. И гора была уже почти не видна. Поднялся ветер. И где-то далеко-далеко за рекой еле слышно лаяла собака.

— Не слышишь, чего она говорит? — спросил Медвежонок.

— Она боится ночи и лает, — сказал Ёжик.



Перед зимой



Горько было Ёжику с Медвежонок в эту осень. Каждый лист, каждую птицу провожали они взглядом. Зато, когда облетели все листья, им вдруг стало радостно и светло.

— Отчего это? — удивился Медвежонок.

— Не знаю, — сказал Ёжик.

А получилось это потому, что расставаться — лучше, чем ждать расставания, и жить в свершившемся — лучше, чем ожидать. Это знала одна старая Ворона в лесу. Знала, да никому не сказала.

— Ну что? — сказал Ёжик, когда улетела последняя птица. — Обнимемся?

— Обнимемся, — сказал Медвежонок.

Они обнялись и так некоторое время стояли молча посреди леса. А лес — большой, туманный, — насупившись, глядел на них из-под словых бровей.

— Ты не забывай эту осень, Медвежонок.

— Что ты! — сказал Медвежонок.

— Мне было очень хорошо.

— И мне.

— Жаль, что мы ничего не придумали такого, чтобы зимой было радостно и светло.

— Не грусти, — сказал Медвежонок. — У нас будет ещё много осеней.

Они постояли так ещё немного, обнявшись, а потом вместе пошли пить чай к Ёжику.



Петушиный король



Закричал Петух.

«Откуда он здесь?» — подумал Ёжик и сбежал с крыльца. Была оттепель. Лес утонул в тумане, и казалось, нет ни ёлок, ни кустов, а только кричит Петух.

«Откуда он здесь?» — снова подумал Ёжик и крикнул:
— О-го-го-го-го-о!..

— Ко-ко-ко! — совсем рядом сказал Петух и вынырнул из тумана, большой, рыжий, в чёрных штанах, красных сапожках, под крылом — корзинка. На сапогах позванивали серебряные шпоры.

— Ты кто? — спросил Ёжик.

— Я — король, — важно сказал Петух, величественно снял шляпу и раскланялся. — Ко мне надо обращаться «Ваше Величество»!

— Здравствуйте, Ваше Величество! — сказал Ёжик.

— Правильно. И — поклон. Разве у моего подданного нет шляпы?

— У меня шапка, — сказал Ёжик.

— Несите.

Ёжик сбегал в дом и вернулся в шапке.

— Что ж, — сказал король, — крепкая меховая шапка. А мы вот сюда — пёрышко. — И он достал из-за пояса и приладил к Ёжикиной шапке перо. — Попробуем!

— Что? — спросил Ёжик.

— Репетируем поклон.

— Здравствуйте, Ваше Величество! — сказал Ёжик и, как умел, подмёл перед собой шапкой снег.

— Очень хорошо!

— А зачем корзинка? — спросил Ёжик.

— Весна! Сморчки!

— Но... Ваше Величество... ведь — зима!

— Весна! Сморчки! — упрямо повторил король.

— Ага... — Ёжик секунду помолчал. — А мы, Ваше Величество, сморчков не берём.

— Кто это — мы?

— Мы с Медвежонком, — сказал Ёжик.

— А разве в моём королевстве медведи едят грибы?



— Он раньше не ел, — смутился Ёжик. — А со мной — привык.

— Давно дружите?

— С детства, Ваше Величество.

— Правильно! А теперь пригласите вашего короля в дом и напоите чаем.

— С удовольствием! А давно?..

— Что?



«Давно вы стали нашим королём?» — хотел спросить Ёжик, но постеснялся.

— Давно вы в лесу? — спросил он.

— С рассвета.

— Устали небось. — Ёжик ввёл Петуха в дом и раздул самовар.

Король важно сел к столу и снял шляпу.

— Скоро придёт Медведь?

— Медвежонок? Скоро, Ваше Величество.

Они сидели у самовара. Потрескивала печь. И Петух думал:

«Вот жил, бродил, актёрствовал, пел, а не знал, что в лесу, за туманом, живёт такой славный Ёжик».

А Ёжик думал:

«Он совсем и не такой сумасшедший. Просто ему, наверное, непривычно в шпорах в лесу».

А Петух думал:

«Если Медвежонок окажется таким же, как Ёжик, попрошусь, может, возьмут к себе, а там, глядишь, в лесу вместе с ними и скоротаю старость».

— Вы пейте, пейте, Ваше Величество! И зёрнышек поклюйте!

— Я пью, — тихо сказал Петух.

И без шляпы, которую он положил на стул, этот важный петушиный король казался просто добрым сморщенным старичком.

Пляска



Выглянуло солнце, снег пропал, и опять на лес опустилась таинственная красота. От сплетенья ветвей и ещё кое-где рыжих деревьев нельзя было оторвать глаз.

Заяц, который боялся каждого шороха и переживал листопад в поле, пришёл на опушку.

Он сел на пенёк, прижмурился, и солнечные зайцы заплясали вокруг и стали звать его поплясать вместе.

— Ну что ты сидишь? — сказал Большой Солнечный Заяц. — Иди к нам!

— Нам весело, — сказал Солнечный Заяц Поменьше.

— А я песню знаю, — сказал Самый Маленький Солнечный Заяц и, встав на задние лапки, запел: — Ля-ля! Ля-ля!

— А где слова? — спросил Заяц.

— Какие слова?

— Песне слова нужны.

— А мы без слов, — сказал Самый Маленький Солнечный Заяц. — Нам и так хорошо!

И все трое заплясали и запели ещё веселее.

«Сплясать, что ли? — подумал Заяц. — Ведь слов не знают».

И он слез с пенька, размял лапы, подпрыгнул и завопил:

Последние,
Останние,
Осенние деньки!

— Последние, останние!.. — подхватили солнечные зайцы. И завертелись вместе с Зайцем вокруг пня.

Вот было весело!

Шуршала опавшая листва, соломой по ветру летели солнечные лучи, звенел последний комар, пищал неразличимый кто-то, а Заяц вприсядку шёл вокруг пня и вопил.

Прибежал Медвежонок.

— Ты что делаешь? — крикнул он.

— Пляшу! — сказал Заяц. — Пляши с нами!

— С кем? — изумился Медвежонок.

— Да неужто не видишь? — И Заяц запрыгал ещё выше, вопя:

Последние,
Останние!..

И тут Медвежонок не удержался и пошёл в пляс.

Ах как плясал Медвежонок!

И бочком, и передом, и задом наперёд, а солнечные зайцы прыгали вокруг и через него и садились на плечи, на лапы, на грудь.



Пришёл Ёжик.

Последние,
Останние,
Осенние!.. —

вопил Медвежонок с зайцами.

— Ты что делаешь? — спросил Ёжик.

— Пляшет! — крикнул Самый Маленький Солнечный Заяц.

— Пляшу, — сказал Медвежонок.

— Давай к нам! — крикнул Заяц.

Ёжик во все глаза уставился на Медвежонка, но солнечные зайцы запрыгали вокруг, подхватили под лапы, и Ёжик опомниться не успел, как уже плясал вместе со всеми.

— Последние! Останние!.. — кричал Ёжик, и от Медвежонка уже валил пар.

Заяц взмок до ушей, и шубка его потемнела.

Зато солнечные зайцы стали ещё крепче, веселее и налились светом.

— Эх! Эх! — кричал Солнечный Заяц Поменьше.

А Самый Маленький всё не давал Ёжику остановиться, всё щекотал и подталкивал.

— Не щекотись! — крикнул Ёжик и заплясал вольно.

На шум слетелись птицы.





Они расселись на ветках и сверху глядели на эту необыкновенную пляску.

— Глянь, как пляшут! — сказал Снегирь. — И мне, что ли? Слетел с дерева и заплясал.

«Последние, останние!..» — казалось, вопил уже весь лес. Потому что те, кто не плясал, подпрыгивали или подпевали молча.

Медвежонку давно уже не было так хорошо, и Ёжик видел это и радовался ещё больше.

Они плясали рядом.

Медвежонок выпучился. Глаза у него от удовольствия стали в два раза больше.

— Не выпучивайся! — крикнул Ёжик и, подбоченясь, пошёл вокруг Медвежонка на цыпочках.

Первым повалился Заяц.

— Не могу, — прохрипел он.

Потом вытянулись в траве Большой Солнечный Заяц, Солнечный Заяц Поменьше и Совсем Маленький.

И только Медвежонок, Ёжик и Снегирь никак не хотели уставать. Они плясали до самых сумерек. И Заяц, отдохнув, заплясал с ними. И все плясали, плясали, плясали, потому что знали, что никогда никому из них уже не будет так вольно и хорошо, как в эту осень.

Позвольте, я вам помогу

— Надо помогать стареньким, слепеньким, хромым, глухим...

— И косым, — сказал Заяц.

— Косым не обязательно.

С начала лета Ёжик с Медвежонком учили Зайца разным правилам.

— А кому ещё? — спросил Заяц.

— Хроменьким, слепеньким, стареньким, глухим...

— И немым, — сказал Ёжик.

— Правильно! — сказал Медвежонок. — Немой хочет что-то сказать, а не может.

— А как я узнаю?

— Догадайся!

И Заяц, заложив лапы за спину, медленно пошёл по лесу, думая, кому бы помочь.

Старая Ворона сидела на пне и чистила перья.

— Давай я тебя искупаю, бабушка! — сказал Заяц.

— Я тебе искупаю! — крикнула Ворона. Каркнула и улетела.

Заяц пожал плечами и пошёл дальше.

Из-за куста вышел хромой Медведь.

— Позвольте, я вам помогу, дедушка.

— Как?

— Переведу через поляну.

— Сдурел! — рывкнул Медведь и захромал, оглядываясь.

«Так, — думал Заяц. — Вороне лет сто, а она сердится. Медведь совсем хромой, а рычит. Кому же помочь?»



Под ёлкой сидел молодой, но очень слепой Филин: филины днём ничего не видят.

«Вот кому помогу!» — обрадовался Заяц. И подошёл к Филину.

— Тебе чего? — спросил Филин.

— Пришёл помочь, — сказал Заяц.

«Спятил», — подумал Филин.

— Как же ты мне поможешь?

— Я буду смотреть и говорить, что вижу, а ты — думай. Солнышка сегодня нет.

— Угу.

— Лес печальный такой, и муравьи не бегают.

Филин кивнул.

— Ты сидишь под ёлкой...

— Знаю.

— И очень хорошо выглядишь.

Филин подбоченился.

— Муравьи не бегают, птицы не поют... А знаешь почему?

— Почему?

— Потому что лето кончилось.

— А ведь ты умный, — сказал Филин. — Ночью, если поймаю, скажи: «Это я!»

— Зачем?

Филин ничего не ответил. И Заяц пошёл дальше.

«Старенький, хроменький, слепенький, — бормотал он. — Кто же у нас глухой?»

Тетерев сидел в траве. Большой старый Тетерев и абсолютно глухой.

— Привет! — сказал Заяц.



— А?

— Ты что, глухой?

— Оттоковал, — сказал Тетерев.

— Чем я тебе могу помочь? — в самое ухо Тетереву крикнул Заяц.

— Запомни меня, — сказал Тетерев. — И всем скажи, что я — был.

— Скажу, — пообещал Заяц.

И пошёл дальше.

Немых было много, и Заяц просто не знал, с кого начать.

«Немее всех — камни», — подумал он. И стал откапывать до половины вросшие в землю валуны и катать их к реке.

— Что ты делаешь, Заяц? — спросил Медвежонок.

— Столкну в реку, — сказал Заяц. — И заговорят.



Радость

В самые сумерки, когда совсем немного осталось до темноты, Медвежонок сказал Ёжику:

— А знаешь, почему мы больше всего любим сумерки?

— Я люблю солнце, — сказал Ёжик. — Я сумерки не люблю.

— Как же не любишь? А кто говорил: «Давай, Медвежонок, посумерничаем»?

— Я говорил. Но я люблю солнце.

— А зачем тогда говорил?

— Я очень люблю сидеть с тобой в сумерках, но солнце я люблю больше.

— А почему ты никогда не сказал: «Давай посидим на солнышке, Медвежонок!»?

— Потому что на солнышке мы с тобой не усидим. На солнышке мы обязательно что-нибудь придумаем.

— А в сумерках мы ничего и придумать не можем?



— В сумерках хорошо просто сидеть. Сидеть и догадываться, что ты сидишь рядом.

— Что ж тут догадываться, когда ты и так знаешь.

— Знаю. Но когда становится уже совсем темно, мне иногда кажется, что тебя нет, и тогда я догадываюсь.

— Я тоже догадываюсь, — сказал Медвежонок. — Но это когда уже совсем темно. Это когда уже надо зажечь свечу и ставить самовар.

— Ставить самовар, — задумавшись, повторил Ёжик.

— А ещё не надо?

— А ты уже есть хочешь?

— Я всегда есть хочу, — сказал Медвежонок. — А ты разве не всегда?

— Нет, — сказал Ёжик. — Я не люблю есть. Скучно.

— Есть скучно? Как это? Мне ещё ни разу не было скучно есть. Сколько ни ел — ни разу не было скучно.

— А мне скучно, — сказал Ёжик. — Сидишь, жуёшь...

— Это смотря что есть, — сказал Медвежонок. — Если, например, кашу... Но и то — смотря какая каша. Вот я ел тыквенную. Вкусно!

— А мне даже твой мёд скучно.



— Мёд? Ну уж! — Медвежонок в темноте заулыбался. — Мёд всегда весело есть, хоть в дождь, хоть в снег. Пусть ветер воет, а я ем и радуюсь.

— Как это?

— Всем нутром, — сказал Медвежонок. — Ты можешь радоваться всем нутром?

— Не пробовал.

— Вот когда я ем мёд, — сказал Медвежонок, — я радуюсь всем нутром. Вот всем-всем, что у меня есть внутри, — сижу и радуюсь.

— Я сейчас дам тебе мёда. — Ёжик зажёл свечу. — Посмотрим, как ты будешь радоваться.

— Полная миска! — обрадовался Медвежонок.

— Возьми ложку.

— Зачем? Я и так съем! — И зачавкал.

— Что-то не вижу, чтоб ты радовался.

— Я радуюсь. — Медвежонок вылизал миску. — У меня там, внутри, всё дрожит и улыбается.

— Вкусно?

— Очень! Я так наравался, что теперь весь вечер буду сидеть грустный.

— Чего же грустить?

— Как ты не понимаешь? — сказал Медвежонок. — Ведь мёда-то больше нет!

Они сидели в креслицах на Ёжикином крыльце; мигала свеча; высоко в небе загорались еле видные звёзды. Ёжик задумчиво глядел на Медвежонка, а Медвежонок внутренним взором видел всё своё радостное нутро и застенчиво улыбался.

Разговор



- Опять ты пропал, — сказал Ёжик.
- Сам ты пропал. Дожди-то какие были!
- Ну и что? Взял бы зонтик да пришёл.
- А у тебя разве зонтика нет?
- А что я сказал, когда мы расставались?
- Что?
- Я сказал: «Приходи, Медвежонок, вечером чай пить».
- Вот взял бы зонтик да пришёл.
- Да я же тебя ждал чай пить!
- Разве у меня самовара нет?
- Послушай, Медвежонок, если кто-то говорит кому-то: «Приходи ко мне чай пить», значит этот кто-то сидит и ждёт.

— Правильно. Посидел, подождал, а нет — взял и сам пришёл. Я так и подумал: «Вот-вот Ёжик придёт». Самовар раздул; сижу жду, а тебя нет.

— Так это же ты должен был ко мне прийти!

— А если бы я заболел?

— Но ты же не заболел.

— Но если бы я пошёл к тебе под дождём, я бы обязательно заболел.

— Почему же бы ты о б я з а т е л ь н о заболел, если у тебя есть зонтик?

— А потому, что у меня вымокли бы лапы!

— А сапоги?

— Ха! Сапоги! — сказал Медвежонок. — Надевай, потом — иди, на крыльце снимай, потом — надевай снова! Ты же знаешь, как у меня сапоги надеваются?

— Как?

— С трудом!

— Надел бы галоши, — сказал Ёжик. — Галоши — раз! — и надел, раз! — и скинул.

— Ты же знаешь, что у меня нет галош.

— А ты бы представил себе, что сапоги — это галоши, тогда бы они легко снялись.

— Ты что говоришь?

— А что?

— Как же они могут легко сняться, если я их надеваю с т р у д о м?

— Ну ладно, надел бы ботинки.

— Что я — дед? Откуда у меня ботинки?

— Выходит, ты никак не мог ко мне прийти?



— Выходит, — сказал Медвежонок.

— А почему же ты ждал меня?

— Я тебя не ждал, — сказал Медвежонок.

— Как же не ждал? Сам сказал: «Самовар раздул, сижу жду, а тебя — нет».

— Правильно. А вдруг, думаю, придёшь.

— Ладно, — сказал Ёжик. — Меня нет, самовар урчит, за окном льёт. И что? Что ты делаешь?

— А что?

— А я, — сказал Ёжик, — представил, что ты пришёл, напоил тебя чаем и проводил на крыльцо. Понял?

— А что я сказал? — спросил Медвежонок.

— Ты сказал: «Спасибо! Очень был вкусный чай, Ёжик!»

— Подумаешь! — проворчал Медвежонок. — Проводил на крыльцо! А я тебя никуда не пустил. Положил спать с собой. «Куда же ты пойдёшь в такую ночь, Ёжик?»

Ласковый, пушистый и прыгает

— Я даже не знаю, как тебе это сказать, Ёжик.

— Так прямо и скажи.

Они шли по огромному лугу, и Медвежонок всё норовил заглянуть Ёжику в глаза.

— Так прямо и сказать?

— Так и скажи.

— Знаешь, — сказал Медвежонок, — давай я тебе лучше намекну, а ты — догадайся.

— Давай.

— Ну вот, представляешь: мы с тобой дружим, а кто-то ещё хотел бы тоже с нами дружить.

— Представляю, — сказал Ёжик.

— И вот этот кто-то говорит: «Я бы очень хотел подружиться с вами, Медвежонок, но не знаю, как к этому отнесётся Ёжик».

— А ты что сказал?

— Надо спросить у Ёжика.

— Правильно.

— Так что, будем мы с ним дружить или нет?

— С кем?

— С этим, с третьим.

— А он — кто?

— Так если я скажу — кто, это не будет «я тебе намекну». Это будет «я тебе скажу», и всё.

— Ну и скажи.



— Так неинтересно. Я скажу, и ты скажешь, и всё. А если я намекну...

— Намекай, — сказал Ёжик.

— Понимаешь, этот он — очень хороший.

— Так.

— Очень пушистый и ласковый.

— Так.

- И прыгает!
- Заяц, — сказал Ёжик.
- Нет!
- Крот!
- Разве кроты прыгают?
- Очень хороший, пушистый, ласковый, прыгает... — забормотал Ёжик.
- Ну же!
- Кенгуру!
- Фу-ты! Разве Кенгуру ласковый?
- Так кто же?
- Давай сначала: хороший, пушистый, ласковый, прыгает!
- Скажи ещё что-нибудь!
- Медвежонок задумался:
- Глаза блестят.
- Глаза блестят... Глаза блестят... Хороший, пушистый, ласковый, глаза блестят... Да кто же это?!
- И жужжит, — сказал Медвежонок.
- Не знаю. Шмель? Говори!
- Нет! Пушистый, ласковый, любит косточку, глаза блестят, прыгает и жужжит!.. Ну!
- Львёнок!
- Верно! Как ты угадал?
- Не знаю. Почувствовал. А почему — жужжит?
- Для неузнаваемости, — сказал Медвежонок.

Слон



В сумерки Ёжик любил посидеть у окна и помечтать.

Вот и сегодня, в этот тихий вечер, Ёжик надел валенки, накинул шубку и распахнул окно.

За окном был мартовский лес, но совсем не такой, каким бывает лес в марте.

Во-первых, нигде не было ни шкурки снега.

Во-вторых, лес не хмурился чёрными бровями ёлок, а отливал лёгкой светящейся сединой.

«Это потому что месяц, — подумал Ёжик и поглядел из окна на тоненький, в щербинах, месяц. — Жаль, птицы не поют».

И размечтался.

«Вот если бы запели птицы, — мечтал Ёжик, — и на небо выскользнула большая луна, и заплакал комар, ухнул филин, заплясала лягушка, и по всему лесу зашелестела молодая трава, и кто-то широким таким голосом спросил: „Ты о чём думаешь, Ёжик?“, я бы ответил: „О вас“».

— А кто я?

— Вы, наверное, Слон.

— Как ты догадался?

— А ты приплыл, да? Я вышел днём на крыльцо, вижу — облако, похожее на слона.

— Это был я, — сказал Слон.

— А ты... вы... надолго?

И тут Ёжик увидел настоящего Слона. Слон был серо-серебряный, будто в изморози, и такой лёгкий-лёгкий, как облако.

— До утра, — сказал Слон.

— Вы сели на холме?

Слон кивнул.

— И пошли ногами? Так заходите! — чуть не крикнул Ёжик. — Я напою вас чаем!

— Не вмещусь, — покачал Слон головой.

Тогда Ёжик выскочил из дома и поставил перед окном табуретку.

Теперь они сидели друг против друга, Слон и Ёжик. Слон — перед окном на табуретке, Ёжик — у окна в своём доме; чашки с блюдцами, морковка и всё остальное — на подоконнике.

Они пили чай из самовара, и Слон держал чашку, как барышня, самым кончиком хобота.



И тут появился Медвежонок.

— С кем это ты пьёшь чай? — с порога крикнул он.

— Со Слоном.

— Не вижу.

— Прищурься.

— Всё равно не вижу, — сказал Медвежонок.

— Он вас не видит, — сказал Ёжик Слону.

— Замечательная морковка! — сказал Слон и вежливо, почти незаметно съел морковку.

Медвежонок в упор посмотрел на Ёжика, выглянул в окно, снова посмотрел на Ёжика.

— Он там, на табуретке, — сказал Ёжик. — Скажите ему что-нибудь, Слон.

— Я очень большой, — сказал Слон. — Я сижу на табуретке. Но надо очень захотеть, чтобы меня увидеть.

— Ну? Видишь?

— Нет, — сказал Медвежонок. — Только луна и лес, и никакого Слона!

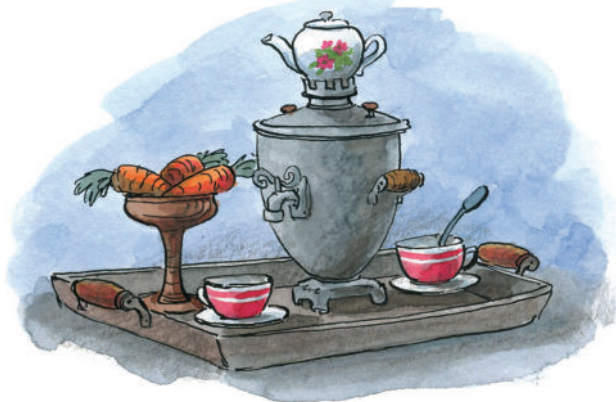
— Эх ты! — сказал Ёжик. — Такого Слона не увидел.

— Это ничего, — сказал Слон. — У Медвежонка много забот. В следующий раз он меня обязательно увидит.

— Слышишь?

— Нет, — сказал Медвежонок. — Ничего не вижу и ничего не слышу! Завтра ни свет ни заря встать и смолить лодку.

— Ты прилетай к нам, Слон! — попросил Ёжик. — Слышишь? Я так хочу, чтобы Медвежонок тебя увидел.



Маленький живой кактус



В марте, когда деревья сбросили с плеч снег и закинули высоко в небо лёгкие головы, Ёжику стали сниться волшебные сны.

Каждый день он проветривал свой домик, наламывал в лесу еловых лапок, устилал ими пол, а к вечеру пил чай с брусничным вареньем и ложился спать.

Ложился он сперва на спину, но на спине ему лежать было колко, и он поворачивался на правый бок и закрывал глаза. И тут же начинался волшебный сон.

Вот и сегодня Ёжик попил чаю, прилёг на спину и задумался.

«А не посмотреть ли мне во сне Африку? — думал Ёжик. — Небо там синее, песок жёлтый, дует ветерок, бегают львы.. Рассмотрю всё как следует, а потом расскажу Ослику и Медвежонку».

И он повернулся на правый бок, закрыл глаза — и сразу же увидел во сне Африку.

Она была жёлтая-жёлтая под голубым небом. По краям её сидели печальные носороги, а посередке — маленький Кролик в соломенной шляпе и с голубыми усами.

— Ты кто? — спросил Ёжик.

— Я — Кролик Ки-ку, — ответил Кролик, приподымая шляпу. — А ты кто?

— Я — Ёжик.

— Ёжик... Ёжик... — забормотал Кролик, разглядывая Ёжика. — Давай я тебя лучше назову — Маленький Живой Кактус!

— Маленький Живой Кактус... Очень красиво! А что такое — Кактус?

— Это такая колючка. Мне её привезли в подарок из одной пустыни.



— А она — хорошая?

— Она — полезная.

«Я тоже — полезная колючка», — подумал про себя Ёжик. И кивнул.

— А где львы? — спросил он.

— У нас полдень, — сказал Ки-ку. — Львы спят. Хочешь, я тебя угощу бананом?

Ёжик снова кивнул.



Ки-ку крикнул обезьянам, и обезьяны спустили с дерева связку бананов.

— Угощайся! — сказал Кролик. Взял в лапу банан и показал, как надо его чистить.

Ёжик ел бананы и думал об Ослике и Медвежонке.

«Вот бы их сюда! — думал Ёжик. — Медвежонок бы ел эту мягкую морковку, а Ослик — шкурки, и обоим им было бы весело и хорошо!»

— Очень вкусная белая морковка! — сказал он. — А ты любишь красную?

Кролик задумался.

— Это — бананы, — сказал он. — А какая она — красная морковка?

— Такая красная-красная! И когда её грызешь, она хрустит на зубах!



— Я очень люблю, когда хрустит, — сказал Кролик. — А у тебя нет морковки?

Ёжик заглянул в мешок, с которым обычно пускался в путешествия, и — о чудо! — вдруг нашёл там свежую крепкую морковку.

— Угощайся! — сказал он.

И Ки-ку захрустел морковкой, как все кролики, и от удовольствия даже закрыл глаза.

— Ты знаешь, — сказал он, — она вкуснее, чем бананы, да ещё хрустит! Ты надолго к нам приехал?

— Нет, — сказал Ёжик. — Только на одну ночь. Я ведь здесь во сне... Но на следующую ночь я могу прилететь снова.

— Обязательно прилетай! Я буду тебя ждать и покажу львов. Только... — Кролик замялся. — Не забудь мешочек с морковкой!..



Тут Ёжик проснулся.

За окном синел лес, и было слышно, как грустно вздыхает почерневший мартовский снег.

Ёжик посмотрел на стол — и вдруг увидел свой мешочек для путешествий, набитый бананами.

— Белая морковка! — крикнул Ёжик и бросился к столу.

Сверху лежала записка:

«Маленькому Живому Кактусу — от Ки-ку!»

Вот какая необыкновенная история!



ОСЛИК ДРУГ МЕДВЕЖОНКА



Однажды утром Медвежонок проснулся и подумал:
«В лесу много осликов, а мой друг Ослик — один. Надо
его как-нибудь назвать!»

И стал придумывать своему другу имя.

«Если я назову его хвостик, — думал Медвежонок, —
то это будет не по правилам, потому что у меня тоже есть
хвостик. Если я назову его УШАСТИК, это тоже будет не-
хорошо — потому что и у других осликов есть уши... Надо
назвать его так, чтобы все-все сразу узнали, что это — мой
друг.»

И Медвежонок придумал.

— Я назову его ОСЛИК ДРУГ МЕДВЕЖОНКА! —
прошептал он. — И тогда всем-всем будет понятно.

И он соскочил с постели и заплясал.

— ОСЛИКДРУГМЕДВЕЖОНКА! ОСЛИКДРУГ-МЕДВЕЖОНКА! — пел Медвежонок. — Ни у кого нет такого длинного и красивого имени!..

И тут появился Ослик.

Он переступил порог, подошёл к Медвежонку, погладил его копытом и тихо сказал:

— Как тебе спалось, МЕДВЕЖОНОККОТОРЫЙ-ДРУЖИТСОСЛИКОМ!

— Что? — переспросил Медвежонок.

— Это теперь твоё новое имя! — сказал Ослик. — Я всю ночь думал как тебя назвать! И, наконец, придумал: МЕДВЕЖОНОККОТОРЫЙДРУЖИТСОСЛИКОМ!



Странный музыкант

Жил-был странный Музыкант. В общем-то он не был странным... ну разве что глаза у него были разные: один — синий, а другой — оранжевый.

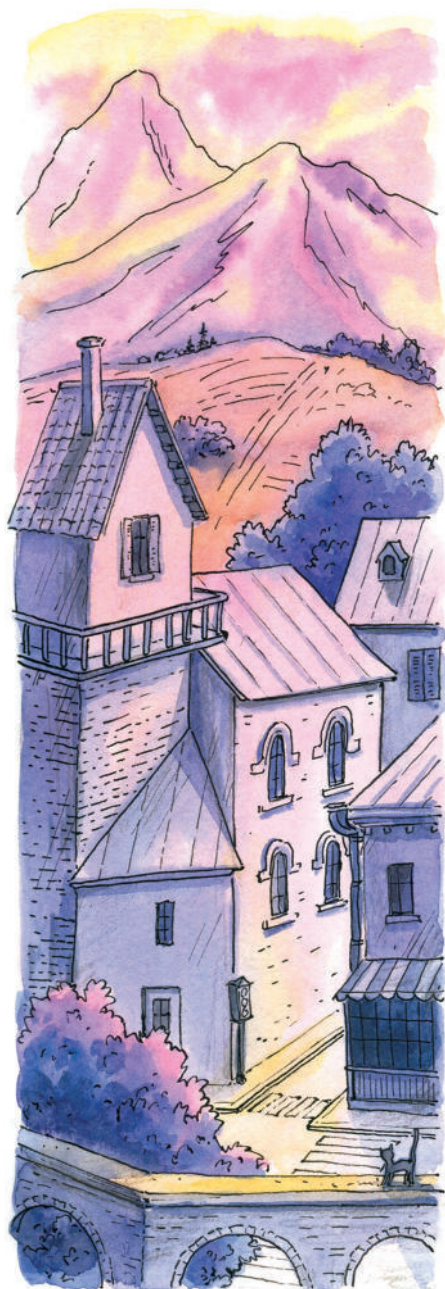
Когда музыкант ложился спать, синий глаз он оставлял открытым, а оранжевый крепко-крепко закрывал. И тогда была ночь. А когда просыпался — наоборот: открывал свой оранжевый глаз, а синий закрывал. И тогда был день.

Очень это было интересно и даже загадочно, не объяснить, как это всё происходит, никто не мог.

Вот проснулся однажды Музыкант, чуть-чуть приоткрыл оранжевый глаз, чуть-чуть прикрыл синий, и получились предрассветные сумерки.

«Ха-ха!» — сказал Музыкант.

Позавтракал и отправился гулять по городу.



А надо сказать, что в этом городе этот Музыкант был самым главным музыкантом. И все его так и называли: **ГЛАВНЫЙ СТРАННЫЙ МУЗЫКАНТ**. А почему странный — это вы сейчас узнаете.

Когда Музыкант брал в руки барабан и барабанные палочки начинали прыгать, как капли дождя, а тяжёлый молоток — ухатъ, как весенний гром, у Музыканта тут же вырастал огромный горб. И всем казалось, что они попали под весенний дождь в горы, сидят у подножья горы, глядят на огромное озеро и слушают, как по воде плещется дождь.

Только одни утверждали, что гора — зелёная, а другие говорили, что синяя — от дождевой пыли...

Вот какой странный Музыкант!

А когда Музыкант прижимал к губам трубу и начинал трубить, у него сразу же вырастали огромные усы. И чем дальше он трубил, тем быстрее и быстрее эти усы росли. И всем казалось, будто бы они мчатся на огромном трубящем поезде и перед ними в разные стороны разбегаются тёмные линии лесов.

Только одни говорили, что леса — чёрные, а другие — что вроде бы золотистые, потому что золотая осень и деревья, покачиваясь, горят на ветру...

Вот какой удивительный Музыкант!

А когда Музыкант брал арфу, он обязательно приоткрывал оранжевый глаз и открывал синий. И тогда всем казалось, что они идут вслед за пальцами Музыканта по бесконечной прохладной голубой лестнице. А Музыкант становился совсем невидимым, оставлял на арфе только свои



пальцы, а сам пристраивался за всеми и тоже, вслед за остальными, шёл по бесконечной голубой лестнице.

— Вы только подумайте, как далеко мы сегодня ушли! — говорили люди после концерта. — И ничуть не устали...

Вот какой это был Музыкант!

А когда он прикасался к роялю, из-под каждой клавиши у него выскакивал маленький-маленький музыкантик, спрыгивал на пол и убегал в зал. А там вскарабкивался по стулу слушателю на плечи и залезал за шиворот. И когда Музыкант заканчивал первую пьесу, в зале у каждого человека сидело за шиворотом по маленькому музыкантику. В руках у этих музыкантиков были тоненькие тросточки: этими тросточками они шевелили людям волосы на затылке.

А когда концерт кончался и Музыкант шёл домой, маленькие музыкантики догоняли его по дороге и сами запрыгивали в специальный сундучок, с которым Музыкант никогда не расставался.

Вот какой удивительный Музыкант!

Зато когда он играл на виолончели и виолончель была худа и печальна, как одинокая красная корова на осеннем лугу, Музыкант начинал краснеть. И становился таким красным, что издали казалось, будто это большой жалобный помидор сидит на сцене и водит себя поперёк живота смычком. И когда все уже начинали его жалеть и жалеть одинокую грустную корову посреди огромного луга, он вдруг открывал свой оранжевый глаз и все видели, как там, из-за тумана, из-за реки поднималось солнце, и освещало траву изумрудным цветом, и превращало грустную корову в огненного жеребца. Жеребец нёсся к реке, и



было непонятно — это стучат копыта или бьются сердца слушателей...

Вот какой необыкновенный Музыкант!

А когда он играл на скрипке, он худел и становился то-неньким, как кузнечик на одной ножке. И когда ему аплодировали, казалось, что это не плещут ладони, а по залу, как по клеверному полю, летят белые лепестки ромашек.

Вот какой странный Музыкант!

И когда ты, уснув вечером, проснёшься хмурым утром — не огорчайся: это просто Музыкант очень устал на вечернем концерте и забыл поутру как следует протереть свой оранжевый глаз.

Садитесь, я вам налью чаю

Заяц глядел на глубокий снег за окном, на деревья, осыпанные снегом, и думал, как бы ему занырнуть в сказку.

Зайцу хотелось занырнуть поглубже-поглубже, чтобы стало весело и легко.

Он закрыл глаза и нырнул — и сразу увидел очень красивый дом, и цветущие вишни, и Собаку с длинными ушами, сидящую на крыльце.

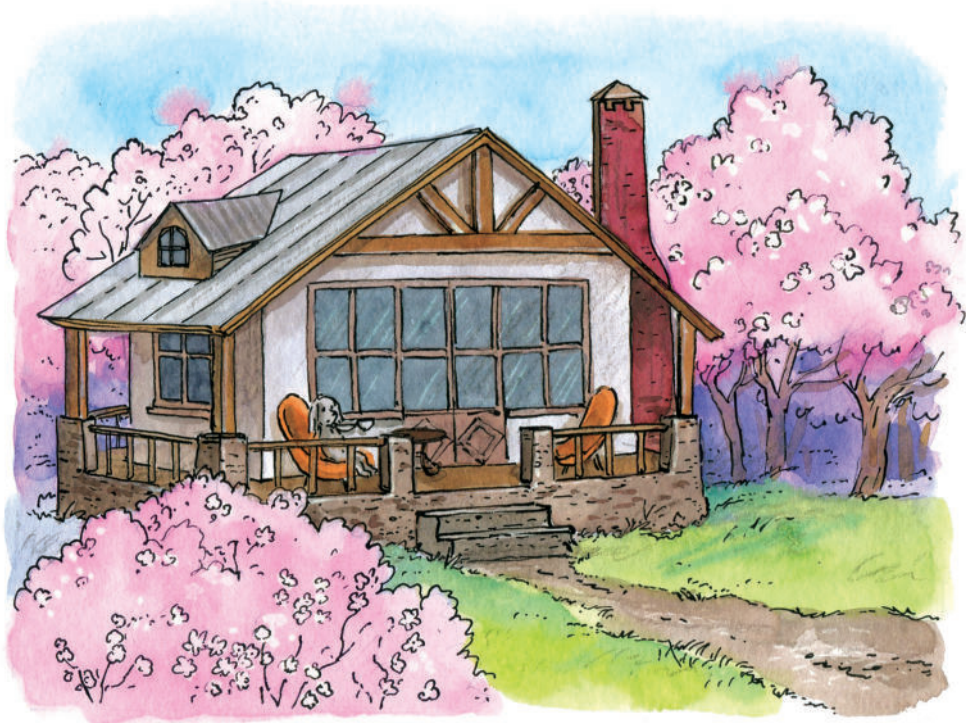
Собака пила чай и, улыбаясь, глядела на Зайца.

— Я, кажется, не туда попал, — сказал Заяц.

— Почему же?

— Нет-нет, мне здесь очень нравится, но...

— Вы меня боитесь?



— Ну... — замялся Заяц.

— Не бойтесь. — Собака ещё приветливее улыбнулась. — Садитесь, я вам налью чаю.

Заяц робко, бочком поднялся на крыльцо, сел в кресло.

— Вам покрепче?

Заяц кивнул.

— У меня прекрасный чай с брусничным листом, — говорила Собака. — Позвольте медку?

Кругом была весна, пели птицы.

Длинноухая собака большими печальными глазами смотрела на Зайца.

«Бедный Заяц! — думала Собака. — Но кто знает, что у него на уме?»

«Отчего это она такая ласковая?» — думал Заяц.

— Позвольте предложить вам к чаю морковку, — сказала Собака.

Заяц ничего не ответил.

Он глядел на цветущие вишни, на ровный травяной ковёр вокруг дома и думал, почему же у него там, наверху, снег и снег, а если не снег — лужи и грязь, а если не грязь — духота и пыль, а в конце духоты — пожар?

Он отхлебнул чаю и поглядел на Собаку.



— Вы ведь меня не боитесь?

— Нет, — сказал Заяц.

— Вот и чудесно!

Собака, извинившись, ушла в дом и расчесала перед зеркалом свои длинные уши.

— Вот морковка, — вернулась к столу Собака. — А это — возьмите с собой, ведь у вас — зима!

Заяц посмотрел на мешочек с морковкой:

— Спасибо! — Но есть не стал.

Он глядел на пушистые Собачьи уши, на ровный травяной ковёр вокруг дома и думал, что, как здесь ни хорошо, а всё же придётся открывать глаза.

— Спасибо! — ещё раз сказал Заяц.

И, не открывая глаз, улыбнулся Собаке и сошёл с крыльца.



Эй, вы, в бочках, вы кто?



Всё намокло — и кусты, и травы, и деревья, и даже река от дождя сделалась такой мокрой, что на неё не хотелось глядеть.

— Знаете что? — сказал Медвежонок. — Мне надоело ходить мокрым.

— И мне, — сказал Ёжик.

— А не ходить совсем — скучно.

— Скучно, — сказал Ёжик.

— Сиди целый день дома и сиди. Брр!

— Брр! — сказал Ёжик.

— Ты чего дразнишься?

— Я не дразнюсь. А чего делать-то, если дождь?

— Сделаем зонты, — сказал Медвежонок. — По хорошему крепкому зонту.

— А из чего?

— Подумаешь! — Медвежонок почесал в затылке и задумался.

Ёжик сидел рядом и тоже, обхватив голову лапами, думал.

— Придумал? — спросил Медвежонок.

— Нет ещё.

— И я.

«Зонт — это палка, — думал Ёжик. — А сверху — круг. А на круг — что-нибудь непромокаемое».

— А что если взять словых лап, — сказал Медвежонок, — связать за хвосты и туда — палку?

— Будет метла, — сказал Ёжик.

— Тогда... Тогда надо взять бочку и бочоночек. Я — в бочке, ты — в бочоночке. А?

— А как смотреть?

— В щёлку.

— Здорово!

И Ёжик тут же прикатил из чулана бочку и бочоночек, и Медвежонок накрыл его бочоночком.

— Хорошо, — сказал Ёжик. — Теперь щёлку!

Медвежонок пропилил щёлку.

— Замечательно! — сказал Ёжик. — Теперь никакой дождь не страшен! — И засеменил к двери.

В бочке, в бочоночке они вышли на крыльцо.

— У меня щёлки нет, — сказал Медвежонок.

— А ты иди за мной.

— Как же я пойду, если не вижу?

— Я буду шуршать лапами!

И они спустились с крыльца.

Ух как дождь забарабанил по дну бочки, в которой сидел Медвежонок! Ох как застрекотал по дну бочоночка!

— У меня сухо! — сказал Медвежонок.

— И у меня!

— Ты шурши громче, а то я не слышу! — крикнул Медвежонок.

И тут выскочил Заяц.

— Эй, вы, в бочках! — закричал он. — Вы кто?

— Бу-бу-бу! — запела бочка.

— Бу-бу! — булькнул бочоночек.

— Не понял, — сказал Заяц.

— Бу-бу-бу! Бу-бу! — снова загудела бочка, хрюкнул бочоночек.

— Так нечестно, — сказал Заяц. — Вы — сухие, я — мокрый. Вы кто?

— Не скажем, — сказал Ёжик.

— Ни за что! — сказал Медвежонок.



— Примите меня! — заскулил Заяц.

— Беги к Ёжику, — ухнула бочка, — выкати бочоночек, пробей дырки — и назад!

— А зачем дырки?

— Для глаз, — загудела бочка.

— Для ушей, — булькнул бочоночек.

— А, это вы, да? — сказал Заяц. — Это ты, Ёжик?

— Беги скорей!

И Заяц ускакал, а Ёжик с Медвежонком стали взбираться на холм.

— Ты где? Где? — гудела бочка. — Так барабанит — ничего не слышу.

— Я шуршу, шуршу! Слышишь?! — кричал Ёжик.

И так они взобрались на холм.

Прибежал Заяц.

— Ха-ха-ха! Уши! — захохотал Ёжик и чуть не скатился с холма.

— Что? Что? — гудела бочка. — Ничего не вижу!

— Это я! Я! — кричал Заяц. — Ой, здорово!

— А из него — уши! — кричал Ёжик.

Шумел дождь, пузырилась река, а на холме, толкаясь бочками, плясали два бочоночка и бочка. И у одного из бочоночков на макушке мокли заячьи уши.



Ты только погляди



Осень была такая золотая, а небо такое синее, а звёзды по вечерам такие большие, что Ёжик никуда не ходил, никуда не бегал, а целыми днями сидел на крыльце своего дома и, жмурясь, глядел на солнце, на золотые деревья, на небо, а по вечерам — на звёзды.

— Пойдём, рыбки поудим, — говорил Медвежонок.

— Нет-нет, — отвечал Ёжик. — Хочешь, садись рядом и гляди вместе со мной.

— А чего глядеть то? Что я, леса не видел?

— Ты посмотри, какая осень! — говорил Ёжик. — Ты только погляди!

И он даже старался не дышать, чтобы не набежали тучи и не заволокли синее небо.

— Зря ты не хочешь пойти к реке, — как-то утром сказал Медвежонок. — На реке сейчас ещё красивей.



— А что там?

— Два леса!

— Это я знаю, — сказал Ёжик. — Один у берега, а другой глядит на него из воды.

— Два солнца!

— Это всегда так, — сказал Ёжик.

— Два неба!

— Правильно.

— А если мы выбежим к реке, будет два Ёжика и два Медвежонка!

— Ты беги, — сказал Ёжик. — А я посижу здесь, но буду знать, что у реки сейчас вас двое.

— А что мне сказать Другому Медвежонку?

— Скажи, что два Ёжика придут завтра.

— А ты завтра пойдёшь?

— Угу.

И Медвежонок убежал.

Вечером он пришёл к Ёжику пить чай.

— Сказал? — спросил Ёжик.

— Ага.

— А он?

— Сказал: «Буду ждать». Ух, мы вчетвером и повеселимся!

На следующее утро Ёжик с Медвежонок вышли к реке. Река была такая тёмная, так плавно текла и поворачивалась... и ни одной рябинки не было нигде.

— Я здесь! — крикнул Медвежонок и помахал Другому Медвежонку лапой.

«Есь... есь... есь...» — отозвалось эхо в берегах.

— Здесь мы! — закричал Ёжик.

«Ы... ы... ы...» — сказала эхо.

— Видишь, как тихо? — сказал Ёжик. — Нас четверо, а прыгать и бегать не хочется.

Река медленно-медленно шла у самого берега и заворачивала за поворот. Солнце садилось, и лес прямо горел в заходящем солнце. Ёжик зажмурился и вдруг подумал, что, может быть, ему уже никогда не удастся увидеть такой красоты.

— Ты только погляди, Медвежонок! — сказал он.

— Я вижу, — сказал Медвежонок.



Тепло

Ожили комары, проснулась лягушка, маленький паучок побежал по своей скользкой ниточке вверх и, перебирая всеми восемью лапками, забрался на необлетевший лист берёзы.

Ёжик увидел Медвежонок на поляне.

Медвежонок стоял под широким небом, и тёплый ветер большой ласковой птицей кружил над ним.

— Как будто весна, — сказал Медвежонок. — Даже не верится. — И потянул носом воздух.

— Ага, — сказал, подходя, Ёжик. — Никогда не было, чтобы так поздно было тепло.

— Это потому, что ветер прилетел, — сказал Медвежонок.

Ветер широкими кругами ходил над лесом.

Он прилетел из тёплых морей, где на рассвете в зелёном сумраке тают лёгкие острова.

Ветер повидал много на своём веку: видел он скалы, ущелья, ручьи, долины, холмы, а вот теперь залетел в осенний лес к Ёжику и Медвежонку.

Тёплый осенний ветер кружил над лесом.

— Неужели больше никогда не будет зимы? — спросил Медвежонок.

— Будет, не бойся, — сказал Ёжик. — Зима от нас не уйдёт.

Ветер опустился на поляну, и двести комариков зелёным облаком закружились над Ёжиком и Медвежонком. Когда дул ветер, комары сидели в траве, и вот теперь поднялись.



— З-з-з! З-з-з!.. З-замечательно! — звенели комары. —
Лето вернулось.

— Ква! — робко сказала Лягушка. — Неужели?

А Ёжику отчего-то стало грустно.

«Не по правилам, — думал Ёжик. — Всё должно быть
в своё время».

— Я думаю так же, как и ты.

— Но ты же не знаешь, о чём я думаю.

— Знаю, — сказал Медвежонок. — Я всегда знаю.

— Ну, о чём?

— Ты думаешь: «Вот вернулось тепло, и мы снова смо-
жем сумерничать на крыльце».

— А вот и нет, — сказал Ёжик.

— Тогда ты думаешь: «Бедные деревья! Схватит мороз,
и они сломаются пополам».

— А вот и нет, — сказал Ёжик.

— Тогда ты думаешь: «Надо комариков пригласить пить чай».

— И не так, — сказал Ёжик.

— Неужели в такой тёплый день ты опять со своими правилами?

— С правилами, — сказал Ёжик.

— Не по правилам, думаешь? Сейчас тепло, а должна быть зима?

— Ага, — сказал Ёжик.

— Ну вот видишь, я всё равно знаю, о чём ты думаешь. Солнышко, тёплое, ласковое, скатилось с горы.

Гора просияла, как всегда это с ней бывает, когда за неё прячется солнце.

— Ну что, позовём комариков чай пить? — спросил Медвежонок.

— Зови.

— Комары! — сказал Медвежонок. — Вот Ёжик зовёт вас пить чай.

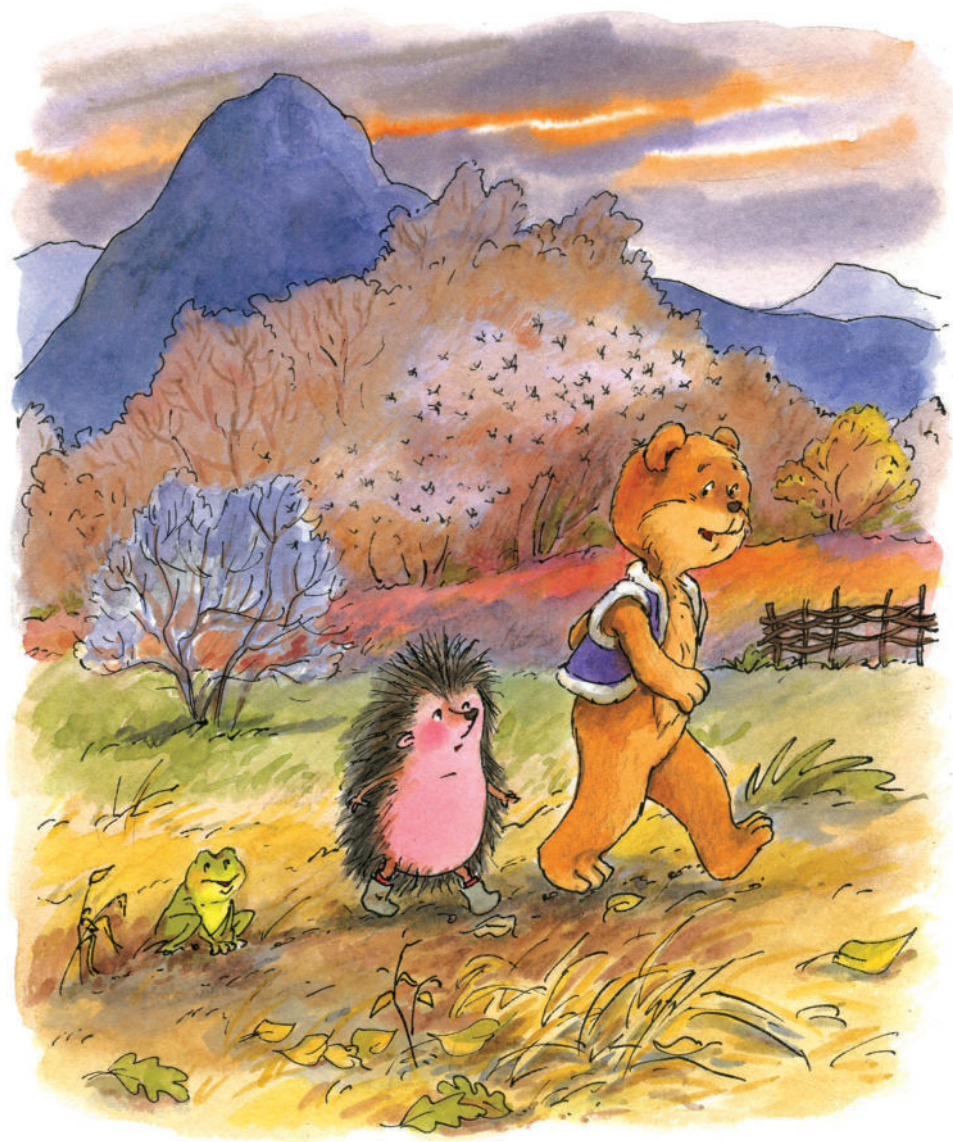
— С-спасибо! — радостно зазвенели комары.

— Ква-а! А меня? — квакнула Лягушка.

— Приходи, — сказал Медвежонок.

«Где же ветер? — думал Ёжик. — Шумел, кружился, и уже нет». Он не стал спрашивать у Медвежонка, где ветер. Он сам знал: ветер летел, устал и теперь отдыхает.

И пока шли к дому, Ёжик глядел на Медвежонка в густеющих сумерках, на тучу комаров, которая вилась над ним, на лягушку, которая скакала сзади, слушал далёкий приглушённый лай собак за рекой и думал, что вот опять тепло,



что вот-вот снова поднимется парной туман над рекой, как это бывает только летом и ранней осенью, и как будто ничего не было, и не прожили они только что с Медвежонком два тяжёлых холодных осенних месяца.

Над потемневшей горой вдруг вспыхнула яркая оранжевая полоска где-то далеко-далеко заходящего солнца.

Ворон-Ворон

Когда пошли мелкие осенние дожди, Поросёнок пришёл к старому Ворону.

— Ворон, — сказал Поросёнок, — давай улетим!

— Куда?

— Далеко-далеко, где тепло и солнце.

Ворон был очень старый, но крепкий и добрый.

— Давай, — сказал он.

Посадил на спину Поросёнка, и они полетели.

— Глядите! — курлыкали журавли. — Поросёнок летит, летит Поросёнок!

— Нет-нет, вы только взгляните! — кричали дикие гуси. — Поросёнок-то!..

А Поросёнок обнимал передними ножками Ворона за шею и, радуясь, улыбался.

Прилетели к морю.

Тут было столько птиц, но больше всего — чайки. Чайки кружились над Поросёнком и глядели на него злыми глазами.

— Ты чей? Ты чей? — кричали чайки.

Поросёнок построил из камней дом, и Ворон стал жить на крыше. А Поросёнок целыми днями лежал на горячих камнях и пел.

Но вот и к синему морю прилетели холодные ветры.

— Куда теперь полетим? — спросил Ворон.

— В Индию.

И Поросёнок снова обнял Ворона за шею, и они полетели в Индию.



В Индии было жарко. Так жарко, что даже крокодилы лежали по пояс в воде, а слоны, как большие чайники, поливали друг друга водой.

— Слон, — попросил Поросёнок, — полей и нас с Вороном.

— Уфф! — кивнул Слон.

— Как хорошо! Как легко! Как удивительно! — пел Поросёнок. И построил себе дом из банановых листьев, и Ворон снова стал жить на крыше.

— Ты почему всегда молчишь? — спросил у Ворона Поросёнок.

— Зачем слова? — сказал Ворон.

А Поросёнок болтал без умолку, и пел песни, и даже подружился с обезьянами, и те приносили ему на завтрак кокосовые орехи.

Но вот однажды Поросёнок увидел, что его Ворона нет.
— Ты где? — позвал Поросёнок.

— Я здесь, — сказал Ворон. Он сидел, забившись в угол, и задумчиво смотрел на Поросёнка синими глазами.

— Что с тобой? — спросил Поросёнок.

— Умираю, — прохрипел Ворон.

— Нет-нет, не умирай! Как же я без тебя?

Ворон закрыл глаза и так сидел до вечера, а когда выпали звёзды, сказал:

— На рассвете я улечу вон на ту звезду. Если тебе что-нибудь понадобится, найди её в небе и скажи: «Ворон-Ворон, помоги мне!» И тебе поможет звезда.

Всю ночь Поросёнок сидел возле Ворона, а перед рассветом незаметно уснул.

Когда солнце разбудило Поросёнка, Ворона не было.

И Поросёнку не нужны стали ни слоны, ни обезьяны, ни кокосовые орехи: он целыми днями ждал вечера, чтобы поговорить со своей звездой.

— Как тебе там, на звезде, Ворон? — спрашивал Поросёнок.

— Хорошо, — отвечал Ворон.

— Ты видишь меня?

— Вижу.

— А ты не можешь спуститься ко мне?

— Могу. Но тогда упадёт звезда.

— Нет-нет, не падай! — говорил Поросёнок. И каждый день ждал вечера, ждал звезду.

Так и жил Поросёнок в Индии, с самого утра ожидая ночи, но однажды к нему пришёл важный Петух.



— Ко-ко-ко! — по-индийски сказал Петух. — Я пришёл пригласить вас в гости.

— К кому?

— К самой главной змее.

— Я не люблю змей, — сказал Поросёнок.

— Но это — Индийский Питон! — торжественно сказал Петух. — Он очень любит розовых поросят!

— Спасибо, — сказал Поросёнок. — Можно я приду завтра?

А ночью нашёл в небе свою звезду и сказал:

— Ворон-Ворон, помоги мне!

И сразу же очутился у себя дома в осеннем лесу у прогоревшей печки.

Печка сверкала угольками, как чёрная индийская ночь, и Поросёнку вдруг показалось, что один уголёк точь-в-точь похож на его звезду.

— Ворон-Ворон... — прошептал Поросёнок.

— Что? — спросил Ворон голосом Медвежонка. — Проснулся? Ну ты и спал!..

А Поросёнок потрогал ножкой пяточок и стал думать, приснилось ему всё это или так и было на самом деле.



Осенний Поросёнок

Дышалось легко и радостно. Осень стояла просторная, светлая, и вокруг было много земли.

Поросёнок выбежал на поляну и зашуршал ножками в опавшей листве. Это было очень весело — вот так бегать и шуршать, а потом остановиться и слушать.

Тоненько-тоненько свистел в голых кустах ветер, шевелилась трава, но лучше всего, конечно, было шуршать листьями.

Выбежал Заяц.

— Привет, Поросёнок!

— Привет!

— Ты чего делаешь?

— Шуршу, — сказал Поросёнок. И побежал.

— Давай пошуршим вместе, — сказал Заяц, догнав Поросёнка.

И они целых полчаса бегали по поляне, шурша палой листвой.

— Ты как сюда попал? — спросил Заяц, когда они, нашуршавшись, сели.

— Убежал из дому, — сказал Поросёнок. — А что?

— Я так и подумал, что ты нездешний, — сказал Заяц. — Ёжика знаешь?

— Нет.

— А Медвежонка?

— И Медвежонка.

— И Зяблика не знаешь?

— Не знаю, — сказал Поросёнок.



— Приходи сумерничать, — сказал Заяц. И убежал.

Поросёнок посидел ещё немного один, потом сгрёб опавшие листья в кучу, забрался на самый верх и лёг.

Ему было мягко и хорошо.

Выглянуло солнце, ветерок разогнал облака, чистым золотом загорелись огромные листья клёна, а Поросёнок всё лежал на куче опавшей листвы, глядел по сторонам и думал.

О чём думал Поросёнок, он и сам бы не мог сказать; а думал он обо всём сразу и ни о чём в отдельности.

«Вот листья сыплются, — думал Поросёнок, — деревья голенькие, а наверху — небо, а ёлка ещё зеленой стала, и рыжие грибы лисички — как гвоздики во мху».

Широко и покойно шумел лес, качались ветви; будто хромая, проковыляла в пустом воздухе бабочка, а Поросё-

нок всё глядел и глядел, слушал и слушал, и никуда ему не хотелось идти, ничего не хотелось делать, ни с кем говорить.

«Ну что я буду сумерничать с Зайцем? — думал Поросёнок. — С Зайцем хорошо побегать, пошуршать, но в сумерках, в сумерках лучше быть одному, сидеть и глядеть, как загораются звёзды».

— Лежишь? — выскочил на поляну Заяц.

Поросёнок кивнул.

— Придёшь? — крикнул Заяц.

— Угу, — сказал Поросёнок.

Но в душе он уже твёрдо знал, что никуда, ни к кому сегодня вечером не пойдёт.



Одуванчик и Хрюк

Однажды поросёнок Хрюк влез на крышу и провалился в печную трубу. Хорошо, что ещё печка не топилась!

Выскочил он из печки и помчался во двор — сам чёрный-чёрный.

— Эй! — крикнул ему Одуванчик. — Ты чего такой чёрный?

— Я? — сказал Хрюк. — Я совсем не чёрный.

— Нет, чёрный, — сказал Одуванчик. — Интересно мне тебя обманывать!

— Почему ты так думаешь, братец? — спросил Хрюк.

— Я вижу! — сказал Одуванчик.

— Ты мой друг, ты умный Одуванчик. Откуда ты взял, что я чёрный?

— Ночью я бы тебя не увидел.

— Ночью никого не видно, — сказал Хрюк.

— Нет, видно. Я ночью б е л е ю. Когда я потерялся, мама сказала: «Вон одуванчик белеет у сарая!» Это был я. А если бы ты потерялся, тебя бы никто не нашёл. Ты же не можешь белеть, если ты — чёрный!

— Я встану на камень, — сказал Хрюк, — а ты ляг на землю и посмотри на меня снизу. Вот так. Какого я цвета?

— Чёрный, — сказал Одуванчик.

— А теперь ты встань на камень, а я лягу в грязь... Ну, как?

— Тебя не видно.

— Как не видно? — возмутился Хрюк. — Я же тебя вижу!



— А тебя не видно. Грязь чёрная, и ты чёрный. Тебя совсем не видно!

— А откуда ты знаешь, что я есть?

— Я догадываюсь, — сказал Одуванчик.

— Вот посмотри, я сейчас пошевелю хвостиком. Видишь?

— Нет.

— А сейчас?

— Ничего не вижу.

— Значит я невидимый... — сказал Хрюк. — Это очень интересно!

— Теперь ты веришь, что ты чёрный?

— Да, — сказал Хрюк. — Если ты меня не видишь, значит я чёрный.

— Что же теперь делать? — вздохнул Одуванчик. — Всех позовут обедать, а тебя не заметят.

— Но ты же знаешь, что я есть!

— Мне могут не поверить, — сказал Одуванчик.

— Но ты же скажешь, что я чёрный, что меня не видно, но что я всё-таки есть.

— Как же ты есть, если тебя не видно?

— Вот я! — крикнул Хрюк. — Скажи им всем, что я тоже хочу обедать!

— Я скажу, — пообещал Одуванчик. — А ты на всякий случай встань на камень.

В это время во двор вышла мама-свинья и увидела Хрюка, стоящего на камне.

— Вымойся как следует в бочке, — сказала она, — и пойдём обедать.

Хрюк молчал.

— Ты чего молчишь? — спросила мама-свинья.

Хрюк смотрел на маму-свинью и думал:

«Видит она меня или не видит? Наверное, не видит!» — решил он и продолжал молчать.

— Он есть, — сказал Одуванчик. — Вон он стоит. Он тоже хочет обедать.

— Я вижу, — сказала мама-свинья. — Вон он стоит на камне.

«Я стою на камне, — думал Хрюк, — но они всё равно меня не видят».

— Я хочу обедать! — сказал он.



— Мойся в бочке, и пойдём обедать, — сказала мама-свинья.

— Он же невидимый, — сказал Одуванчик. — Как же он может мыться в бочке?

— А вы меня видите? — спросил Хрюк.

— Вижу, — сказала мама-свинья.

— Вижу, — сказал Одуванчик.

— Зачем же мне мыться в бочке, если вы меня видите? — спросил Хрюк.

— Нет, не вижу, — сказал Одуванчик.

— Как же ты его не видишь, Одуванчик? — удивилась мама-свинья. — Вон он стоит на камне!

— Я вижу, что он стоит на камне, — сказал Одуванчик. — Но он же невидимый.

«Конечно, они меня не видят», — решил Хрюк.

— Я хочу обедать! — ещё раз жалобно сказал он.

Мама-свинья подошла к Хрюку, взяла его под мышку и отнесла к бочке.

— Ух! — сказала Бочка. — Никогда не видела такого чёрного поросёнка!

— Буль-буль! — булькнула вода. — Никогда не встречала такого грязнули!

А Хрюк тёрся, мылся, хрюкал, скоблился, отфыркивался и наконец вылез из бочки совсем розовый.

— Теперь меня хорошо видно? — спросил он.

— Очень! — сказал Одуванчик. — Тебя никогда не было так хорошо видно.

Золотой и пушистый

Посвящается Поросёнку



К зиме Поросёнок подстригся.

— Ты что это сделал? — сказала ему маленькая утка Чирок.

— Волосиков мало, — сказал Поросёнок. — Вот намажусь глиной, и к весне у меня будет волос, как у лошади.

— Зачем тебе такая грива? — удивился Чирок.

— А что же? У тебя — перья, у них — волосы, а я — лысенький, — сказал Поросёнок.

Они разговаривали у реки, куда совсем лысенький Поросёнок прибежал прощаться со своей знакомой уткой Чирок.

— Ты скоро улетишь?

— Завтра, — сказал Чирок.

— Ну вот — прилетишь, а я — волосатый-волосатый, — сказал Поросёнок.

— А я тебя узнаю?

— Не узнаешь — я крикну: «Чирок! Это я, Поросёнок!»

— Ладно, — сказал Чирок. — А пока ты узнаваемый, давай с тобой поиграем, как лысенький Поросёнок с маленькой уткой Чирок.

— А как можно играть иначе? — спросил Поросёнок.

— Как прилетевшая утка с волосатой лошадью.

— Нет, давай — как лысый Поросёнок...

И они стали играть в игру, в которую играли всегда: Чирок нырял, а Поросёнок бросал в него сосновыми шишками.



Наигравшись, они сели на берегу, и Поросёнок сказал:

— Я буду по тебе скучать, Чирок.

— И я.

— Я буду по тебе очень скучать.

— Я тоже.

— А ты расскажешь, когда вернёшься, где ты был?

— Конечно.

— А что там?

— Не знаю. Я ведь ещё никогда там не был.

— Как жаль, что мы не можем полететь вместе, — вздохнул Поросёнок. — Говорят, там есть большая река и, если голову намазать илом из этой реки, волосики станут золотые и пушистые.

— Я принесу тебе ила из этой реки, — пообещал Чирок.



— А не забудешь?

— Нет-нет, прощай! — И улетел.

А Поросёнок пошёл домой, намазал голову глиной и стал ждать, когда станет волосатым, как лошадь.

Метели кружили над землёй, вьюги выли, а Поросёнок сидел у себя в доме у печки и ждал весны.

Глина обсохла, и Поросёнок боялся пошевелиться, чтоб не обсыпаться.

Но вот наступила весна и запели птицы; Поросёнок выскочил из дома и поглядел в лужу.

Из лужи на Поросёнка глянул лохматый Свин.

— Ха-ха! — крикнул Поросёнок. — Как лошадь! — И тут же искупался в луже.

К реке он шёл медленно и важно.

Остановился, выставил вперёд ножку и поднял голову.

Летели утки.

«Кто это? Кто это?» — спрашивали они друг друга.

— Вы не видели лысенького Поросёнка? — спросила одна Утка. — Он постригся к зиме и теперь должен стать неузнаваемым.

— А что? — спросил Поросёнок.

— Мы принесли ему ила из далёкой реки, — сказала Утка. — Он станет золотым и пушистым.

— А где Чирок? — спросил Поросёнок.

— Его нет, — сказала Утка. — Он просил передать вот это.

— Где Чирок? — крикнул Поросёнок.

— Ему очень хотелось долететь. «Брось! Брось! У тебя не хватит сил!» — кричали мы ему над морем. Но... Он не послушался, и вот...



— Что?..

— У него не хватило сил, — сказала Утка.

Поросёнок повернулся и, сторбившись, пошёл от реки.

«Какая разница, — думал Поросёнок, — лысый или золотой?.. Лишь бы был Чирок, и мы играли, и он кидал в меня шишками...»

— А где, где Поросёнок? — не отставала Утка. — Он так просил.

— Нет Поросёнка, — сказал Поросёнок. — Никого нет.

— Значит, у него не хватило сил дожидаться, — сказала Утка. — Бедный Поросёнок! Бедный Чирок!

— А может быть, он ещё прилетит? — вдруг спросил Поросёнок.

— Он сел на волну. Он не знает дороги, — сказала Утка.

— Но, может быть, он ещё прилетит?

— Всё может быть, — сказала Утка.

И тут появился Чирок.

Он летел низко над рекой против солнца.

— Чирок! Чирок! Это я, Поросёнок! — закричал Поросёнок и бросился к маленькой утке Чирок.

— Это ты! Это ты! — кричал Чирок. — Ну ты и волосатый! Настоящая лошадь!

И Чирок сам намазал Поросёнка илом из далёкой реки, а потом они вместе вбежали в реку, а когда вылезли на берег, не было никого на свете золотистее и пушистее Поросёнка.

Заяц



Заяц проснулся — было тихо-тихо.

Так тихо и спокойно, что, пока он спал, он даже ни разу не вздрогнул.

Будто онемело всё вокруг.

И пока он хлопотал по дому, а спал Заяц в летнем, верхнем доме, он заметил какую-то странность с головой.

Его голова жила как бы сама по себе, своей отдельной жизнью.

Зайцу хотелось думать об одном, но голова была занята какими-то своими, особыми, не имеющими прямого отношения к Зайцу мыслями, и к тому, о чём ему, хозяину головы, хотелось бы думать.

Более того — Зайцу хотелось делать одно, а делал он совсем другое.

«Надо пойти в зимний дом, достать морковку», — думал, например, Заяц, а сам сидел на полу, глядел в окно, и голова его о чём-то думала.

Заяц даже сам не знал, о чём она думает. Он просто видел перед собой разные картины и себя с кем-то, сердился на кого-то, улыбался, и картины эти были из давным-давно прожитой Зайцем жизни.

То он видел — лес, поляну, весну.

Он, совсем юный Заяц, прыгает и смеётся.

Блестит река.

Хлюпают волны.

А он прыгает рядом с маленьким зайчонком и смеётся.

Или вот: сумерки, какие-то далёкие огоньки, а далеко внизу — река.



И в этих сумерках Заяц сидит с робкой, милой зайчихой, и они глядят на далёкие огоньки, на реку, и у зайчихи чёрные-чёрные, как ягоды смородины, глаза.

«Зачем? Почему?» — всё время спрашивала Заячья голова, и Заяц ничем не мог помочь ей с ответом.

Потом он вставал, куда-то шёл, что-то пытаясь сообразить, сделать, но опять видел себя как со стороны, застывшим у двери и глядящим через весь дом в то же окно и ничего за этим окном не видя.

Опять какие-то картины носились в Заячьей голове. А может, просто голова оторвалась от Зайца и он не заметил этого?

Такая мысль понравилась Зайцу.

Он представил свою голову, отдельно скачущую по лесу, и подумал, что бежать она должна на ушах, вверх тормашками, всё время глядя в серое небо.

За окном падал редкий снежок. Было пасмурно, тихо. Но Зайцу не было грустно.

Была только малая горечь, что голова вот вернулась, села на место и Заяц видел теперь падающий снег и не мог, вслед за головой, бежать по своей прожитой жизни.



В это же самое время

— Ну вот, снова пошёл снег, — сказал Медвежонок. — А я думал — его уже никогда не будет.

— И я, — сказал Ёжик.

— А ты почему думал? Я — потому что облаков не было, а ты?

— А я, — сказал Ёжик, — а я...

— Солнышко увидел, вот и обрадовался!

— Ага...

Они стояли на заметённой тропинке на холме, а вокруг летел снег.

Всю неделю до этого светило солнце, и ещё вчера в большом синем небе не было ни облачка. Небо было такое высокое, лёгкое, что казалось, прыгни с крыши — и полетишь.

И Ёжик так и сделал: забрался на крышу, прыгнул — и упал в сугроб.

Из сугроба, как со дна колодца, он увидел над головой совсем тёмное небо, звёзды — и испугался.

«Как же так? — думал Ёжик, сидя в сугробе. — Там, наверху, весело и легко, а тут — ночь? Значит, когда весело и легко и хочется петь, прыгать и кувыркаться, о д н о - в р е м е н н о, — Ёжик остановился и ещё раз про себя повторил: «О д н о в р е м е н н о, то есть в о д н о и т о ж е в р е м я», — страшно и темно? Не может быть! Это просто плохой сугроб».

И Ёжик снова залез на крышу, попрыгал, поплясал, вздохнул лёгкого голубого неба, оттолкнулся — и полетел.



Сугроб, в который в этот раз упал Ёжик, был такой глубокий, что небо высоко над ним было просто чёрное, а звёзды — колючие и злые.

«Так-так-так», — забормотал Ёжик и прикусил губу, чтобы не разреветься.

И тут же услышал:

— Э-ге-ге-гей! Ежи-и-ик! — это кричал Заяц. — Ты где-е?

— Я здесь, — сказал Ёжик в сугробе.

Но Заяц его не услышал.

— Наверное, пошёл к Медвежонку, — вслух сказал Заяц. — Ежи-и-ик! — закричал он ещё громче. — Ты пошёл к Медвежонку?..

— Я здесь! — крикнул Ёжик.

Но Заяц его снова не услышал.

«Я здесь, я — в сугробе, — думал Ёжик, — но меня нет, потому что у них там солнце, а у меня — ночь».

— Я здесь! — крикнул он изо всех сил, и Заяц почудилось, что кто-то разговаривает.

— Кто говорит? — спросил Заяц.

— Это я! Я! — кричал Ёжик из сугроба. — Я здесь! Я же тебя слышу! Иди сюда, Заяц!

— Почудилось, — сказал Заяц и убежал.

А Ёжик выбрался из сугроба, вошёл в дом, растопил печь и сел у огня.

Солнце по-прежнему сияло в окнах, и снег сверкал.

Но Ёжик думал:

«Сейчас придёт ночь, станет темно, страшно, но одновременно, в это же самое время, — весело и легко».

Стало смеркаться.

Ёжик сидел у печки и ждал темноты.

А когда стемнело, влез на крышу, поглядел на чёрное-чёрное, без звёзд, небо, глубоко вздохнул, зажмурился — и прыгнул в сугроб.

Какое-то время Ёжик не открывал глаза.

Он сидел в сугробе с закрытыми глазами и думал.

«Неужели, — думал Ёжик, — неужели я открою глаза и увижу голубое небо и солнце? Тогда... Тогда я буду знать, что одновременно, в одно и то же время, день и ночь, ночь и день».

— Раз! Два! Три! — вслух сказал Ёжик — и открыл глаза.

В первое мгновение ему показалось, что вспыхнул ослепительный свет. Но это только показалось. Он закрыл, снова открыл глаза — и ничего не увидел.



«Как же так?»

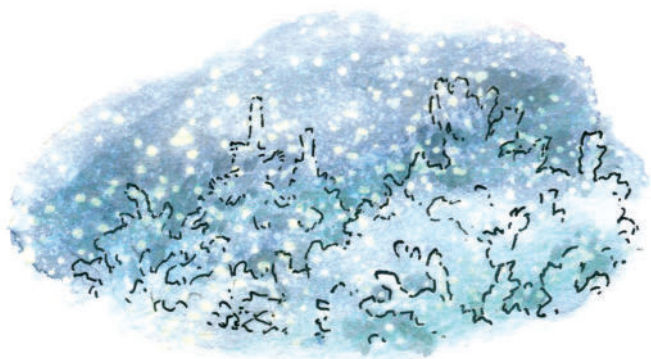
Ёжик снова закрыл и открыл глаза и вдруг понял, что ничего нет, что он ничего не видит, что вокруг — тьма.

— Темно... — прошептал Ёжик. — Значит, и днём и ночью — одна ночь...

И медленно стал выбираться наружу.

— А знаешь, почему пошёл снег? — тараторил Медвежонок. Снег летел и кружился, и они стояли на холме, полузанесённые снегом. — Потому что Заяц ко мне вчера прибежал и говорит: «Наверное, снег пойдёт!» — «Да ты что?» — «Ага, — говорит, — я только что был у Ёжика и слышал, как они вздыхали». — «Кто?» — «Сугробы! Один говорит другому: „Я здесь“, — говорит! А когда сугробы разговаривают, обязательно пойдёт снег».

Ёжик смотрел на туманный за снегом лес, на мутное-мутное небо, на Медвежонок и горько думал, что во всём свете, наверное, нет ни одного сугроба, из которого они с Медвежоном могли бы сейчас увидеть высокое, лёгкое небо.



Как Ёжик с Медвежонок меняли небо



Жили-были в лесу Ёжик с Медвежонок. Жили они хорошо, дружно, но время от времени происходили с ними необыкновенные приключения... Вот и сегодня...

Через лес, через поле, в горку, с горки, по брёвнышку катился Медвежонок и кричал:

— Ё-жи-и-и-к! Ё-жи-и-и-к! Что я нашёл! Что нашёл! Что нашёл!..

— Что? — появился из одуванчиков Ёжик.

— Калы-балы-талы-балы! — запыхавшись, забубнил Медвежонок. — Понял?

— Не-а.

— Калы-балы-талы-балы! — Ну, понял?

— Нет, — затряс головой Ёжик.

— Эх ты! — И опять забубнил, забубнил что-то прямо Ёжику в ухо. — Ну?

— А где? — спросил Ёжик.

— Бежим!

Медвежонок схватил Ёжика, и они обратным путём — по брёвнышку, в горку, с горки, через поле — помчались, полетели и вбежали в лес.

— Вот! — раздвинул кусты Медвежонок.

Перед ними на опушке леса, наполовину укрытый зеленью, стоял покосившийся сарай, отдалённо смахивающий на верблюда. На «спине», прямо над дверью, кривыми буквами было написано:

Н Е Б Ы

— Не-бы, — по складам прочитал Ёжик.

— Ну как? Хочешь, дай ему травки.

— Кому?

— Верблюду! — И Медвежонок скрылся в сарае.

«Помоги!» — тут же услышал Ёжик и через секунду увидел самого Медвежонка, выбирающегося из сарая с огромным рулоном, будто с ковром, на плече.

— Что это? — спросил Ёжик.

— Берись, — сказал Медвежонок.

Через лес, через поле, в горку, с горки, по брёвнышку мчались теперь Ёжик с Медвежонком; на плечах у них, как бревно, мчался этот непонятный предмет.

Добежав до двух худеньких пеньков посреди поля, Медвежонок закричал:

— Стой! Самое подходящее место! — и сбросил рулон на траву.



Жарко трещали кузнечики, неподвижно отражалось в реке колющее солнце.

— Для чего, — спросил Ёжик, — подходящее?

— Для того! — И Медвежонок запел, замурлыкал, взбираясь на пенёк:

Мы небо поменяем,
Мы небо поменяем,
Мы небо поменяем —
Бам, бам, бам!

— Что — поменяем?.. — Ёжик открыл рот.

— Небо, — просто сказал Медвежонок. — Жарко! — Встал на пеньке, зацепил лапой выгоревшее, вылинявшее на солнце небо и — потянул.

И — бывает же так! — небо недовольно сморщилось, а потом, как скатерть, поползло с неба, а солнышко солонкой покатилося и упало за лес.

— Ты что делаешь? — закричал Ёжик. — Что ты делаешь?!

Но было поздно. Медвежонок, стоя на пеньке, приспособивал новое небо, пыхтел, отдувался и смахивал пот со лба.

— Помоги! — рявкнул он.

И они вдвоём растянули новое небо, по которому сперва полетели, прощально курлыкая, журавли, а потом... посыпало мелким дождичком.

— Эх! — огорчился Медвежонок и ударил себя лапой по ноге. — Не то!

Он стащил новое небо, быстро скатал в рулон, «берись!» — кивнул Ёжику и взял свой конец на плечо.

— А как же... это? — еле выговорил Ёжик и ткнул лапой вверх, где было совсем пусто. — Ведь там ничего нет...

— Побудет так, — сказал Медвежонок.

И они помчались.

Тем же путём — в горку, с горки, через поле, по брёвнышку — они мчались за новым небом, волокли старое с плачущими журавлями; с него капала вода.

— А какое небо нам нужно? — на бегу спросил Ёжик.

— Чтобы не жарко, не холодно, не мокро и не темно!

— А такое... бывает? — Ёжик даже остановился, и Медвежонок убежал с курлыкающим небом один, но задним ходом вернулся.

— Ага.

— Когда?

— А помнишь, когда у Зайца был день рождения?

— Помню, — подумав, сказал Ёжик. — Замечательное было небо! Ты думаешь, оно в верблюде?





— Там, — просто сказал Медвежонок.

— И если мы его найдём, прибежит Заяц и снова будет день рождения?

— Ну да!

— А почему я раньше этого верблюда не видел?

— Он — кочующий: то здесь побудет, то там.

— А где у него горбы?

— Ну что ты встал? — рассердился Медвежонок. — Это — небесный верблюд: с небами и без горбов.

И они выскочили к сараю.

Ворона весело сидела на ёлке. Вороне сверху интересно было глядеть, как Ёжик с Медвежонком быстро-быстро возвращаются обратно.

— Ну вот, — сказал Медвежонок, когда они с новым небом добрались до двух пеньков посреди поля. — Теперь уж — то самое!

— И Заяц сразу прибежит? — Ёжик вскарабкивался на свой пенёк.

— А куда же он денется?

Они распластали небо, и сразу стало темно.

— Тьфу! — плюнул в сердцах Медвежонок. — Ночь! Ты меня видишь?

— Не-а, — сказал Ёжик.

— Я тебя тоже не вижу. Глухая сентябрьская ночь.

— Октябрьская, — поправил Ёжик. — Такие ночи бывают в октябре.

— Ну ничего. На вот тебе, держи.

— А... А что это?

— Прутик.

— А зачем?

— Протыкивай.

— Как — протыкивай?



— Как-как! Недогадливый какой! — заворчал Медвежонок и первым стал ходить в темноте и протыкивать небо, и одна за другой стали вспыхивать маленькие и большие звёзды. Ёжик ходил следом, не протыкивая.

— Что ж не протыкиваешь? — Медвежонок остановился.

— Я боюсь.

— Чего?

— Мне жалко.

— Да чего тебе жалко-то?!

— Неба, — сказал Ёжик.

— Фу-ты ну-ты! Кого пожалел! Во, гляди! — И стал показывать Ёжику, как с лёгким хлопаньем, а потом с серебряным звоном протыкается небо. — Протыкивай! Я сейчас!

И убежал.

Ёжик поднял прутик и пошевелил звезду.

И она замигала Ёжику.

А потом вдруг ярко вспыхнула, Ёжик испугался и... нечаянно проткнул небо.

И появилась Ё ж и к и н а звезда.

Она была такая красивая...

Вновь явился Медвежонок, и при свете звёзд было видно, что он волочёт бревно.

— Помогай! — рывкнул Медвежонок, и они вдвоём — хлоп! — проткнули небо бревном, и в чёрном небе поплыла красная луна.

— Луна!.. — выдохнули вместе Ёжик с Медвежонком, садясь на бревно.

— Жалко, нет Зайца, он тоже любит луну, — сказал Ёжик, не сводя глаз со своей звезды. — И всё-таки, зна-



ешь, Медвежонок, это не то небо, которое было в день рождения Зайца.

— Не то! Конечно не то! Ещё найдём! — сказал Медвежонок.

— Знаешь, Медвежонок, — Ёжик не отрывал глаз от своей звезды, — давай их больше не менять, а?

— Кого?

— Небы.

— Хы! Как хочешь, — буркнул Медвежонок. — Только там ещё полверблюда осталось.

В небе сияла луна и мигали звёзды, но Ёжик, не отрываясь, смотрел на с в о ю звезду.

— Давай споем! — вдруг сказал он. — Когда так хорошо — обязательно поют песни.

— Только надо пойти сесть в лодку, — сказал Медвежонок. — Когда такая луна, песню хорошо петь в лодке.

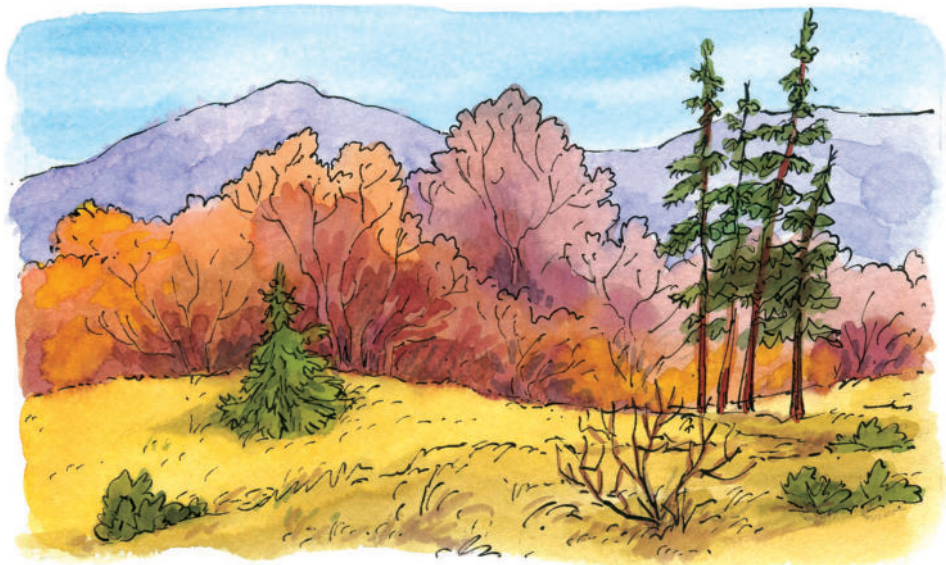
В тихой кувшинке, как в лодке, они медленно плыли по реке. Медвежонок то и дело подымал прутик, протыкивал небо, а Ёжик неотрывно глядел на свою звезду.

Они пели:

С песенкой, как с лесенкой до неба,
Реченькою тихою плывём.
Если фонаря с собою нету —
Сами в небе звёздочку зажжём.
То ли гром,
То ли град,
Сменишь небо —
Потом
Будешь сам не рад.



Праздник последнего солнышка



Когда облетели все листья и, может быть, в последний раз выглянуло солнце, Ёжик сказал Медвежонку:

— Сегодня — праздник!

— Какой? — спросил Медвежонок.

— Праздник последнего солнышка.

— А что мы будем делать?

— Петь и веселиться, — сказал Ёжик. — Но сперва пойдём на Большую поляну к худенькому пеньку.

— Пойдём, — согласился Медвежонок. — А зачем?

И они вышли на поляну.

Всё было залито солнцем.

И деревья стояли голенькие, но — торжественные.

Хмурились ёлки.

Шумели закинутыми высоко головами сосны.

Но даже самые хмурые ели были в этот час сурово-торжественны.

— Никогда не видел такого леса, — сказал Медвежонок.

— Слушай, я встану на пенёк, — сказал Ёжик, — а ты иди с того конца поляны на этот.

— Зачем? — удивился Медвежонок.

— Так надо. — И Ёжик влез на пенёк.

Медвежонок отошёл в самый конец поляны и побежал мимо Ёжика.

— погоди! — крикнул Ёжик. — Давай сначала! Ты не беги, а иди, понял?

Медвежонок вернулся и вразвалочку пошёл мимо Ёжика.

— Не так, — сказал Ёжик. — Голову держи прямо, плечи откинь назад и — топай лапами.

— Слушай, — сказал Медвежонок, — давай я влезу на пенёк, а ты покажи.

Ёжик слез с пенька и ушёл в самый конец поляны.

— Тебя уж и не видно! — крикнул с пенька Медвежонок.

— Ту-ту-ту-ту! — затрубил Ёжик и, высоко вскинув мордочку и весь откинувшись назад, протопал мимо Медвежонка.

— Теперь я! — крикнул Медвежонок. — Ту-ту-ту-ту! — затрубил он что было мочи и прошагал мимо Ёжика.

— Теперь я! — крикнул Ёжик.

И прошагал мимо Медвежонка так торжественно, что Медвежонок сказал:

— Давай вместе!



— А кто будет стоять на пеньке?

— Попросим Белку!

И они позвали Белку и вдвоём, высоко вскинув головы, прошли мимо пенька.

— Возьмите меня! Я тоже хочу! — крикнула Белка.

Тогда они посадили на пенёк Зайца и пошли все втроём.

— Не сбивайся, Белка, — проворчал Медвежонок, когда они проходили мимо пенька.

— Я тоже хочу! — завопил Заяц.

Но на пенёк поставить было некого, и они стали по очереди вставать на пенёк и по трое ходить по поляне.

— А что если на пеньке никого не будет? — спросила Белка. — Что если мы вчетвером просто будем ходить — и всё?

— Можно! — сказал Ёжик.

И они встали парами — Ёжик с Медвежонок, Белка с Зайцем — и до вечера ходили по поляне, пока не стемнело и Медвежонок не пригласил всех в дом и не напоил чаем с мёдом, морковкой, орехами, грибами и самым любимым Ёжикиным малиновым вареньем.



Утро



О чём думал Медвежонок, просыпаясь рано-рано утром на лесной опушке?

А он думал так: «Вот ещё немножко, я сладко зевну и совсем проснусь. Или нет — я совсем проснусь, а потом сладко зевну. Или нет — лучше я сладко зевну и посплю ещё немножко...»

Так он и сделал: приоткрыл глаза, сладко зевнул, прилёг у пенька и заснул снова.

А в деревне уже давно проснулся Петух. Он взлетел на забор, несколько раз беззвучно открыл клюв, как бы сам с собой пробуя, хорошо ли у него должно получиться, а потом вдруг закричал во всё горло: «Ке-ки-ку!...»

«Ки-ки-ку-у..» — хрипло донесло эхо.

«Ки-ки-ку...» — ответил ближайший лес.

«Ки-ку!» — пискнула какая-то птичка.

«Всё в порядке, — подумал Петух, — все услышали».
И спрыгнул с забора.

Козёл тоже проснулся. Он хмуро щипал траву и смотрел на невысокое солнце. Оно висело так низко, что ему казалось, мотни он головой, и он подденет солнышко рогами.

«Ещё забодаю», — подумал старый Козёл.

И отошёл в сторону.

Закуковала Кукушка. Её никто не видел в густой листве, и поэтому всем показалось — закуковало дерево.

«Ку-ку! Ку-ку! Ку-ку!» — куковала старая осина.

Потом Кукушка перелетела, и теперь уже куковал исполинский дуб.

«Ку-ку!» — сказал дуб. И Зайцу сделалось так страшно, что он никуда не убежал.

«Вот, — подумал Заяц, переводя дух, — деревья закуковали. Может, мне попробовать?»

И он, встав на задние лапки, стал куковать, как умел.

«Шу-шу! Шу-шу!» — куковал Заяц. И от Заячьего шуршащего кукования проснулся Крот.

«Ну и ну! — подумал Крот. — Заяц кукует! Неужто я хуже?»

И, высунувшись из норы по пояс, зашелестел.

Как куковал Крот — никто не слышал, но все видели, что он куковал.

Накуковавшись, Крот снова залез в свою нору и пригласил Зайца пить чай.

«Шу-шу!» — в последний раз сказал Заяц. Присел у входа в Кротовую нору и достал морковку.

А у Медвежонка на опушке в носу защекотало.



«Мёд? — подумал во сне Медвежонок. — Да откуда ж ему теперь взяться!..» И не проснулся.

Но потом снова подумал во сне: «А что если всё-таки мёд?..»

И продолжал спать с открытыми глазами.

Потом прибежали муравьи. Они стали щекотать Медвежонка и щекотали его до тех пор, пока он не расхохотался, не подпрыгнул и не стукнул о землю лапами так, что закачался весь лес. И Петух в деревне и Козёл на лугу, и солнышко, и осина, и дуб, и Заяц, и Кукушка, и Крот — все ещё несколько минут качались, пока не проснулись совсем.

Щучья почта

С вечера Ёжик решил написать письмо Льву.

Мол, дорогой Лев, как вы поживаете, что делаете, не желаете ли написать нам письмо?

И уснул.

А утром было столько снега, столько солнца, такие тени ныряли в сугробах, что Ёжик подумал о Щуке. И не успел подумать, как дверь отворилась и вошла старая Щука с бородавкой на лбу.

— Доброе утро, бабушка! Я только о вас подумал, а вы — тут.

— Спасибо что позвал, Ёжик! Как вы тут с Медвежонком живёте?

— Хорошо. — И Ёжик налил Щуке чаю. — Вот грибки, вот яблоки — кушайте!



Щука захрумтела яблоком.

— Бабушка, вы слышали о голубиной почте?

— Как же — почтовые голуби!

— Ага! А нам с Медвежонком пришла мысль...

— Ну-ка!..

— Голубиная есть, а никаких других нету. Ни медвежьей, ни заячьей... Как будто одни голуби и могут письма носить.

— Чудная мысль! — Щука подцепила грибок.

— А что если открыть щучью почту?

— Щучью?.. А что? Голубь, он по небу летит. Упадёт, и всё. А щуки, мы — надёжные. И падать некуда: вода.

Ёжик принёс клюковки.

— До моря всегда доставим, а там уж с акулами разговаривать.

И кинула в пасть ягодку.

— Там — или с акулами, или с самим Китом, если письмо заморское.

— Бабушка! — сказал Ёжик. — Поговори с акулами! У нас письмо есть!

— Кому пишите?

— Льву.

— Здесь без Крокодила не обойтись. Я — Акуле, она — Крокодилу, он — по адресу: в Африке — крокодилы главные.

Пришёл Медвежонок, увидел две чашки:

— Ты с кем чай пьёшь?

— С бабушкой.

— С какой бабушкой?

— Как же ты меня не видишь, Медвежоночек? — Щука сморщилась. — Я же ваше письмо повезу!

— Извиняйся! — шепнул Ёжик.

— Реку переплыву, — шурилась Щука, — Акуле передам...

— Давай письмо, — сказал Ёжик.

— Какое письмо?

— Тогда пишите, — прошамкала Щука. — Напишите — несите к проруби. — И ушла, обидевшись.

— Всегда ты так! Письма не написал, обидел бабушку.

— Какое письмо? Какую бабушку?!

— Щуку-бабушку. Она всегда про тебя думает. Как, говорит, вы там живёте, с Медвежоночком?

— Ничего не понимаю! — сказал Медвежонок.

Но всё-таки они сели вместе с Ёжиком и написали письмо Льву.



Солнышко у тебя в углу



В осенний солнечный день Медвежонок ходил у реки и думал.

«Вон сколько солнца, — думал Медвежонок, — и на деревьях, и на воде, а потом солнце уйдёт, станет темно, хмуро и ничего не останется. Как бы так сделать, чтобы, когда солнце заходит, у нас с Ёжиком оставалось солнечное тепло».

Он остановился, поднял палку и стукнул по воде.

Полетели золотые брызги.

— Ну вот, — сказал Медвежонок. — Вон сколько солнца!

И Медвежонок стал думать дальше.

«Конечно, в деревьях солнца много. За лето деревья набирают столько солнца, что осенью оно выходит золотыми

листьями. Ещё солнце у деревьев внутри. Положишь су-чок в печку — он так и запылывает».

— Это я знаю, — вслух сказал Медвежонок. — Это — огонь.

«Если ж набрать сухих листьев и поставить их в банку, — думал дальше Медвежонок, — будет очень красиво. Будто солнышко у тебя в углу. Но оно не греет. Что же придумать?»

Он остановился и стал глядеть на золотую реку.

На прибрежных кустах серебряными паутинками вздрагивала тишина.

«Нет, нельзя, чтобы всё это так пропало... Надо что-то придумать...»

— А что если, что если... Ур-ра! — завопил Медвежонок и побежал к Ёжику.

— Ёжик, — сказал Медвежонок, — бери два ведра, сито и туесок.

— Зачем? — спросил Ёжик.

— Потом расскажу. Бери!

Они схватили два ведра, сито, берестяной туесок и помчались к реке.

— Да зачем всё это? — по пути спрашивал Ёжик.

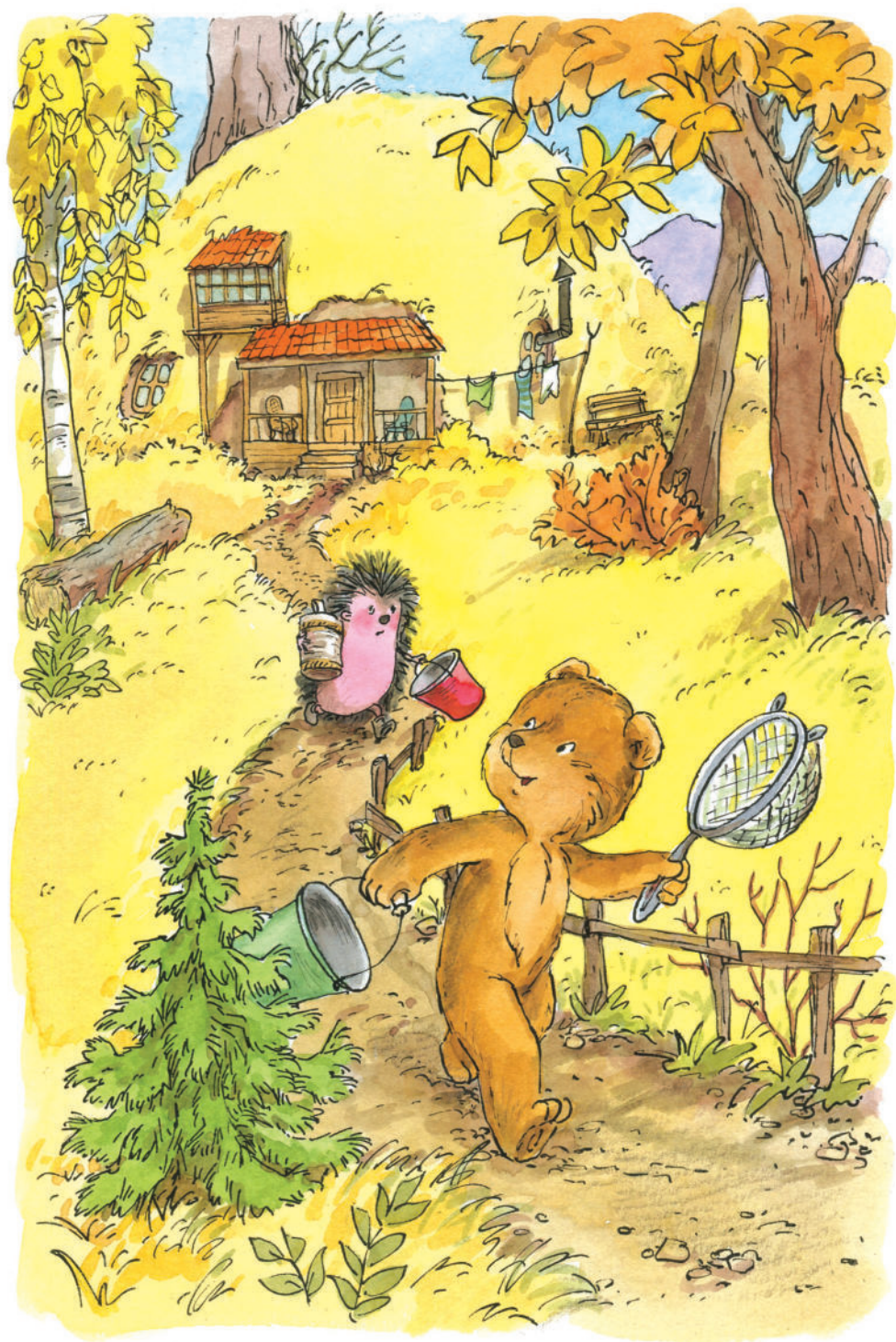
— Сам увидишь.

Солнце стояло высоко, река была золотая.

— Куда бы приладить сито? — оглядывался Медвежонок.

— Да зачем?

— погоди. Ага. Вот сюда. — И Медвежонок прислонил сито к камню. — Теперь черпай воду и лей.



— Куда?

— В сито.

— Зачем?

— Увидишь.

И Медвежонок начал черпать воду из реки и лить в сито.

— Ты мне скажешь всё-таки, что ты делаешь?

— Скажу. Потом.

Вода проливалась сквозь сито и стекала обратно в реку.

— Да помогай, — сказал Медвежонок.

И Ёжик стал помогать.

Так они трудились полдня.

— Давай-давай, — подбадривал Ёжика Медвежонок. —

Видишь, солнце стало заходить, теперь его особенно много.



— Где?

— В воде.

— Ну и что? — чуть не крикнул Ёжик.

— А то, — присел, умаявшись, Медвежонок. — Вода стечёт, а солнце останется. А мы его — в туесок.

— Солнце?

— Ага.

— Так здесь же ничего нет.

— Это кажется, — сказал Медвежонок. — Как же ничего нет, если в реке было столько солнца?

И он открыл туесок и аккуратно, чтобы не просыпать, пересыпал в него оставшееся в сите солнце.

— Ну вот, а теперь закроем крышечкой и — домой.

— Так там же ничего нет!

— Глупый, — только и сказал Медвежонок.

... Волоча ведро и сито, с туеском под мышкой, в сумерках они подошли к дому Ёжика.

Воздух был звонкий-звонкий, и палые листья хрумтели под ногами.

— Ну, открывай, — сказал Ёжик, когда вошли в дом.

— Нет, — сказал Медвежонок. — Не сейчас. Мы откроем его зимой, когда будет мести метель и свистеть вьюга. Откупорим, и запахнет рекой, рыжим солнцем; мы вспомним, как хорошо сегодня потрудились, и солнышко обогреет нас.

Медвежонок поглядел в круглые глаза Ёжика, придвинул табуретку и поставил туесок с солнышком в уголок.

Три муравья

По одной пыльной дорожке шли три муравья. Один волок соломинку, другой тащил сосновую иголку, а третий катил перед собой маленькую словую шишку.

Стояла жара, трещали кузнечики, и пахло перегретой хвоей.

— Фу! — сказал Первый Муравей. — Жарко! — И сбросил с плеча соломинку.

Второй Муравей положил рядом с ней сосновую иголку и утёр лапкой вспотевший лоб.

Третий Муравей остановился, и еловая шишка, которую он катил перед собой, тоже остановилась.

Все трое уселись на пыльной обочине, развели костёр, повесили над огнём котелок с водой, и сладкий, горьковатый дымок пополз в небо.

— Не люблю работать по жаре, — сказал Первый Муравей. — С утра оно как-то сподручнее...

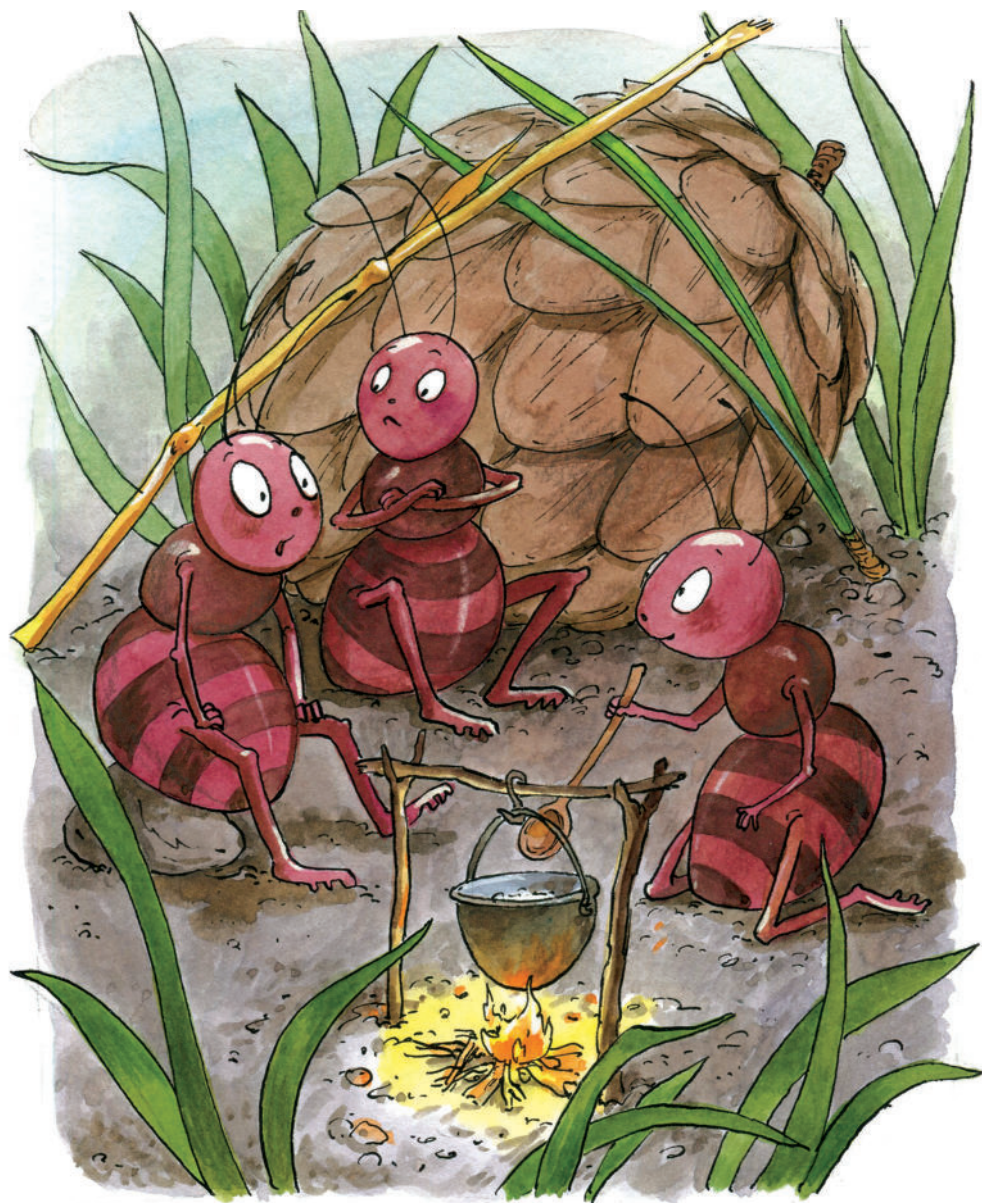
— Да, — поддержал Второй. — Утром как бы, работая, отдыхаешь.

— Это смотря какая работа... — сказал Третий.

— Конечно, тебе хорошо, — обозлился Первый Муравей. — Кати себе шишку да кати, а ты бы попробовал соломинку унести!

— Или сосновую иголку, — поддакнул Второй. — Она хоть и не велика, да тяжёлая!

— Или, скажем, вчерашний день... — продолжал Первый Муравей. — Я цветок кашку тащил. Еле добрался к вечеру. Упарился!..



— А я, — сказал Второй Муравей, — вчера хворостинку волок. Думал — погибну. С утра ещё ничего шло, а как солнце пригрело... Ну никакой мочи нет!..

— Не знаю, — проворчал Третий Муравей. — Я вот уже целую неделю шишки катаю. Приспособился.

— Эка! Шишки!.. — опять рассердился Первый Муравей. — Я тебе говорю, ты бы попробовал соломинку утащить! — И он зло посмотрел на Третьего Муравья.

— Я весь прошлый год солону таскал, — сказал Третий Муравей, — а в этом мне шишки положены.

— Ему шишки положены! — передразнил Первый Муравей. — Ничего тебе не положено. Вот сейчас бери соломинку и тащи!

— А ты что же, шишку покатишь?

— Покачу!

— Нет уж! — сказал Третий Муравей. — Шишка — моя. Ты как считаешь? — обратился он ко Второму Муравью.

— Шишку должен катить я! — сказал Второй.

— Нет, я! — сказал Первый.

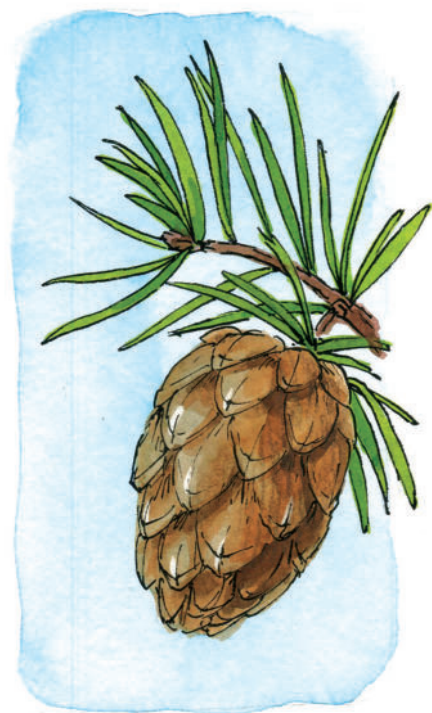
— Я!!

— Нет, я!!

Они вцепились друг в друга и покатались по пыльной дорожке...

Третий Муравей укрылся в тени травинки, заложил лапки за голову и стал смотреть в небо. Высоко-высоко плыли белые облака.

«Интересно, смог бы я утащить такое облако? — думал Третий Муравей. — Конечно, целиком его не ухватишь, а





по кусочкам, пожалуй бы, смог...»

«Я!.. Нет, я!..» — кричали за поворотом дорожки муравьи. «Я! Нет, я!» — разносилось по всему лесу.

А Третьему Муравью было так грустно всё это слышать, что он решил забраться на самую верхушку сосны, поближе к белому облаку.

Он откатил с дороги и спрятал в траве свою шишку и, петляя между сучков, стал подниматься на сосну.

Чем выше он поднимался, тем прохладнее и веселее ему становилось.

На самой верхушке он перевёл дух, огляделся и закинул голову.

Прямо над ним плыло облако.

Муравей поудобнее устроился и стал смотреть, как оно проплывает.

«Само оно ходить не умеет, — думал он. — Кто-то

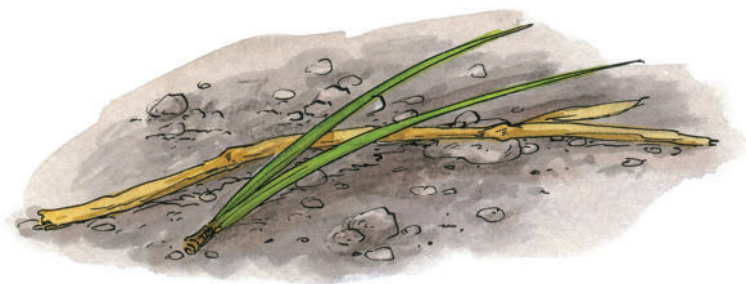
его тащит. Наверное, есть такой... Небесный Муравей, который таскает облака...» — «А почему его не видно?» — спросил он сам у себя. И, подумав, ответил: «Потому что он голубого цвета!»

«Вот бы мне стать Небесным Муравьём, — думал он, сидя на сосне. — Днём бы я таскал облака, а ночью — звёзды. А в следующий год мне бы вышло таскать тучи и луну... А ещё на следующий — месяц и солнце... А потом — всё сначала! А пока надо катить шишку...»

И он спустился вниз, отыскал в траве свою шишку и покатиł её к муравейнику.

Первых двух муравьёв и след простыл.

В дорожной пыли валялись соломинка и сосновая иголка.



Старая коряга



На реке жила страшная чёрная Коряга. У неё была огромная голова, горбатое тельце и цепкие когтистые пальцы. С них клочьями свисала отвратительная скользкая тина. Все боялись Коряги, и она радовалась, что все бояться её.

Подошёл однажды к берегу реки Козлик. Посмотрел в воду, задрожал от страха и заплакал. А Коряга обрадовалась и пошевелила скрюченными когтистыми пальцами.

«Ах, какая я отвратительная! — думала она. — Отвратительнее меня нет на свете!»

И действительно: что могло быть отвратительнее старой чёрной Коряги?

Утки боялись нырять возле неё, плотвички проносились мимо, сом огибал стороной, и даже облака морщились, проплывая по реке в этом месте...

Но однажды Коряга очень удивилась, увидав неподалёку страшилище похлеще себя.

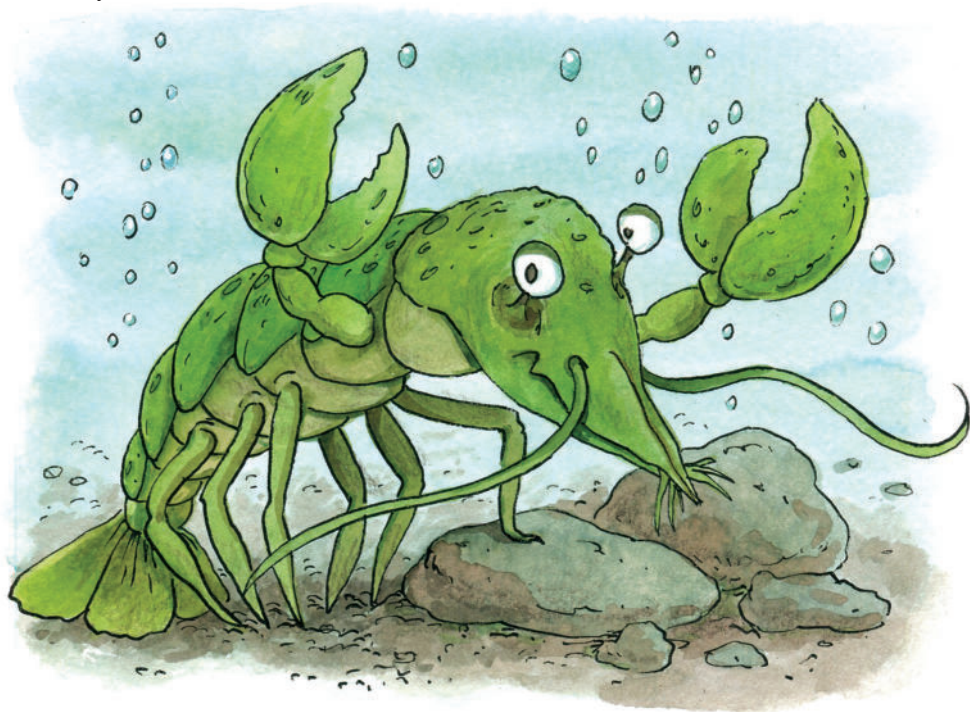
У страшилища были злые глаза на тоненьких ниточках, огромные усы и невообразимые клешни вместо лап. «Щёлк-щёлк!» — щёлкало страшилище клешнями и двигалось задом наперёд.

— Кто ты? — спросила Коряга.

— Я-то я, — сказала страшилище. — А кто ты?

— Как это — кто я? — возмутилась Коряга. — Я — Коряга!

— А я — Рррак! — прохрипело страшилище и злобно щёлкнуло.



«Он такой страшный, — подумала Коряга, — что насколько меня не боится. Надо с ним дружить!»

— Дорогой Рак! — обратилась она к страшилищу. — Сейчас полдень. Не желаете ли поблаженствовать в тени? Возле меня лежит такая зловещая тень...

— Как же! — радостно хохотнул Рак. — Зловещая тень — одно из моих любимых удовольствий!

И он подполз вплотную к Коряге и примостился в её тени.

— А вам не жарко? — в свою очередь любезно спросил он.

— Мне — нисколько! — соврала Коряга, хотя солнце в это время стояло прямо у неё над головой. — А как вы оказались в наших краях?

— Полз, — односложно ответил Рак.

— А я вот не умею ползать, — с лёгкой грустью призналась Коряга. — Но зато я всё время шевелю пальцами.

— Вы шевелите, шевелите... — сказал Рак, задрёмывая.

Коряга сонно шевелила пальцами и думала:

«Как приятно иметь друга, который страшнее тебя».

А Рак, засыпая, подумал:

«Ей, наверное, кажется, что я такое же страшилище, как она».

В реке было тепло, тихо, и большие солнечные зайцы прыгали по дну...

Страшный, серый, лохматый



Ранним утром бежал по дорожке Козлик и горько плакал.
— Отчего ты плачешь? — спросил у него Цыплёнок.
— Страшно! — ответил Козлик. — Там, на реке, кто-то сидит — большой и лохматый...

И они заплакали вместе и побежали дальше.

Бегут вдвоём, плачут.

Встретилась им Утка. Посмотрела на них, ничего не спросила, заплакала, побежала следом.

Бегут по дорожке Козлик, Цыплёнок и Утка, горько плачут.

Сидел на пенёчке Медвежонок. Хотел спросить, почему Козлик, Цыплёнок и Утка так плачут, но только открыл пасть — а их уже и след простыл.

Заплакал Медвежонок, побежал вдогонку.

Вот бегут теперь Козлик, Цыплёнок, Утка и Медвежонок, на весь лес плачут...

На старом дубу дремал Филин. Слышит Филин: лес на все голоса плачет. И плач этот к нему, к Филину, приближается. Открыл он один глаз, видит: бегут Утка, Цыплёнок, Козлик и Медвежонок — на весь лес заливаются.

Тут Филин как закричит:

— Вы что тут плачете, спать мешаете?!

Утка, Цыплёнок, Козлик, Медвежонок остановились как вкопанные, а потом бросились бежать назад, плача ещё громче.

Лежал на пригорке Кот — трубкой попыхивал, лапой лапу поглаживал. Видит: бегут из леса Утка, Цыплёнок, Козлик, Медвежонок — все до одного плачут.

— Вы что плачете? — крикнул Кот.

— Там, на реке, — сказал, всхлипывая, Козлик, — сидит кто-то, большой и лохматый.

— Серый и страшный! — сказал Цыплёнок.

— Без головы и без ног!.. — сказала Утка.

— И дышит, — прошептал Медвежонок.

— Э-ка! Испугались!.. — сказал Кот. И первым, попыхивая трубкой, двинулся к реке. — Серого, лохматого, безголового и безлапого бояться не надо, — говорил он. — Вот если бы серый, лохматый, с головой и с лапой... Тогда — да! А это — фу!.. Ту-ман!

И он презрительно ткнул лапой в клубящийся над рекой туман и выпустил огромное сизое кольцо дыма.

И тут запел петух, выглянуло солнце и большой, серый, лохматый туман на реке начал таять.

Далеко-далеко на юге...



В апреле, когда на деревьях начали распускаться почки, Ёжик вышел на берег реки, встал на задние лапки, глубоко вздохнул и посмотрел, не сорвалась ли с привязи Щука. Щуку он поймал ещё прошлым летом, и с тех пор она жила у него на длинной верёвке, один конец которой был обмотан вокруг щучьего хвоста, а другой — привязан к колышку.

Ёжик потянул за верёвку и спросил:

— Как ты себя чувствуешь, Щука?

Щука плеснула хвостом, разинула пасть и беззвучно закричала:

— Кактысебячувствуешь? Кактысебячувствуешь?.. Плохо! Вот как я себя чувствую!..

— А что с тобой? — спросил Ёжик.

— Чтостобой? Чтостобой?.. — беззвучно передразнила Щука. — Вот посиди целую зиму на привязи, тогда будешь знать, что со мной!..

— А хочешь поехать далеко-далеко? — спросил Ёжик.

— Никуда я не поеду!

— А я тебе лягушку принёс, — сказал Ёжик.

— Лягушку?

— Да. Зелёную и толстую. Я её целую зиму кормил!

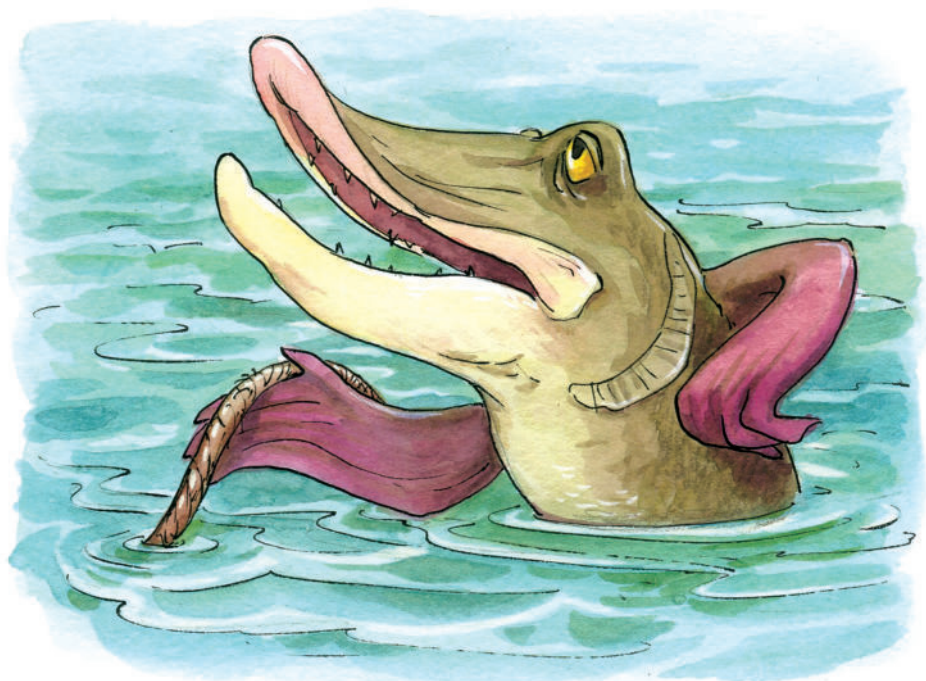
Щука выглянула из воды и с подозрением поглядела на зелёный мешочек, который висел у Ёжика через плечо.

Ёжик бережно погладил его, а потом плавно покачал перед самым носом у Щуки.

— Я думал, ты поедешь... — сказал он.

— Ква-а-а! — зелёненьким голоском сказал мешочек.

— За-пря-гай! — крикнула Щука и подплыла к берегу.



Ёжик отвязал верёвку от колышка и привязал её к носу лодки. Сам сел на корме и взял в лапу длинную хворостину.

— По-ехали! — крикнул он.

Лодка вышла на середину реки, повернула и понеслась вниз по течению.

— Как ты себя чувствуешь, Щука? — снова спросил Ёжик.

Щука ничего не ответила. Она изо всех сил гребла плавниками и била хвостом, и ей было не до разговоров.

А Ёжик стал думать о том, что далеко-далеко на юге, куда он плывёт, на маленьком островке растёт старый каштан и что у него набухли, наверное, теперь почки... И что он, Ёжик, приплывёт к пустынному островку, привяжет лодку и наломает каштановых веточек, а потом вернётся домой и поставит их в воду. И через неделю у него дома распустятся большие белые свечи. Но они не сразу распустятся, а сначала покажутся пятилапые зелёные листочки, маленькие и нежные, в белом пуху... И он, Ёжик, никуда не будет ходить, ни с кем не станет разговаривать, а зайдёт дома, поставит перед собой банку с ветками и будет целыми днями, с утра до вечера, смотреть на них, чтобы всё-всё было у него перед глазами, чтобы ничего-ничего не пропустить...

А потом, когда уже вырастут листья и распустятся свечи, он, Ёжик, вынесет их на поляну и созовёт весь лес... «Сначала, — скажет он, — просто лопнула почка. Потом высунулся зелёный клювик. Потом он вырос и развернулся, как маленькая ладошка. Потом я лёг спать — и распустились свечи!...»

«Это очень интересно», — скажет Медвежонок.



«Это — удивительно!» — скажет Ослик.

«И всё-таки — что это такое?» — спросит Белка.

«Это свечи каштана с маленького острова на юге реки!» — скажет Ёжик...

— Ёж! — беззвучно закричал кто-то. — Покажи лягушку!

Это была Щука. Она устала тащить лодку и хотела посмотреть на лягушку.

Ёжик снял с плеча зелёный мешочек и помахал им над головой.

Щука облизнулась, нырнула ещё глубже и снова принялась бить хвостом и грести плавниками.

А через полчаса они пристали к маленькому острову, на котором рос старый каштан.

— Давай лягушку! — крикнула Щука.

А Ёжик стоял на задних лапах с зелёным мешочком через плечо и не мог вымолвить ни слова.

Перед ним, как снежная гора, сияя сотнями распустившихся белых свечей, стоял старый каштан.

— Опоздал!.. — горько вздохнул Ёжик.

«Ква-а-а!» — радостно крикнул Лягушонок.

Выскользнул из мешочка и плюхнулся в воду.



Маленький Ослик



Ослик очень хотел повеситься, но не знал, как это сделать.

«Если я повешусь на сосне, — думал он, — сосна заплачет сосновыми шишками.

Если дома — заплачет ласточка.

Если в конюшне — испугаются мои братья ослики...»

Ослику так не хотелось никого тревожить!

Вечером он вышел к пруду. Одинокая береза свесила руки над водой.

— Ты не рассердишься, если я на тебе повешусь, Береза?

— Не надо, Ослик. Я и так изо дня в день полоסקаю в пруду облака, а тут еще скажут: «Это та самая Береза, на которой повесился Ослик!»

Ослик тяжело вздохнул и пошел дальше.

За бугром, посреди пшеничного поля, сгорбился старый дуб.

— Дуб, Дуб, — спросил Ослик, — ничего, если я на тебе повешусь?

— Ничего, — сказал Дуб, — но я стар и мне не удержать тебя...

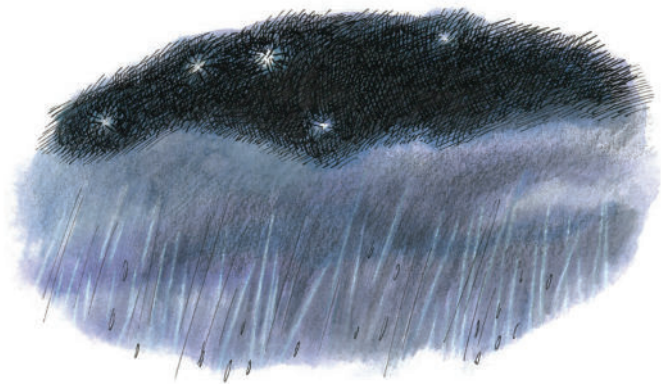
Поздней ночью Ослик встретился с Медвежонок.

— Медвежонок! — сказал он. — Ты мой самый лучший друг. Помоги мне повеситься.

— Что ж! — сказал Медвежонок. — Веревка и молоток у меня есть. А гвоздь мы забьем в небо!

— Вот это чудесно! — сказал Ослик. — И никто не заметит.

Так они и сделали. Гвоздь вбили в небо — и он заблестел, как звезда. На гвоздь накиннули веревку — и она повисла проливным дождем. Ослик шагнул в петлю — и никто не заметил: ни сосна, ни ласточка, ни братья в конюшне. И только Медвежонок в серые дни понимал, что это между небом и землей — висит Ослик.



Удивительная речка



Прибежал к речке Лисёнок. Увидел в воде солнышко и сказал: «Рыжий Лисёнок, как ты научился плавать?»

Притопал к речке Козлик. Увидел в воде белое облачко и позвал: «Пушистый Козлик, иди ко мне, будем играть вместе!»

Приполз к речке Уж. Спинка у него блестящая — так вся на солнце и переливается. «Какая большая Змея! — подумал Уж о реке. — Ни головы, ни хвоста не видно!»

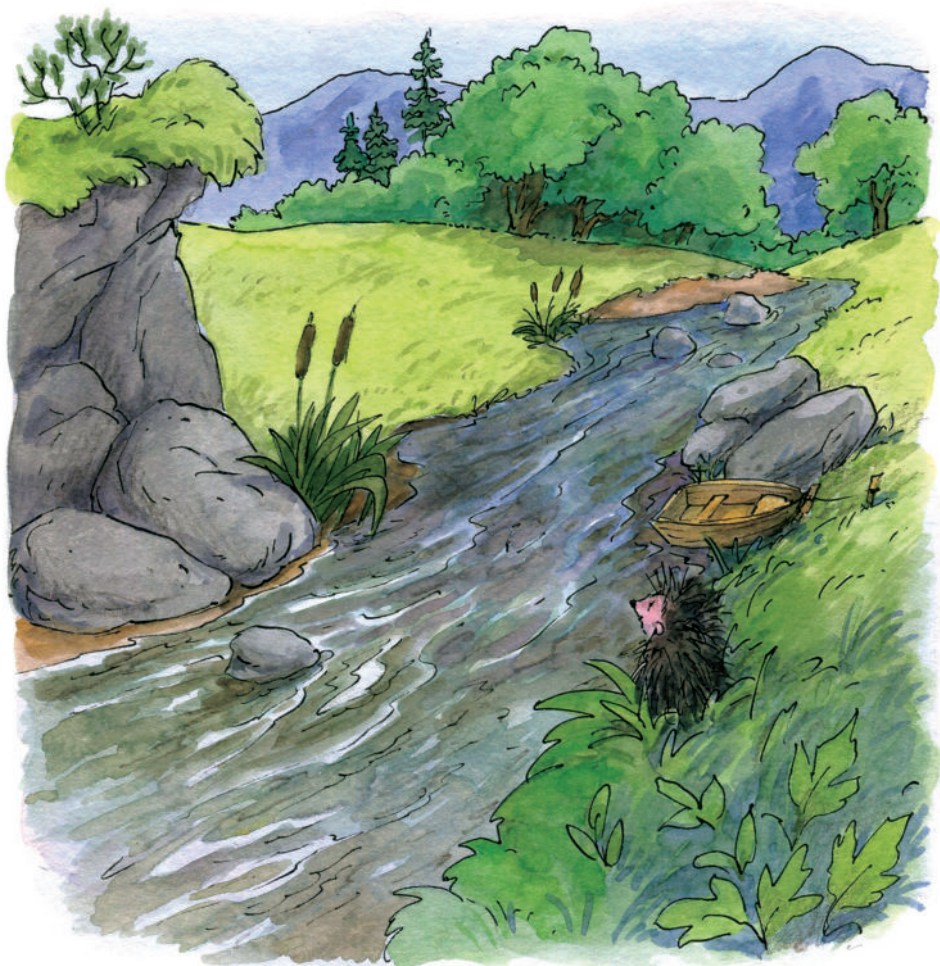
Пришёл к речке Ёжик. Посмотрел на камыши и сказал: «Какой большой Ёжик сидит под кручей!»

А солнышко уже скрылось за горой. Стемнело... Лисёнок посмотрел на воду и крикнул: «Ты утонул, Рыжий Лисёнок?»

Козлик глянул с берега и заплакал: «Куда ты убежал, Пушистый Козлик?»

Уж посмотрел на речку и проворчал: «Никакая ты не Змея. У тебя спинка не блестит!»

И только Ёжик обрадовался. Потому что к вечеру подул ветер и камыши зашуршали. И Ёжик тоже зашипел и стал с ними переговариваться, как с настоящим Большим Ёжиком: «Шшш-ш!»



Наш друг Ослик

«Наш друг ослик говорил: „Счастье — это собирать звон травы, звон ветра. Когда я соберу много этого звона, я стану старинными часами. Буду стоять и звонить. Каждые четверть часа“. А дети услышат и скажут: „Какую красивую музыку нашёл на полях сегодня наш ослик“».



Колодец



Когда-то в колодце была холодная вкусная вода. И кто бы её ни попробовал, говорил: «Никогда не пил слаще этой воды!» Но потом колодец постарел, и вода из него ушла. Лишь на дне осталась чёрная жидкая грязь, в которой по ночам светились звёзды...

Вот пришёл однажды к колодцу седой старик.

— Здравствуй, колодец! — сказал он. — Вот мы с тобой и повстречались. А ведь это я когда-то вырыл тебя и срубил твои деревянные рёбра!

— Ох!.. — вздохнул колодец. И на дне его квакнула лягушка.

— Когда ты был молодой, — продолжал старик, — из тебя можно было сразу брать по сто вёдер. А за ночь ты

снова заполнялся водой! И я тоже работал целый день, а стоило мне чуть-чуть поспать — и я мог работать снова...

— О-хо-хо! — вздохнул колодец.

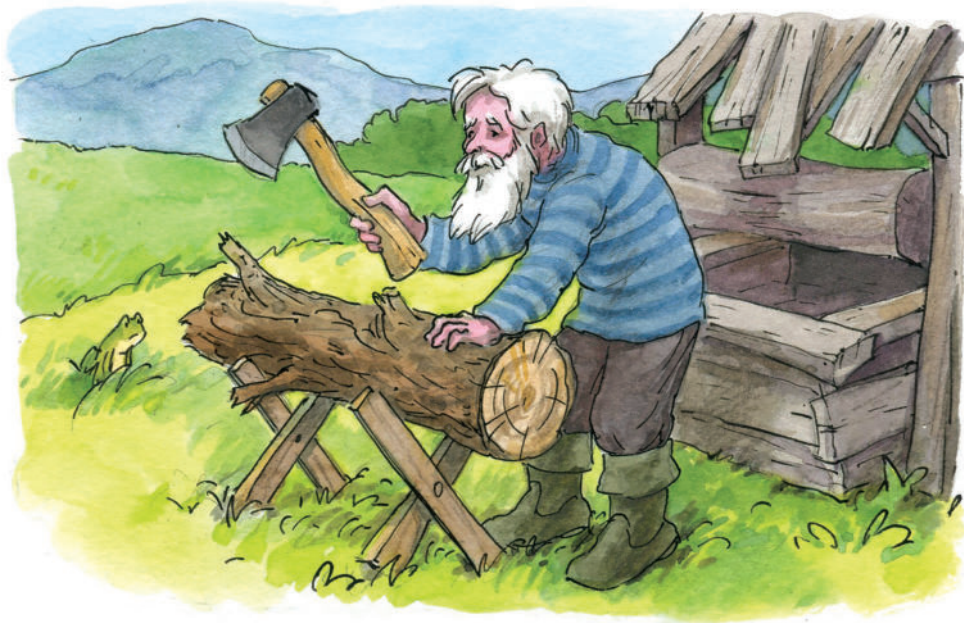
— Жаль мне тебя! — сказал старик. — И крыша над тобой сопрела, и сруб твой сгнил, и ведро девалось неизвестно куда... Хочу, чтоб ты снова был молодым.

И старик принялся за работу.

Вычерпал из колодца грязь, выбросил лягушку, принёс брёвна и стал рубить новый сруб.

Долго он работал... Каждое утро приходил к колодцу, углублял его, тесал брёвна и мастерил крышу. Но с каждым днём работа двигалась медленнее, потому что старику нужно было всё дольше и дольше отдыхать...

Наконец колодец был готов. Он стоял свежий, сияя жёлтыми боками, и от него пахло молодым деревом. И снова пришла к нему вода и была холодна и вкусна, как прежде.



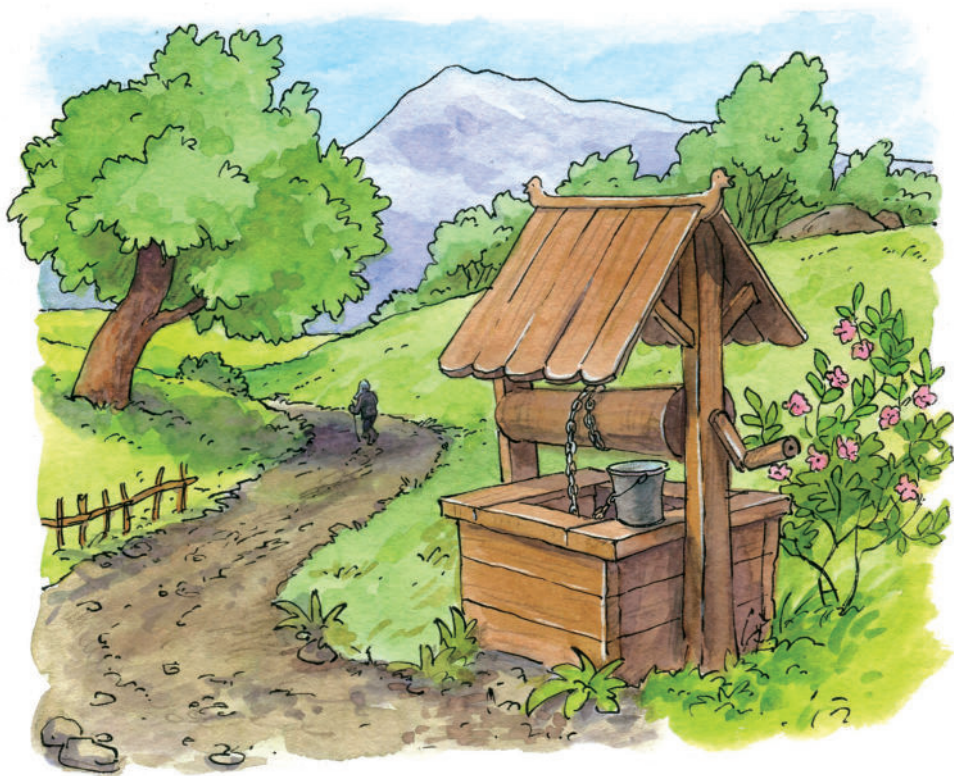
На прощанье старик подарил колодцу звонкую цепь и лёгкое жестяное ведро.

— Вот, — сказал он, — стой здесь долго, пои прохожих водой. А состаришься, снова придёт человек и омолодит тебя.

— А ты? — скрипнул цепью колодец. — Кто омолодит тебя?

— Э!.. — махнул рукой старик. И ушёл по дороге...

Колодец долго смотрел ему вслед. И ждал его на следующее утро и потом целое лето. А устал ждать — запечалился, и вода в нём стала такой прозрачной, что если кто-нибудь её пил, то сразу молодел на двадцать лет.



К тёплому морю



Олень стоял на скале, и рога у него были розовые от заходящего солнца. Он смотрел на заснеженную равнину, на дальний лес и навсегда прощался с этой страной. Впереди у него был долгий путь, и он начал вспоминать лето, ручей, овраг, за которым росла старая ель, мягкий мох на опушке, и от воспоминаний ему стало ещё грустнее.

«Вот, — думал Олень, — кончилось лето, пришла осень, и теперь надо уходить на юг. Там, на юге, нет этих скал, этих гор и ручьи звенят по-другому».

Он затрубил, и по всей равнине понеслось: «О-о-о-о!...»

Солнце совсем скрылось, потемнели горы, заблестели первые звёзды... И Олень стал спускаться вниз.

В это время в охотничьей избушке топилась печь, крепко потрескивали дрова и охотники, попив чаю, укладывались спать. Ружья у них были длинные, собаки злые, и все они были меткие стрелки.

— Гасите свет! — сказал главный охотник. — Рано утром пойдём на оленью тропу.

Олень шёл всю ночь, и всю ночь ему было грустно. Снег скрипел под копытцами, то и дело падали звёзды, и редкие снежинки, кружась, опускались с неба. Одна из них залетела Оленю в ухо и сказала: «Берегись!» — «Кого?» — спросил Олень. Но Снежинка уже растаяла.

Перед утром Оленю стало холодно, и он побежал. Он бежал красивыми большими прыжками, высоко заки-



нужу голову, почти не касаясь земли. И ему казалось, что все деревья, все кусты и овражки бегут вместе с ним. Потом он вспомнил, что ему сказала Снежинка, и побежал ещё быстрее. «Вот так! Вот так! Вот так!» — приговаривал он и думал: «Меня теперь не догонишь. Чего мне бояться?!»

Когда рассвело, охотники вышли из своей избушки и не торопясь пошли к дороге, по которой бежал Олень. На Севере такая дорога называется «варга».

— Идёмте к варге! — сказал главный охотник.

И все тронулись. Собак они оставили дома.

Олень в то время устал бежать, полизал снег и пошёл шагом. Сердце у него гулко билось. «Не свернуть ли



мне?» — думал он. Но надо было спешить на юг. И он пошёл прямо по дороге.

— Смотрите, — прошептал главный охотник. — Вот он!

Олень поднял уши и замер.

И тут огромный сук треснул в лесу, потом ещё и ещё. «Трррах-х!» — разнеслось эхо.

Олень прыгнул, но перевернулся в воздухе и упал на спину.

«Вот, — подумал он, — чего боялась Снежинка...»

Главный охотник подошёл к Оленю, и из длинного ружья у него вился дымок.

— Это последний, — сказал он. — Остальные все прошли на юг.

«Не надо было так долго прощаться», — подумал Олень и закрыл глаза.

Остальные охотники подошли с крепкой палкой, связали ноги Оленя, просунули палку, положили её концы себе на плечи и понесли Оленя к охотничьей избушке.

Олень покачивался на палке, и ему казалось, что он плывёт по большой реке к тёплому морю...



Содержание

Кит	7
На всю весну	9
Как Ёжик с Медвежонком спасли Волка	14
Новогодняя Сказка	23
Берегите погоду!	31
Голубые «Ку-Ку»	34
Грабители	37
Заячьи уши	39
Волшебная травка зверобой	43
Как Ёжик с Медвежонком ловили осень	46
Ни слова	52
Солнце	55
Ты лети! Я машу крыльями	60
Чудо	64
Сны	66
Великое имя Басё	69
Горький дым	73
Ёжикина радость	77
Падал снежок. Была оттепель	79
Сиреневый лес	85
Званный обед	87
Австралийская пегая	91
Большое спасибо	99
Лунная дорожка	102
Меленький тёплый дождь	106
Пяточка	108
Шотландская баллада	111

Давно бы так, Заяц!	116
Сказка на отъезд слона	118
В гостях у Собаки	121
Сыроежка.....	125
Ромашка	127
Не улетай, пой, птица!	135
Кукуня.....	138
Урюк.....	143
Сова-сова	145
Солёные ножки	150
Как Ослик, Ёжик и Медвежонок встретились после долгой зимы	153
Бетховенская тропа.....	156
Великий китайский поэт	159
Вместе с Землёй	163
В холодном небе.....	170
Гроза.....	173
Гусь в сапогах	178
Как Медвежонок перехитрил время.....	181
Не грязните мою Землю	184
Кто это всё придумал?	188
Перед зимой	191
Петушинный король	193
Пляска.....	197
Позвольте, я вам помогу.....	202
Радость	206
Разговор	209
Ласковый, пушистый и прыгает.....	212
Слон.....	215

Маленький живой кактус	219
ОСЛИК ДРУГ МЕДВЕЖОНКА	225
Станный музыкант	227
Садитесь, я вам налью чаю	232
Эй, вы, в бочках, вы кто?	235
Ты только погляди	239
Тепло	242
Ворон-Ворон	246
Осенний Поросёнок	251
Одуванчик и Хрюк	254
Золотой и пушистый	259
Заяц	265
В это же самое время	268
Как Ёжик с Медвежонком меняли небо	273
Праздник последнего солнышка	283
Утро	287
Щучья почта	290
Солнышко у тебя в углу	293
Три муравья	298
Старая коряга	303
Страшный, серый, лохматый	306
Далеко-далеко на юге... ..	308
Маленький Ослик	313
Удивительная речка	315
Наш друг Ослик	317
Колодец	318
К тёплому морю	321

Сергей Козлов
КАК ЁЖИК С МЕДВЕЖОНКОМ...
Сказки

БИБЛИОТЕКА МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Том 334

На основании п. 2.3 статьи 1 Федерального закона № 436-ФЗ от 29.12.2010
не требуется знак информационной продукции, так как данное издание
классического произведения имеет значительную историческую,
художественную и культурную ценность для общества

Компьютерная верстка, обработка иллюстраций
М. Судаковой

Дизайн обложки, подготовка к печати
А. Яскевича

Гарнитура Гарамонд Премьер Про
16 кегль

Сдано в печать 09.04.2025
Объем 23 печ. листа
Тираж 5000 экз.
Заказ № 1546/25

Бумага матовая мелованная Омела 115 г/м²



ООО «СЗКЭО»
Телефон в Санкт-Петербурге: +7 (812) 365-40-44
E-mail: info@szkeo.ru
Интернет-магазин: www.szkeo.ru

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт»,
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс №3А,
www.pareto-print.ru



Сергей Григорьевич Козлов (1939–2010) — советский и российский писатель, поэт, сценарист и драматург. Будущий сказочник вырос в Москве в семье государственного служащего Григория Козлова и его жены Натальи. Интерес к литературе мальчик проявлял с самого детства; ещё в школе он пробовал сочинять свои первые стихотворения. Мечтая поступить в Литературный институт, юноша посещал занятия литературного объединения «Магистраль», основанного советским поэтом и критиком Григорием Левиным. После окончания школы Сергей много работал: он был наборщиком в типографии, кочегаром на паровозе и даже учителем пения. В 1961 году писатель поступил в Литературный институт имени А. М. Горького.

Около года спустя впервые вышло в свет его произведение — маленькая сказка «Как солнце разбилось». С этого начался путь Козлова в детской литературе. В 1965 году писатель окончил учёбу, подготовив в качестве выпускной работы рукописный поэтический сборник. В течение двух лет после этого Сергей Григорьевич водил экскурсии в музей-заповеднике А. С. Пушкина «Михайловское», не прекращая при этом сочинять сказки. В них он писал о животных, природе, дружбе, жизни и смерти. Его сказки предназначены как для детей, так и для взрослых — они не только увлекают своими сюжетами, но и дают богатую пищу для размышлений. В 1972 году Козлов стал членом Союза писателей СССР. Через три года его сказка «Ёжик в тумане» была экранизирована известным режиссёром Юрием Норштейном. Мультфильм был тепло принят зрителями и получил награды международных кинофестивалей. В дальнейшем сказки и стихотворения Козлова не раз появлялись на экранах, а сам автор пробовал себя в написании сценариев и пьес.

Сказки Сергея Козлова, представленные в данном сборнике, рассказывают читателям об умении доверять, о страхе, любви и одиночестве. Ёжик, Медвежонок, Заяц, Белка и многие другие зверята вместе играют, ходят в гости, наблюдают за окружающим миром и ведут беседы. Ненавязчивым образом их рассуждения начинают касаться и вечных тем. Трогательные маленькие герои предстают в исполнении талантливой художницы Анаит Р. Гардян (1967). Анаит родилась в Ереване и училась в Армянском педагогическом институте. Поначалу художница работала мультипликатором на киностудии Арменфильм, а позднее заинтересовалась книжной иллюстрацией. Анаит сотрудничает со многими издательствами, оформляет книжные обложки и иллюстрирует произведения детских писателей. На сегодняшний день работы Анаит Гардян украшают не менее тридцати книг.

